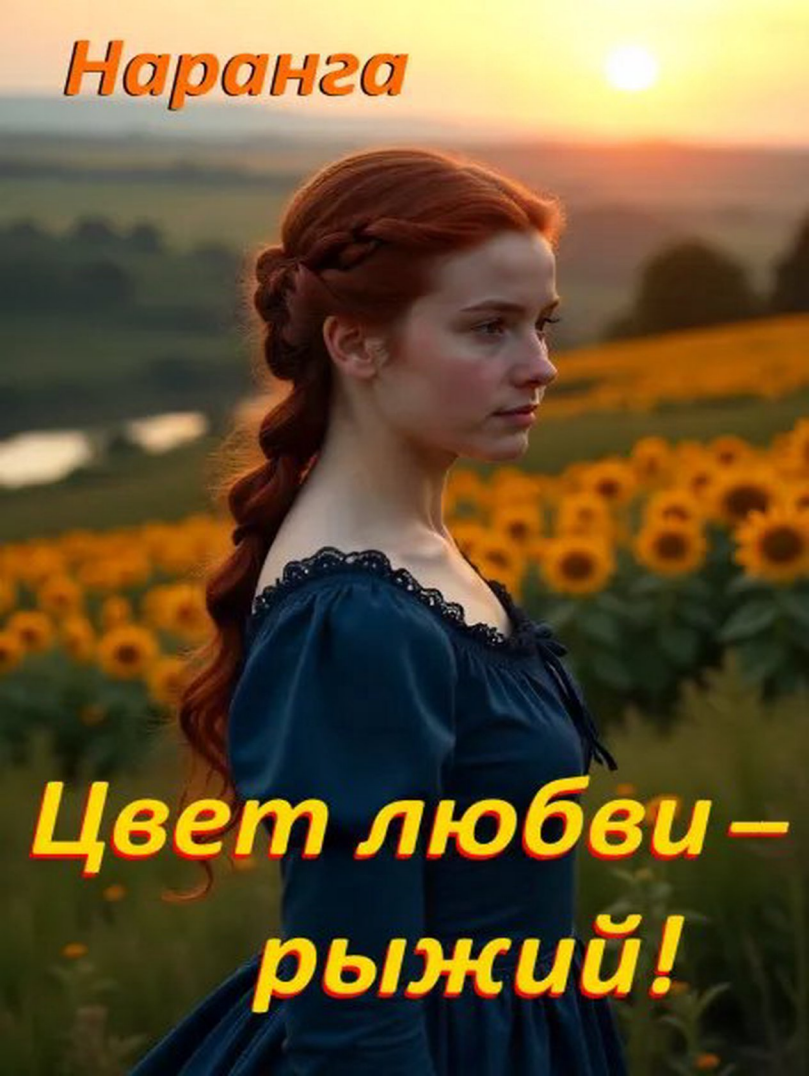
Наранга

Цвет любви – рыжий!

Цвет любви - рыжий!

Наранга

Аннотация
Наранга. Цвет любви — рыжий!
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

47
48
49
50

Аннотация

Мама потребовала от Алисы отменить поездку в Неаполь и съездить к бабушке в деревню. Две недели — уговорить старушку переехать в город, похозяйничать. Алиса сдалась под давлением «для семьи» и собрала чемодан не в Италию, а в глушь. Но ещё в городской квартире случилось странное: кустик мяты, который она едва поливала, за ночь превратился в пышный изумрудный купол. Алиса списала это на усталость, хотя ощущение недоумения осталось. В поезде и на автобусе она ехала одна, и дорога показалась ей удивительно быстрой — слишком быстрой для привычного мира. На развилке посреди подсолнечного поля, где связь оборвалась окончательно, незнакомый возница на лошадиной подводе уже знал, куда ей нужно, и довёз до самой калитки. Когда Алиса обернулась попрощаться, подвода исчезла.

Деревня оказалась не той, что она представляла. Бабушка Любава выглядела на десятки лет моложе заявленного возраста, двигалась плавно, а вещи вокруг неё подчинялись дру-

гой логике — кувшинчик, сбитый с полки, завис в воздухе перед падением. Соседи тоже оказались непростыми: старуха, что помнит всё, что нёс ветер; плотник, умеющий высвобождать душу из дерева; ткачиха, что выткает судьбу за частичку памяти. А за рекой, в болотах, спали древние силы — не злые, но чужие, тяжёлые, способные погасить свет и внушить дурные мысли. Любава предупредила: не ходи одна за реку, не слушай зовущие голоса, даже если они примут облик близких. Алиса поклялась, но клятва эта давилась ей всё сильнее — любопытство росло с каждым днём.

Мама ждала, что внучка убедит старушку бросить деревню. Но Алиса понимала: Любава связана с этим местом крепче, чем корнями, а сама она уже не та, что откладывала билеты в Италию. Городские приоритеты таяли, как роса на раскалённой печи. И всё же она не знала, чем обернётся это преображение — станет ли она частью деревенского круга или переступит черту, за которой начинаются чужие, недружелюбные тропы. Любава рассказала о прабабке, которая вызвала дождь ценой неизвестной платы, и Алиса услышала

в этом не сказку, а предупреждение.

Наранга
Цвет любви — рыжий!

1

Алиса потянулась, ловя последние лучи ленивого солнца.

Может, мама и права, Италия никуда не денется…

На столе, в деревянной рамке — открытка с видом на море. Это от бабушки, ее подарок дочери, то есть Алисиной маме. Кочевал из комнаты в комнату и нашел наконец свое место.

Алиса попыталась представить себе бабушкино лицо — и не смогла.

Когда же они виделись в прошлый раз? В третьем классе? Нет, наверное, в первом…

Между первым классом и третьим курсом универа — целая жизнь. Какая она теперь, ее бабушка?

А ведь с утра сегодняшний день казался на сто процентов предсказуемым.

На завтрак — капучино и булочка с корицей. На обед — шоппинг: новый купальник, парео и куча милых ненужностей. И перекус в фудкорте. А вечером — пачка чипсов и сериал в компании Ленки.

Чемодан уже мысленно собран. Билеты в Неаполь лежат в истории бронирования. Алису ждут цветастые саронги, куча скачанных книжек, море, запах разогретого солнцем песка и наслаждение свободой…

Она как раз перекладывала вещи, расслабленно мечтая.

Видеозвонок от мамы прозвучал неожиданно и нарушил идиллию.

Алиса вздохнула и ответила с немного натянутой улыбкой:

— Привет, мам!

— Привет, солнышко! Как твое настроение? Отдыхаешь?

Мама звучала слишком бодро даже для себя, и Алиса напряглась. Обычно за таким началом следовало предложение, на которое ей вряд ли захочется соглашаться.

— Отлично, мам. Как раз собираюсь…

— Вот и прекрасно! Слушай, у меня к тебе огромное дело. — Мама выдержала драматическую паузу. — Ты же помнишь бабу Любу?

В памяти Алисы всплыл запах свежей выпечки и сушеных трав. Теплые руки, укрывавшие ее пуховым платком. И черное небо над головой, усыпанное яркими звездами, — таких в городе

не бывает.

Но все это было давным-давно...

Бабушка к ним почему-то не приезжала. И к ней Алису родители не отправляли, хоть там и «свежий воздух», и «здоровая еда», и «нет интернета». Ленку вон всю школу на лето сплавляли в деревню. Только сейчас отбилась.

Помнит ли Алиса бабушку?..

— Ну... как бы да... — неуверенно протянула она. — А что такое?

— Бедная она, совсем уже плохо справляется. Спина болит, огород копать тяжело. И вода из колодца, не натаскаешься. Мы с папой хотели нанять ей помощницу — из соседок, так она на порог не пустила. Говорит, справлюсь. Но куда ж ей справиться-то, во столько-то лет... Надо бы помочь. И уговорить ее, чтоб в город переехала, к нам. Ненавязчиво так, между делом. А пока — по хозяйству подсобить. У тебя же каникулы как раз... Уболтай старушку, а? Считай, это твоя практика... Как молодого адвоката... А?

Повисла неловкая пауза.

Вечерний свет, проникая сквозь полупрозрачные шторы, падал на бабушкину открытку. На секунду Алисе показалось, что море ожило. Что по нему побежали волны. Белые пенистые ба-

рашки…

Она сморгнула, и иллюзия распалась.

— Мам, ты о чем?! У меня билеты в Неаполь! Через три дня вылет! Мы с Ленкой все спланировали…

— Я знаю, знаю, солнышко. Но что ж поделать, так получается… Бабушка у нас одна. И она нам родная. А Италия… Италия никуда не денется. Это ведь на две недели всего. Поможешь ей, уговоришь, а мы тебе новый тур купим, куда захочешь! Честно-пречестно!

Алиса закатила глаза:

— Мам, я даже не знаю, о чем с ней говорить. Мы чужие люди по сути.

— Вот и познакомитесь! — легкомысленно парировала мама. — Она у нас хорошая! Добрая. Ты помнишь? Пироги печет, вкуснятина. А воздух там… Закачаешься! Тебе только на пользу, а то ты вся бледная, в телефоне живешь. Съезди, Алисонька. Помоги. Для меня. Для семьи. Всего две недели, а?

В голосе матери послышались знакомые нотки: виноватые, умоляющие.

Алиса вздохнула. Ну как устоять перед этим «для семьи»?

Может, она и вправду слишком добрая… Ленка

так и говорит. А еще Ленка говорит, что у ее рыжей Лиски все сидят на шее.

«У ее Лиски». Ну конечно, на шее у Ленкиной Лиски сидеть должна только Ленка! Алиса фыркнула от этой мысли.

— Ладно… — обреченно вздохнула она. — Но потом…

— Ура! Спасибо, родная! Я знала, что на тебя можно положиться! Я тебе на карту скину. Но ты лучше обналичь, там безналом-то где платить… Билет тоже скину, на поезд, на завтра. Спасибо, ты мой лучший помощник!

Мама пощебетала еще чуток и быстро попрощалась, словно боясь, что дочь передумает.

Напрасно. Алиса, конечно, легкая… но не до такой же степени.

К тому же… Что-то в этом было. Она пока не могла понять, что…

Явно не грядки с картошкой (или что там у них в деревне). Что-то другое. У Алисы непонятно с чего вдруг приятно заныло под сердцем. Необъяснимо, но так сладко. Зачем сопротивляться?! Да и тоже… какое-то приключение. Необычное.

Она поедет! В деревню, в глушь, к бабушке!

2

Вот так ее планы перевернулись с ног на голову.

Зато с Ленкой все всегда стабильно. Вечером они сидели перед теликом, с огромной пиццей «Пепперони» и бутылочкой «Просекко».

— Ну я не знаю, — философствовала Ленка, откусывая кусок пиццы. — С одной стороны — да, попала. Прощай, Неаполь! Коктейли, смуглые красавчики… С другой — а ты глянь, как похоже на ромком! Милое такое начало… Городская злючка-карьеристка приезжает в деревню, влетает в брутального фермера с добрыми глазами, находит себя и забывает про айфон…

— Я не злючка! — возмутилась Алиса. — И там одни пенсионеры да коровы. Никаких брутальных фермеров, только брутальные старушки с тяпками. И куры.

— Скучновато, да… Прям как меня в школе засылали… Ну тогда… ты просто отдохнешь от нас. Поспишь, воздухом подышишь. Расслабишься. А я пока без тебя съезжу. Все красавчики — мои! — Ленка подмигнула. — Серьезно, Лиска, не

загоняйся. Две недели — и ты свободна. А мамина благодарность будет безгранична… Тур она уже обещала. Потом еще и новую сумку выклянчишь. Хочешь «Гуччи»? Оригинал!

Алиса подавилась куском пиццы.

— «Гуччи» за две недели в огороде? Сомневаюсь я чот в такой конверсии, — хмыкнула она. — Лет пять отрабатывать…

Но идею на заметку взяла и решила попробовать. Не «Гуччи», конечно, но вот насчет «Стратберри» или «Вандлера» стоит подумать… Ленка найдет выгоду в самой безнадежной ситуации.

Они просидели до двух ночи, болтая обо всем на свете.

Когда подруга ушла, в квартире воцарилась тишина.

Алиса вздохнула и решила уже собрать чемодан. Только теперь не в Италию, а в деревню. Джинсы, футболки, ветровка, пауэрбанк, пижамки и так далее. Славно, что книжки уже накачала — единственная надежда на спасение от скуки. Там небось и с интернетом проблема…

Наконец, с чемоданом было покончено.

Вдруг Алисе послышались странные звуки. Сначала щелчок, потом треск. С улицы, что ли? Петарды? Она прислушалась. За окном бормотал

о чем-то своем ночной мегаполис.

Может, с кухни? Она снова прислушалась, а потом и принюхалась — повеяло незнакомым.

Зашла на кухню, огляделась. Вроде бы все как было…

И тут ее взгляд упал на подоконник.

Там, в маленьком глиняном горшке, боролся за выживание кустик мяты. Обычная мята, из многолетних. Мама принесла, давно еще. Сказала, что привезли от бабушки. Мол, та просила, даже настаивала. «Пусть постоит, тебе же не жалко, а старушке приятно».

Алиса поливала кустик изредка, больше по привычке. Пучок бледно-зеленых листочков влачил жалкое существование. Но выбросить рука не поднималась. Протягивала к нему руку… и поливала, а не выбрасывала.

А сейчас… Да это вообще невозможно!

Мята раскинулась пышным ярко-изумрудным куполом, буквально лопаясь от сочности. Да она с полметра высотой!

Стебли стали толстыми и упругими, а листья — крупными, резными, испещренными темными прожилками. От них исходил сильный, дурманяще-свежий аромат. Он наполнял всю кухню, перебивая даже запах недавней пиццы.

Алиса моргнула, протерла глаза, моргнула снова. Подошла поближе, опасливо потрогала листок.

Он был влажным, будто только что вымытым росой, и на пальцах остался холодок. Алиса рефлекторно отдернула руку.

— Ты чего?! — удивилась она вслух, обращаясь то ли к мяте, то ли к самой себе. — Вчера была полудохлой… Может, Ленка что-то подлила? Шутки дурацкие...

Но что делать с вещами, которые не объяснить? В третьем-то часу ночи?

Алиса пожала плечами и решила все списать на свою невнимательность и случайность. Она выпила воды, погасила свет и отправилась в спальню. Но ощущение недоумения шло следом и осталось где-то на задворках сознания.

Она уснула, едва сомкнув веки.

Сны набежали сразу. Они не походили на ее обычные: бытовые и слегка тревожные. Это были совсем другие, ни разу не знакомые сны!

Вот Алиса стоит на краю поля, утопающего в тумане. Но это не холодный сырой туман и не городской смог. Он теплый, золотистый, как мед или янтарь. И пахнет свежескошенной травой, земляникой и, едва уловимо, знакомым, детским

— пряниками с молоком.

Сквозь пелену тумана просачивался мягкий свет. И разливался повсюду. Алиса сделала шаг. Вокруг нее зацвели голубые незабудки — крошечные, нежные.

Она шла, оставляя за собой светящийся след. Туман расступился, открыв тропинку, усыпанную лепестками яблони, хотя стояло лето.

Затем Алиса оказалась у ручья. Удивительного ручья.

Вода в нем текла не как положено, а по спирали, ныряя воронкой под землю, а потом выныривая родником и снова закручиваясь. Пузырьки воздуха сверкали в ней, как самоцветы.

Алиса присела на корточки и зачерпнула ладонью воду. Та оказалась не мокрой, а… упругой, как желе, и переливалась всеми цветами радуги. Но в ладони превратилась в обычную воду.

Попробовав ее на вкус, Алиса почувствовала невероятный прилив бодрости и безотчетной, ничем не обусловленной, радости. Как бывает в пять лет, когда тебе дарят самый большой и красивый воздушный шар.

3

Дорога на поезде оказалась на удивление приятной.

Обычно Алиса переносила долгие поездки с большим трудом. Может быть, потому что это всегда было на машине в компании родителей или на самолете? Все эти аэропорты, ожидание…

На этот раз вышло совсем не так!

В купе она ехала одна. Устроилась у окна и не отрывала глаз от проносящихся мимо картин. Городской пейзаж быстро сменился дачными поселками. Потом поплыли бескрайние поля, перемежающиеся островками леса.

Алисе показалось немного странным, как быстро поезд выскользнул из города. Как стремительно закончились пригороды. Она думала, будет дольше…

Но мало ли, что думала она — последний раз катавшаяся в область на электричке лет пять назад и в другую сторону. Наверное, по этому направлению — так.

Она взяла у проводницы чай и долго любовалась лимонной долькой, плавающей в темно-

янтарной жидкости. Держать в руках горячий стакан — да и вообще, ехать одной в поезде дальнего следования, было непривычно и по-своему уютно.

Чай оказался крепким, душистым, с легкой горчинкой. На тот момент он стал для Алисы самым вкусным напитком на свете.

Она немного почитала книжку: что-то из бытового фэнтези, где чашки «летают сами с собой», а ветер подглядывает за соседями и вышивает гладью, пока хозяйка бормочет заклинание автопылесоса.

Потом снова смотрела в окно, думая о своем.

Вагон мерно покачивался, убаюкивая и навевая спокойные, светлые мысли. Алиса даже немного вздремнула, и в кратком сне ей снова почудился манящий запах луговых трав и теплый золотой свет.

Утром она привела себя в порядок и сошла с поезда.

На платформе, кроме нее, никого не было.

Мама подробно объяснила, как добраться до бабушки, так что автобусная остановка у обшарпанного одноэтажного здания вокзала нашлась без труда. Там уже сидели какие-то местные, молча окинувшие Алису любопытными взглядами.

Старый рейсовый автобус подкатил через полчаса.

Дорога получилось неблизкой, но пейзажи за окном вновь оказались такими, что Алиса позабыла о неудобствах. Асфальтовая змея вилась меж березовых рощ, сосновых боров и перелесков, то и дело открывая вид на поля со стогами сена, на маленькие уютные деревеньки, на домики с резными наличниками, на сады-огороды.

Воздух, врываясь в приоткрытое окно, будто бы наполнял салон нектаром: густым и пьянящим.

Автобус высадил Алису на пересечении с грунтовкой, хрипло заурчал мотором, выпустил клуб выхлопных газов и покатил дальше.

Она осталась одна посреди бескрайних полей.

Шелест трав, жужжание шмеля, аромат цветов… Где-то вдалеке закричала птица.

Как странно… Солнце уже клонилось к закату, окрашивая все вокруг в теплые, медовые тона. Неужели автобус вез ее так долго, что уже наступил вечер?

До деревни, по словам мамы, оставалось километра три.

Три километра тащить по проселочной дороге туристический чемодан на малюсеньких колесиках?! А-а-а! Только сейчас Алиса сообразила,

как вляпалась.

Но делать нечего. Вздохнув, она подхватила рюкзачок, взялась за ручку чемодана и зашагала по пыльной грунтовке, волоча его за собой.

Дорога медленно поднималась и постепенно вывела уставшую Алису почти на вершину пологого холма.

Справа — отсюда и до самого горизонта — простиралось поле подсолнечников: огромное желтое море разлилось перед ее глазами. Цветы покачивались на легком ветерке и будто что-то беззвучно напевали. Казалось, достаточно чуть-чуть прислушаться — и различишь их голоса…

А какие они высокие… И каждая головка — размером в три ладони, а то и шире.

«Надо же! — удивилась Алиса. — Да они раз в пять крупнее тех, что у нас продают. И не по полтыщи за штучку, а совершенно бесплатно. На сколько же тут миллионов?!»

Оставив чемодан посреди дороги, она подошла к обочине. Потянулась к головке цветка, взяла ее в ладони, погладила толстенный стебель.

«Какой же ты гигант! — Алиса восхищенно разглядывала подсолнух. — Какая же тебе нужна ваза»…

Впереди дорога раздваивалась. Одна колея вела

дальше, прямо через подсолнуховое поле. Другая — забирала влево, по его краю.

Алиса немного растерялась. Мама ничего не говорила про развилку, только «иди по дороге, выйдешь к деревне, она у речки». И где эта речка? Где деревня?

Солнце уже почти легло на линию горизонта.

Алиса достала телефон. Ну конечно: нет сети. Не только интернета, вообще сети нет!

Еще вчера Алиса бы запаниковала. А как же? Она одна посреди поля, неизвестно где, и близится ночь! Ни позвонить, ни такси вызвать, ни по навигатору сориентироваться…

Но это было бы вчера, как будто в другой жизни.

Сейчас же она спокойно смотрела на плоский экран, в котором, накладываясь на иконки, отражалось небо и ее лицо. И думала, почему заранее не закачала карты. Вот почему? Привыкла, что везде есть связь. Теперь даже GPS не поможет. Что толку знать координаты, если не к чему их приложить?

4

И в этот момент сзади раздались какие-то непонятные звуки. Алиса обернулась.

Словно из ниоткуда на дороге появилась лошадь, впряженная в телегу. Настоящая деревенская подвода, с высокими деревянными колесами и оглоблями. Как в прошлом веке… Нет, как в позапрошлом!

И настоящая, живая, лошадь! Крупная, коричневая… то есть гнедая, с заплетенной в косу гривой. Лошадь мерно вышагивала по дороге, а телегой правил пожилой бородатый мужичок. Его сильно обветренное лицо вызывало доверие и сразу показалось Алисе добрым.

Телега остановилась. Возница прищурился на Алису и улыбнулся, глубокие морщины разбежались от его глаз.

— Эй, красавица! — позвал он хрипловатым голосом. — Небось к Любаве? Садись, подвезу.

Алиса замерла от изумления. Откуда он знает? И разве бабушку Любу зовут не Любовь, а Любава? И откуда вообще здесь, в двадцать первом веке, взялась эта древняя повозка?

Ей бы насторожиться…

Еще вчера она бы и насторожилась. А как иначе? Подозрительный мужик посреди поля предлагает подвезти одинокую девушку. «Садыс, кырасавыца», ага. Знаем мы…

Но то ли поглупела она, сойдя с поезда, то ли воздух тут такой… располагающий… Ни тени волнения не возникло в душе Алисы.

— Я… Спасибо, — растерянно проговорила она. — Вам правда по дороге?

— А то как же? Куда ж тут ышшо? Садись, не боись. Гнедко не кусается, он у нас смирный. Чемодан свой давай сюда.

Алиса позволила забросить чемодан в телегу, а сама уселась на жесткую доску рядом с возницей. Подвода тронулась, заскрипела и покатила потихоньку по дороге.

Алиса покачивалась в такт мерному цокоту копыт. Не бизнес-класс, конечно, зато как интересно!

Запахло лошадиным потом, сеном и еще потянуло чем-то со стороны — может, дымом, а может, самой землей. Вскоре они перевалили через вершину холма, вдалеке блеснула речка, а за деревьями на пригорке над ней Алиса увидела деревеньку.

Возница молчал, лишь изредка покрикивая на лошадь:

— Н-ну, милая, пошевеливайся, ночь на носу.

Алиса поймала себя на мысли, что на нее он вообще не смотрит. Он глядел куда-то вдаль, на заречные луга, и глаза его были очень светлыми, ясными, не по-деревенски пронзительными.

Так и доехали до самой околицы.

Деревня оказалась совсем маленькой, но удивительно ухоженной: дюжина домиков под двускатными крышами, тонущих в садовой зелени. То там, то тут, словно разбросанные по садам, возвышались отдельные высокие деревья, вовсе не плодовые — Алиса издалека узнала среди них сосну, и, вроде бы, дуб или клен.

Сверху открывался вид на извилистую ленту неширокой реки, блестящую на закате. Внизу, у воды, медленно шла, позвякивая колокольчиком, пестрая корова, а у колодца женщина набирала воду в ведра.

Коромысло! Алиса разглядела у нее настоящее коромысло!

Дым из труб поднимался вертикально, подчеркивая безветрие. Над рекой уже разливался тонкий вечерний туман.

А пахло… пирогами! Прям-таки витал в воздухе

сдобный, невероятно домашний запах свежей выпечки.

— Вон он, Любавин, — ткнул пальцем возница, указывая Алисе на второй от края дом, утопающий в таком буйстве цветов, что сам казался пряничным. — Иди, давно ждет тебя.

Он поставил ее чемодан на траву. Алиса спрыгнула на землю.

— Спасибо вам огромное! Вы меня очень выручили.

Возница усмехнулся в бороду и обронил:

— Ступай с богом.

Алиса пошла по тропинке. Отворила калитку, которая даже не подумала скрипнуть, и обернулась, чтобы еще раз кивнуть на прощанье.

Но позади ничего не было. И никого. Ни телеги, ни лошади, ни подозрительного мужичка.

Куда же они могли скрыться так быстро? Подвода ведь не чемодан, в кустах не спрячешь. Они просто испарились в густеющих сумерках!

Алиса на мгновение замерла, по телу пробежала легкая дрожь — не страха, а скорее, изумления.

— Показалось, — быстро убедила она себя, не замечая, что говорит вслух. — Устала с дороги. Или это местные так быстро ездят…

«Какой же русский не любит быстрой езды?» — вспомнилось ей немного невпопад.

Отогнав сомнения, она повернулась к бабушкиному дому. Он оказался невысоким, бревенчатым, явно старым, но очень опрятным. Резные наличники на окнах выкрашены в яркую бирюзу. По стенам — незнакомый вьюн, и цветы у него — с махровыми лепестками персикового цвета. Они словно светятся изнутри в наступающих сумерках.

«Как фосфор»... — рассеянно подумала Алиса, осматриваясь по сторонам.

Рядом с домом она ожидала увидеть огород: ну, там, грядки всякие, картошку-морковку, что еще сажают в деревне. Но там оказался вовсе не огород — или уж точно не такой огород, как представляла себе Алиса.

Это больше напоминало буйный, совершенно сказочный и даже немного безумный цветник, где все росло вперемешку: высокие мальвы с бархатными цветами; разноцветные розы — и кустовые, и плетистые; белые ромашки, розовые эхинацеи, голубые дельфиниумы, какие-то причудливые травы с серебристыми листьями…

5

Дверь за спиной Алисы закрылась. В сенях царила полутьма. Полоска света падала на пол из щели в приоткрытой внутренней двери. А вот и запах пирогов…

Алиса остановилась в нерешительности.

Вдруг дверь перед ней отворилась словно сама собой. Над головой вспыхнула лампочка.

На пороге появилась высокая улыбающаяся женщина в цветастом фартуке поверх длинного платья. Немолодая, но прекрасно сохранившаяся. Густые русые волосы заплетены в тугую косу. Гладкости и цвету кожи ее лица позавидовала бы и Алисина мама.

Лишь морщинки в уголках глаз немного выдавали возраст. А сами глаза буквально светились теплом. В такие хочется смотреть, не отрываясь.

Не очень-то похожа на хрупкую, сгорбленную старушку, которую Алиса мысленно рисовала себе всю дорогу… Хм… Это — бабушка?

— Ну вот и добралась, родная моя. — Голос у нее оказался низким и грудным. Алиса совсем его позабыла. — Проходи, проходи. Я уже заждалась.

Подойдя ближе, бабушка мягко ее обняла — словно они расстались совсем недавно. Словно Алиса вернулась домой. А и в самом деле, ощущение было похожим. Будто всю жизнь тут и провела…

Она неуверенно обняла бабушку в ответ.

— Здравствуйте… бабушка Люба.

— Да какая я тебе бабушка, — рассмеялась та. — Просто Люба. И давай-ка на ты.

Алиса почувствовала, как накопившаяся в дороге усталость покидает ее от одного только этого голоса и улыбки. А бабушка тем временем увлекла Алису за собой в дом.

— Вообще-то, я Любава. Но и Любовью зовут, а чаще — Любой. Кому как нравится. Чувствуй себя как дома. Давай-ка свой чемодан, пристроим. Намаялась, поди, волочь по нашей-то дороге… Раздевайся. Я как раз пирог из печи достала, да щи томленые стоят. Проголодалась?

Алиса сглотнула и, внезапно осознав, насколько голодна, согласно кивнула.

Бабушка отвезла чемодан в сторонку. Алиса положила рюкзачок на стул и огляделась.

Дом показался ей очень уютным. Большую комнату с невысоким потолком Алиса по городской привычке решила называть «гостиной».

Русская печь — беленая, сверкающая чистотой, отчего-то вовсе не казалась огромной и занимала скромную часть комнаты. Вообще, внутри дом показался Алисе намного просторнее, чем можно было ожидать.

Рядом с печью — деревянный стол, покрытый вышитой скатертью, вокруг него — стулья с гнутыми спинками. У одной из стен — настоящая лавка. А вдоль других — вполне современные диванчики.

На подоконниках — горшки с геранью и теми самыми, светящимися в сумерках, махровыми цветами. В углу — солидная кадка с раскидистой монстерой — вот уж кого не ожидала Алиса встретить в деревне.

Все выглядело небогато, но очень опрятно — чуть ли не до блеска начищено, выстирано, прибрано — ни клубочка-клочка пыли, ни паутинки в углу. И наполнено таким покоем, что Алиса наконец выдохнула последние остатки напряжения.

И, конечно, везде витал запах той самой божественной выпечки, что манил Алису еще на улице!

— Вы… как ты узнала, что я сегодня? — наконец спросила она. — У вас тут ведь и связи-то нет.

Мама сказала, что предупредила… тебя, но я не поняла, как.

Бабушка лишь таинственно улыбнулась, ее глаза задорно блеснули.

— Но я ж и не знала, что сегодня. Чувствую просто, когда ко мне дорогой гость едет. Сердце подсказывает. Да и ветер с тракта какой-то особенный был. Суетный немножко, городской. Ну ты иди, умойся с дороги. Вон на кухне рукомойник. А я на стол накрывать буду.

Таких наваристых и душистых щей Алиса в жизни не пробовала: казалось, в каждой ложке растворено целиком все лето. А душистый чай! А пирог с брусникой?! Он просто таял во рту. Все было просто невероятно, прямо-таки волшебно вкусно.

Уплетая за обе щеки, Алиса принялась рассказывать все подряд: про учебу, про родителей, про городскую жизнь. Бабушка внимательно слушала, с пониманием кивала, и в ее глазах то и дело вспыхивали веселые огоньки.

— А ты совсем не такая, как я представляла, — призналась Алиса, отодвигая пустую тарелку. — Я же тебя почти не помню…

Тут ей стало немного стыдно. Однако, скользнув взглядом по лицу бабушки, Алиса увидела,

что та улыбается, и успокоилась.

— Мама говорила, тебе тяжело, помощь нужна… а тут… вообще все идеально! И ты прямо… молодая такая. Ты очень молодо выглядишь! — набралась-таки смелости Алиса произнести очевидное.

Бабушка рассмеялась и ответила то ли в шутку, то ли всерьез:

— Я же тут на всем натуральном. Пока двигаюсь — живу. Тяжело станет, если ничего не делать. А потихоньку, понемножку, раз да раз — и все на местах. Порядок — он сам себя любит, коли его уважаешь.

Алиса почувствовала, что понимание начинает ускользать. Слова-то бабушка говорила вроде правильные, но какие-то такие округлые, что смысл из них не складывался — раскатывались они по сторонам.

— Ну что, вижу, глаза у тебя совсем слипаются, — понимающе кивнула Любава. — Дорога утомила. Пойдем, я тебя уложу. У меня на веранде — лучшая спальня на свете. Будешь засыпать под песни звезд и под шум листвы, а просыпаться с солнышком.

6

Ее грезы стали продолжением того же сна, что привиделся перед отъездом. Но теперь в них было больше определенности.

Она снова шагала по той же тропинке. Однако в этот раз та вилась меж гигантских, устремленных к солнцу подсолнухов. Их золотые шапки отяжелели от спелых семян, а листья шелестели, нашептывая что-то неразличимое.

Тропинка раздваивалась. Одна, светлая и широкая, вела вглубь солнечного поля. Над нею порхала знакомая синегрудая птичка — варакушка. Другая, более узкая и темная, плавно уходила вниз, к реке. Оттуда веяло прохладой и какой-то тревожной сыростью. С той же стороны доносилось невнятное бульканье, всплески...

Выбор показался Алисе очевидным, и она, не раздумывая, отправилась за птичкой, на свет.

Подсолнухи склонялись к ней, касаясь плеч бархатистыми лепестками, осыпали ее теплой пыльцой. Алиса шагала, и у ее ног распускались голубые цветки незабудок, а впереди, в золотом мареве, угадывался уютный огонек бабушкиного

дома.

Этот сон был глубоким, мирным и абсолютно счастливым.

Она проснулась, когда прямо в лицо ей заглянуло щедрое утреннее солнце. В голове — ни единой тревожной мысли. Только легкая, приятная пустота и ощущение безмятежного спокойствия.

Алиса потянулась, сладко зевнула и спустила ноги с кровати.

Белая тонкая занавеска у окна покачивалась под дуновениями ветерка. Пахло цветами, скошенной травой, немного дымом и… оладьями? Мама когда-то готовила оладушки, Алиса их обожала, но как же давно это было…

В ней вдруг проснулся ужасный голод. Быстро одевшись, Алиса побежала в горницу (которую мысленно по-прежнему называла гостиной).

— Доброе утро, Лисонька! — радушно встретила ее бабушка.

Она хлопотала у печи, а на столе уже красовалась тарелка с румяными оладьями, горшочек с медом, плошка с густой сметаной, дымящийся самовар.

— Ну как спалось? Не замерзла?

— Доброе утро! — Алиса сияла. — Спала прекрасно! Такой странный и красивый сон снился…

И у вас тут ночью… — Она запнулась, не зная, как описать увиденное. — Что-то в кустах светится?

— Ну так деревня же тут, — с загадочной улыбкой откликнулась Любава, помешивая поварешкой в чугунке. — Тут всякое ночью шумит-светится. То козодой зайдется, то лисенок или ежик пошумит, то светлячки в листве, то кузнечики в траве. Привыкнешь. Ты садись-садись, завтракай, оладушки еще горячие.

Алиса села и налегла на еду. Голод не склоняет к сомнениям и рассуждениям. Мало ли, что привидится во сне. И огоньки эти в саду, конечно же, приснились.

Все было невероятно вкусно. Она ела и поглядывала на бабушку.

Та двигалась по кухне плавно, без суеты, но чудесным образом успевала делать все одновременно. Вот вроде бы только поставила чугунок в печь, а через секунду оттуда уже пахнуло томленой кашей. Повернулась к столу — а на нем уже стоит кувшин с парным молоком, которого только что не было. Или все же был? Потянулась за ложкой — и в это же время, не оборачиваясь, залила кипятком из самовара заварку в большом фарфоровом чайнике.

«Быстрая она какая», — подумала Алиса. Но

потом всмотрелась пристальнее. И, словно продравшись взглядом через какую-то полупрозрачную пелену, увидела…

Бабушка не суетилась. Она неспешно делала одно движение, а вокруг нее само собой происходило все остальное. Что-то плавно и медленно, чтобы не разбиться и не сломаться. А что-то — как в ускоренной съемке, чтобы не ждать слишком долго.

Алиса зажмурилась изо всех сил. Посидела так несколько секунд. Открыла глаза.

Ощущение прозрачной пленки исчезло, все встало на свои места. А бабушка тем временем села по другую сторону стола.

— Задумалась о чем, внученька? — спросила она, и в ее глазах вновь заплясали веселые искорки.

— Да так… — смутилась Алиса. И вспомнила мамино задание: убедить бабушку переехать в город. Но то — бабушку. А эту… женщину в расцвете лет… Как ее уговоришь? Однако попробовать надо. — Здорово как тут все устроено. И такая чистота… Как ты одна справляешься?

— А я и не одна, — улыбнулась Любава. И многозначительно кивнула в сторону открытого окна. В него тут же влетел шмель, принялся деловито

топтаться на столе. Уж не подбирается ли к меду?! Алиса боязливо отодвинулась.

— Мне весь мир помогает. Солнышко греет, дождик поливает, ветерок проветривает, пчелки опыляют… Я только успеваю благодарить да направлять немножко. А ты не забивай себе голову. Отдыхай, набирайся сил. После завтрака, хочешь, курочек покормим? Яйца соберем.

Алиса кивнула, все еще поглядывая на шмеля. «Весь мир помогает» — мед доедать, что ли?

Шмель остановился, словно задумавшись, и… улетел. Алиса с облегчением выдохнула.

Завтрак подошел к концу. Алиса встала, чтобы помочь убрать со стола. Взяла свою тарелку и чашку, понесла к мойке. По дороге случайно задела локтем небольшой глиняный кувшинчик, в котором стояли полевые цветы. Кувшинчик закачался и полетел вниз.

Алиса ахнула. Но… кувшинчик — она готова была поклясться, что ей не показалось! — завис в воздухе в сантиметре от пола. Замер на мгновение, будто на невидимой подставке, а затем плавно, очень аккуратно, с негромким стуком встал на пол. Даже вода не расплескалась.

7

Бабушка и внучка спустились с крыльца под ручку — словно подружки.

Сначала заглянули в огород. Любава провела Алису мимо грядок с клубникой, где сочные ягоды соседствовали с яркими бархатцами, и объяснила, что запах бархатцев отпугивает вредителей.

Дальше она с гордостью показала кусты картошки, чьи цветы могли бы поспорить красотой с анютиными глазками. А рядом набирали силу корнеплоды: морковка, сельдерей, свекла, репа… Алиса, к стыду своему, быстро запуталась, где что.

В междугрядье, оставляя узкую тропку для прохода, вперемешку росла зелень, которая обычно идет в салат: укроп, изумрудная кудрявая петрушка, горчица, кинза. Там же Алиса познакомилась с цветами-самосейками: разноцветной космеей, маком и огненной календулой.

Нежно-синие колокольчики чередовались с «серебрянкой», как назвала ее Люба. От этой травы исходил тонкий холодный аромат, словно бы одновременно мяты и сандала.

Растения создавали пестрый и гармоничный ковер. Похоже, каждый кустик, каждый цветок знал свое место — на грядке или возле нее. Трудно было здесь решить, что — сорняк, а что — желанный гость.

«Чего здесь только нет! — про себя удивлялась Алиса. — Но как же все тут помещается? Откуда столько места? Вроде не очень-то большой участок, но идешь по нему, идешь… а он все не кончается».

Настоящий волшебный огород у прекрасной и трудолюбивой хозяйки. Но все же нужна большая семья, чтобы ухаживать за таким. Или работники. Как же Люба справляется в одиночку?

Добрались, наконец, и до курятника, который оказался вовсе не чем-то вроде старого сарая, как представляла себе Алиса, а прямо-таки сказочным теремком. Сбит он был из добротных досок, выкрашенных в веселый голубой цвет. На ставнях кто-то старательной рукой вырезал солнышки и замысловатые цветы. Над косяком красовалась лошадиная подкова.

Любава сделала широкий жест рукой, приглашая внучку вовнутрь.

— Ну что, Лисонька, пойдем, покажу тебе кур, несушек наших царственных. Покормим, пого-

ворим с ними. А то они у меня избалованные, без внимания и разговоров сразу нестись перестают, характер показывают.

Куры — пестрые, холеные, с яркими гребнями — важно вышагивали по просторному выгулу. Заприметив Любу, они не бросились к ней с жадным нетерпеливым клекотом, как это делают обычные простушки в обычных деревнях. Вовсе нет! Они подошли степенно и окружили хозяйку, с доверчивым воркованием тычась клювами в подол ее фартука и заглядывая в глаза.

— Вот они, ненаглядные мои труженицы, — ласково закурлыкала им в ответ Любава, высыпая в корыто зерно из плетеной берестяной корзинки. — Познакомьтесь. Куры, это Алиса. Алиса, это куры. Вот Цаца — она у нас главная, любит порядок. А вот Пеструха, самая разговорчивая. А вон та — Скромница, она яичко всегда кладет в самом укромном уголке. Любит уединение…

Так она представила всех своих драгоценных несушек.

Алиса помогла собрать яйца из аккуратных, устланных сеном, гнезд. Это были невероятно дисциплинированные куры: неслись они исключительно в отведенных местах, каждая — в своем.

Яйца оказались теплыми, будто только что снесенными. Скорлупа у них была не просто белой или коричневой, а с едва заметным перламутровым блеском. Она немножко переливалась, если покрутить в руке — как если бы внутри скрывалось крошечное северное сияние.

«Наверное, это от особенной травы, которой они тут питаются», — мелькнула у Алисы первая, самая логичная, мысль. Действительно, серебрянка (как бабушка Люба назвала странную серебристую траву) росла и тут. И куры с явным удовольствием ее поклевывали.

Алиса взвесила одно из яиц на ладони. Оно показалось ей удивительно тяжелым и каким-то очень «правильным», наполненным жизнью.

Она поймала на себе внимательный взгляд бабушки. Словно Алиса сдавала экзамен и только что правильно ответила на какой-то вопрос.

Потом они сходили к старому деревянному колодцу, что стоял на прогоне, под сенью огромной разлапистой ветлы. Любава легко, одним точным и уверенным движением, опустила в темный прохладный сумрак тяжелое, обитое кованым железом ведро. С гулким всплеском зачерпнула — и подняла его, до краев наполненное кристально чистой ледяной водой.

Она так легко крутила ворот, что можно было подумать, будто он вертится сам…

— Водица у нас не простая, а живая, — с улыбкой сообщила Любава. — Самый что ни на есть целебный источник тут под землей. Говорят, Грунина прапрабабка его открыла. Аграфены, соседки нашей. Познакомитесь еще. Умывайся, Лисонька, испей, красоту добавляет да силы возвращает.

Алиса послушно зачерпнула ладонями воду, умылась и сделала пару глотков. Вода показалась ей особенной — невероятно вкусной и обжигающе холодной. Будто ее только что растопили из векового льда. Только такой и должна быть вода: чистой, первозданной — какой она и была, наверное, в момент сотворения мира.

Капли, падая на землю, сверкали, как хрустальные бусины. А этот их мелодичный перезвон…

«Неужели и вправду звенят?» — поразилась Алиса. И прислушалась. Да нет, показалось.

Пока они возились у колодца, подошла соседская корова. Пегая, с огромными задумчивыми глазами. Остановилась, лениво махнула хвостом, отгоняя оводов, и протяжно, душевно замычала, явно обращаясь к Любаве.

8

После сытного, простого и очень вкусного обеда Алиса почувствовала необычайный прилив сил и непреодолимое желание исследовать окрестности.

— Люба, а можно я прогуляюсь немного по деревне?

— Конечно, Лисонька, гуляй на здоровье, знакомься, — охотно разрешила бабушка. Но на ее лицо, обычно безмятежное, на мгновение набежала тучка. Она подошла к Алисе, положила руку на ее плечо.

— Только одно условие: не ходи пока к реке по той дороге, что за подсолнухами. Что от развилки ведет. Ты за варакушкой там пошла в поле, помнишь? Вот и не выходи за поле обратно. А если уж очень-очень захочется поглядеть речку, спустись во-о-н там. И иди только до первого большого омута, где старая ива. Она там в воду склонилась, узнаешь. И ни в коем случае — слышишь? — ни в коем случае не сворачивай с натоптанной тропы! Места там красивые-прекрасивые, но… обманчивые. Глазом не моргнешь — заплутаешь. А в яму

болотную там провалиться можно по самые уши. Топь там. Обещаешь мне?

— Обещаю, — легко согласилась Алиса.

И честно собралась выполнить это нехитрое условие. В конце концов, наверняка тут есть много всего другого, на что непременно стоит взглянуть.

Прогулка получилась недолгой, но весьма насыщенной впечатлениями.

Деревенька состояла аж из целых двух улиц. Они живописно сбегали с пологого холма к ленте реки, серебрящейся внизу. Ну и что с того, что по каждой улице — всего шесть домов? Пусть коротенькие — но улицы же!

Бревенчатые, ярко раскрашенные дома выглядели ухоженными и утопали в зелени и цветах. Интересно, что в каждом дворе высилось ровно по одному огромному старому дереву: где липа, где клен, где дуб…

В небе парил ястреб. Слышалось мелодичное позвякивание колокольчика на шее у пасущейся неподалеку коровы. Возле аккуратного подворья, заставленного разномастными ульями, ее окликнул седой кряжистый дед. Он что-то вырезал, постукивал по дереву.

— А, городская пташка залетела! — хрипло, но

добродушно рассмеялся он, откладывая в сторону стамеску. — Никак добралась вчера до своей бабки в целости и сохранности?

— Добралась. Спасибо доброму человеку, подвез меня! — искренне улыбнулась ему Алиса. — Только не знаю, кто. На телеге. Так меня выручил.

Старик хмыкнул, но ничего не сказал.

— А вы его знаете? — спросила Алиса. — Я и поблагодарить-то не успела как следует. Только обернулась — а его уже и след простыл. Так быстро уехал…

— Да Ефимыч всегда быстро, — многозначительно подмигнул ей дед. И на его лице появилось такое же добродушно-хитрое выражение, как у того мужичка с телегой. — Он как ветер. Раз — и нету. Надолго не хватает. Ну ты иди, иди, красотой нашей любуйся…

И вернулся к своей деревяшке. Принялся что-то напевно мурлыкать себе под нос, постукивая стамеской. Пчелы сновали между ульями, садились ему на плечи и натруженные руки. Но ни одна даже не подлетела к Алисе.

И очень хорошо! Пчел Алиса боялась с детства.

Чуть дальше ее догнала женщина в ярком сарафане с двумя ведрами на коромысле. На вид ей было лет под шестьдесят. На энергичном и

загорелом лице резко выделялись бледно-голубые глаза.

Алиса аж вздрогнула от ее взгляда. «Прям как у Байкала!» — вспомнила она соседского пса-маламута.

— А ты, должно быть, Любавина внучка? — спросила женщина, ставя ведра на землю и заправляя под платок выбившуюся седую прядь. — Наслышаны… А я вот Аграфена, соседка ваша. Рассказывала она тебе про тетю Груню? Про тебя вот рассказывала — уж так ждала, так ждала. Ну что, нравятся тебе наши места?

— Очень! — искренне выдохнула Алиса. — Такая красотища, такая тишина… Воздух… Невозможно надышаться! И чудеса кругом… Цветы эти… Кот вот…

— Тишина-то она тишиной, — загадочно усмехнулась тетя Груня, ловко взваливая коромысло на плечо, — а жизнь тут, милая, кипит, бурлит. Да только не все и не всякому видно. Ты у бабушки побольше присматривайся да прислушивайся. Она у нас… особенная. Ну ты беги, беги, солнышко, домой. Молочко от моей Зорьки там тебя уже дожидается.

Распрощавшись, Алиса отправилась назад. Отворила калитку, прошла по разноцветным

камешкам, уже почти ступила на крыльцо… и поняла, что не в силах удержаться, страсть как хочется еще раз заглянуть в бабушкин сад-огород. Прошлись-то сегодня только по малой его части.

Заглянула — и опять поразилась, как такое может быть. Сельскохозяйственный хаос, абсурд — но все растения, кажется, не просто живут рядом, а находятся в идеальном симбиозе, поддерживая друг друга.

Крупные, налитые соком помидоры краснеют прямо в кустах черной смородины. Огурцы вьются по орешнику, который одновременно служит опорой для фасоли и душистого горошка с нежнейшими ароматными цветками. Огромные сказочно-яркие тыквы и налитые кабачки лежат у самых корней старой яблони, усыпанной спеющими плодами, и ничуть не мешают им ни высокие пучки серебрянки, ни ползучая ежевика.

Словно кто-то взял да полил землю чудесным удобрением, а заодно и наполнил воздух невидимыми лучами — иначе как объяснить такую пышность растений даже в тени деревьев? И как им может хватать питательных веществ?

А над всем этим великолепием порхают искрящиеся блестки — наверное, те же самые, что

Алиса ночью приняла за светлячков. Только теперь, при свете дня, они не горели золотом, а были почти прозрачными, едва различимыми. Лишь иногда, поймав солнечный свет под определенным углом, вспыхивали на миг крошечной, ослепительной радугой.

9

Люба замолчала, давая Алисе время осознать услышанное.

В горнице было тихо. Лишь потрескивали угли в печи, понемногу остывая. Воздух полнился ароматом травяного чая и еще чего-то, смутно напоминающего корицу. Может, таков запах самого волшебства, что витает здесь?

Алиса настороженно поглядела на бабушку, не зная, что сказать. Если бы не все эти чудеса вокруг, она решила бы, что это какой-то хитрый обман, мошенничество. Что ее хотят на что-то развести. Но теперь… В голове метались обрывки мыслей — они закручивались в спиральки и в шарики, а шарики… шарики соскакивали с роликов, сталкиваясь с новыми, невероятными реалиями.

Но так ведь всегда ведет себя разум, встречая непривычное? Фаза отрицания… Фаза принятия… Ленка обожает эту теорию. Алисе же она всегда казалась примитивной. Наверное, потому что сама Алиса никогда не покидает фазу надежды на чудо.

«Значит, я не сошла с ума... Значит, все это правда... Но как? Это же настоящая сказка... А она сидит напротив и говорит об этом, как о погоде».

— Вижу, тебе трудно сразу все осознать, — мягко произнесла Любава.

Она снова разлила чай по чашкам. Струйка пара, извиваясь, потянулась к потолку. Просто потому, что ей так больше нравится? Алиса почувствовала, что на секунду ухватила суть вопроса за самый кончик его вечно ускользающего хвоста…

Но нет, не сейчас. Видимо, рано.

Будто услыхав ее мысль, пар снова повел себя как обычно — облачком заклубился над чашкой.

Оттенки вкуса в чае давали немыслимый букет: липовый цвет и душица, нотки иван-чая и черники, мята, лимон и даже полынь… Как это можно пить вообще?! Но это же восхитительно!

— Не спеши. Не пытайся все понять и сразу разложить по полочкам. Просто слушай и наблюдай. Задавай вопросы. Я постараюсь ответить. Все постепенно уляжется само.

— Вопросов... миллион, — выдохнула Алиса, чувствуя комок то ли страха, не то восторга, подкативший к горлу. — Даже не знаю, с чего начать... Ладно. Птичка эта. Синегрудка, которая

меня вела через поле. Это ты ее послала?

— Варакушка? О, нет, родная моя, — Любава улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались лучики морщинок. — Мы здесь никому не приказываем. Мы... больше просители. В таком-то смысле да, это была моя просьба. Но и ее желание. И твое.

Она задумчиво посмотрела в окно, к которому прижались листья плюща, словно укладываясь на ночь.

«А ведь днем их там не было» — подметила Алиса.

— Твое замешательство, сомнения на той развилке... это как мысленный зов о помощи. Ну я и попросила помочь. А жители троп уже сами разобрались, кого послать в проводники. Варакушка — птица верная, умная и отважная. Она почуяла тебя, твою добрую и растерянную душу, услышала мою просьбу и согласилась помочь. Повела по правильной, безопасной дороге. Чтоб ты не свернула туда, куда не след, не поддалась напрасному любопытству. Новые дороги всегда влекут, но бывает, что и завлекают.

— А куда вела другая дорога? Ты сказала — к реке. Но ведь река, по твоим же словам, добрая... Постой-ка… Что значит, новая?

— То и значит. Не было ее, дороги той. Прямо

пред тобой расстелилась. И не совсем к реке, — поправила ее Любава. — Она вела к спуску к реке. А это разные вещи. До реки дойди еще, хоть и рукой подать…

Алиса удивленно подняла бровь.

— Там, за полем, начинаются другие… места. — Любава не обратила внимание на ее недоумение. — Старые, как сам мир, и не всегда к нам добрые. Тропинки там живут своей жизнью и могут завести куда угодно. А земля под ногами не всегда тверда и надежна…

Алиса прервала ее недоуменным возгласом:

— Но я ж оттуда пришла! Приехала. Там шоссе! Дорога асфальтовая, деревни всякие, вокзал…

Бабушка покачала головой, и внучка смолкла в ожидании ответа.

— Не всегда можно вернуться туда, откуда пришла, просто пойдя назад. Но ты о том пока не думай, ты ж пока обратно к маме не собираешься?

Алиса кивнула:

— Прости, я тебя прервала. Ты про дорожки… Почему там ненадежная земля?

Любава снова то ли неодобрительно, то ли с сожалением покачала головой:

— Особенно если за рекой. Болотина там изна-

чальная. Топи обманные, зыбуны. Места силы, но силы дикой, недружелюбной к человеку. Можно и заплутать, и увязнуть. И такое услышать-увидеть, что потом спать не сможешь. Если вообще вернешься.

Алиса поежилась. По ее плечам и спине пробежался холодок, словно бы принесенный из тех мест бабушкиными словами. Люба ободряюще улыбнулась ей.

— Речка-то наша светлая, добрая. Не обидит, коли ты с чистым сердцем. Но подходы к ней — коварны. Особенно для новичка. Для того, кто не знает здешних правил.

— А Ефимыч? — почти прошептала Алиса, понижая голос. Будто боялась, что произнесенное имя призовет самого возницу. Что он выпрыгнет как черт из печки или влезет в окно. — Он-то... кто? Живой? Или дух? Призрак?

Бабушка рассмеялась. Ее звонкий, чистый смех прозвучал как серебряный колокольчик, способный превратить жуткие, в общем-то, вещи — в добрую вечернюю сказку для самых маленьких.

— Нет, Лисонька, Ефимыч — не призрак. Не привидение. Он... как бы тебе попроще... Он — жилец дороги. Старого тракта, что был здесь раньше. В нем воплотилась сама память об этом пути.

10

Алиса слушала, не веря своим ушам. Она что, на самом деле попала в настоящую, живую сказку? И невероятно молодая бабушка, сидя напротив, попивает чай и говорит об этом всем как о чем-то, ну… Самом обыденном, повседневном, заурядном.

А ведь могла бы Алиса сейчас ждать регистрации на рейс в Италию… Вот чего она там не видала, в Италии этой?! Вот разве есть там такие чудеса?!

— А кто еще тут живет? — сгорая от любопытства, спросила она. — Домов-то двенадцать. Жилых, ты говоришь — шесть…

Любава задумалась, перебирая пальцами кружевной краешек скатерти. Словно решая, что да как говорить. Ее взгляд стал немного отрешенным, будто она перелистывает в памяти старый фотоальбом.

— Ну, есть у нас Мария Степановна, — начала она медленно. — Живет в доме с резными белыми ставнями, на краю деревни. Ставни-то белые, да в окнах обычно темно, не видала я, чтобы свет

в них горел. А дом вроде как старый-престарый, вот-вот развалится, да только покрепче многих будет. И сама она совсем древняя на вид. Это когда вообще покажется. А показывается она редко. Раз-другой в году, бывает, сидит себе на лавочке или на крыльце, вяжет что-то бесконечное и смотрит на дорогу. А глаза у нее пустые, будто слепые. Но не обманывайся!

Любава предупреждающе подняла палец, мол, не все здесь то, чем кажется.

— Она — не выжившая из ума старуха. Она — живая летопись этих мест. Знает историю каждого камня, каждого дерева, каждого ручья в округе. Помнит всех, кто когда-либо жил здесь, проходил или проезжал. Помнит их голоса, их судьбы, их радости и горести. Даже то, что случайный ветер мимо проносил. К ней иногда приходят те, кто ищет свои корни, хочет узнать о предках, о старых временах. Она не всегда отвечает, может молча сидеть, да и все. Обычно ее и вовсе не видно. Хоть она всегда там. Но если почует, что человек пришел с честным интересом или с искренней болью — расскажет все как есть. И такое может поведать, что дух захватит и мир перевернется в голове.

Алиса представила себе неподвижную фигуру

на лавочке — древнюю слепую старуху, обладающую невероятным знанием и загадочными способностями… и по ее телу побежали мурашки — не сказать, что приятные.

— Я ее не видела.

— Значит, нет тебе в ней нужды, — пожала плечами Любава и продолжила. — Рядом с ней, по соседству, живет Владислав. Молодой еще парень, лет тридцати на вид. Городской, интеллигентный, как и ты. Приехал сюда недавно. Ну как «недавно»… Это если с другими сравнивать. Как-то он это назвал… ах, да, в «творческий поиск». Да так и остался. Говорит, позвало его, и не смог ослушаться. Он — мастер золотые руки. Художник, резчик по дереву, реставратор. Ну это там, откуда приехал. А тут все больше плотник да столяр. Вот скамья от него.

Любава махнула рукой в сторону скамейки. Алиса проследила за ней взглядом. Скамейка как скамейка. А бабушка продолжала рассказ:

— Хоть резьбой тоже балуется. Но не просто режет и строгает — по этому делу у нас больше Трофим. А Владик в каждом куске дерева видит душу, скрытый образ. Из покореженного бурелома, из сухого скрюченного ствола может такое создать… Залюбуешься. Игрушки, что вот-вот

оживут, посуду, из которой приятно есть, мебель, что рада тебе, когда садишься. Все у него выходит живое, теплое, с характером. Он ловит настроение леса, с деревьями говорит, спрашивает у них разрешения, если надо немертвое взять. Они ему сами подскажут, что из них можно сделать, какую форму высвободить на свет. Он — воплотитель душ и преобразователь форм. Вот, кстати, кувшинчик и от него у меня, и вот эта крынка…

— А шестой? — не удержалась Алиса, загибая пальцы. — Ты, Трофим, Аграфена, Мария, Владислав… Кто же последний? Шестой житель?

Любава опять на мгновение замялась. Тень пробежала по ее обычно доброжелательному и спокойному лицу. Она отвела взгляд в сторону темного окна, частично скрытого занавесками.

— В том конце улицы, где солнечное поле сменяется лесом, живет Василиса, — произнесла она тихо. Внучке пришлось напрячь слух, чтобы разобрать бабушкины слова. — Тени там уже совсем густые, но ты их не бойся, они все же наши. А женщина она… особенная. Строгая, замкнутая, нелюдимая. Она ткет. У нее в доме — старинный станок, сама его из неведомых обломков собрала и настроила. И ткет она — как музыку играет — полотна такие получаются… на них можно

смотреть часами, как на картины. Узоры на них сами складываются — то вдруг проступит лесной пейзаж, где каждую еловую иголочку видно, то звездное небо, то лицо незнакомца, глядящее на тебя из глубины веков, то город какой или событие. Она может выткать судьбу. Исправить ошибку прошлого или... наоборот, запутать нити.

Любава вздохнула и словно очнулась. Голос ее обрел нормальную силу:

— Но просит она за свою работу дорого. Не деньгами, понятно. Частичкой души, что ли. Или бесповоротным обещанием. Или коренной памятью. Так что ходят к ней редко. Только в самых отчаянных случаях, когда уже больше некуда. Власть ее… И темная, и светлая одновременно — или ни та и не другая — очень древняя и очень опасная. С ней нужно быть настороже. А лучше вообще с нею не быть. Она — воплотительница судьбы, но ее дорожки не всегда ведут к свету.

Алиса слушала, зачарованная и напуганная одновременно. Каждый житель деревни представал перед ней не просто человеком, но персонажем из древней легенды, обладателем уникального дара, а то и нескольких.

— А у тебя есть что-нибудь от нее?

Любава вздрогнула и сделала быстрый жест рукой. Выдохнула лишь одно слово:

11

Стекла в окнах задрожали и загудели на разные голоса, а чашки на столе мелко и тревожно зазвенели. Алисе показалось, что в их звоне можно различить тревожные слова.

В тот же миг электрический свет снова погас. В дом вползла вязкая, почти осязаемая тьма. И вместе с ней — звенящая тишина. Звуки пропали: даже угли в печи не трещат. Впрочем, может, они уже прогорели?

Алиса боялась не услышать своего голоса.

— Что это? — испуганно, сорвавшись на шепот, выдохнула она. И с облегчением осознала, что отлично себя слышит.

— Ничего, ничего, — с некоторой озабоченностью в голосе отозвалась бабушка. — Это ляга.

Алиса в темноте почувствовала, как она встала.

— Лягушка? — недоверчиво переспросила Алиса.

— Ну, не совсем лягушка, — в голосе Любавы послышалась вымученная усмешка. — Сидит себе где-то в самой глухой топи старая-престарая,

с печку величиной, лягушка-квакушка. Сны свои смотрит. Иногда так громко квакает во сне, что аж земля дрожит...

Опять шутит, что ли? Алиса услышала ее шаги, мимо промелькнула тень.

— Силы там разные есть, — донесся со стороны голос Любавы. Похоже, она подошла к выключателю. — Не наши. Не злые, нет... по большей части. Но чужие. Позабытые, дикие. Спят себе с незапамятных времен в своих болотах, в глубоких бочагах, в топи-трясине. Иногда просыпаются, шевелятся, ворчат что-то. Да кто их поймет-то? Нам их языки неведомы.

Раздался негромкий шелест — похоже, Люба опять провела ладонью по выключателю. Едва различимо донесся ее успокаивающий шепот. И свет вспыхнул. В этот раз он оказался нервным, дрожащим, красноватым. И лампочка ненадолго странно и жутко загудела, словно с чем-то борясь.

Но вот и все! Горит как раньше. Победила лампочка в борьбе со своим неведомым «чем-то». Да будет свет!

— Бузят они иногда. Или любопытствуют. Особенно когда чувствую новую силу. Новую, незнакомую кровь на своей земле. — Любава

вернулась к столу, но не села.

Она стояла, слегка наклонив голову, прислушиваясь к чему-то за стенами дома.

— Что-то сегодня разошлись не на шутку, — пробормотала она себе под нос, и в ее голосе прозвучала озабоченность. — Обычно так не буянят. Чует мое сердце, неспроста это...

— Да кто ж эти «они»? — воскликнула Алиса, уже не в силах сдержаться. — Эти древние силы? Или кто-то другой?

Она обхватила себя за плечи, внезапно ощутив холод. Дикий холод, возникший словно бы внутри ее головы и быстро-быстро растекшийся по телу.

Любава медленно повернулась к ней. Выражение ее лица было серьезным, а взгляд — сосредоточенным. Она положила ладонь Алисе на лоб и прошептала два-три слова, смысл которых остался непонятен. Тут же от ее ладони повеяло жаром — буквально на миг — и Алиса перестала мерзнуть.

— Те, кто живут за рекой, в глухих болотах, — как ни в чем ни бывало ответила ей бабушка. — Кого сюда, на нашу сторону, не пускают наши деревенские… Местные. Свои.

Любава вздохнула словно бы даже с сочувстви-

ем. К тем, болотным, чужим.

— Тянет их иногда к свету, к теплу, к человеческому жилью. Пробуют прорваться, потеребить границы. Но не выйдет. Деревня наша крепко стоит. Мы держимся вместе. Зла-то в них нет… Ну или не во всех есть… Просто... сила у них такая… тяжелая, темная. От нее и свет гаснет, и техника барахлит, и в голову дурные мысли лезут. Ничего страшного, — повторила она, на этот раз прозвучав совсем неубедительно. — Это редко бывает. А чтоб вот так… совсем редко. Надо переждать.

По тому, как Любава сжала губы и как внимательно вслушивалась в тишину, было ясно, что «ничего страшного» — это лишь формулировка типа «все под контролем» из голливудских фильмов. На самом деле все, мягко говоря, «несколько серьезнее» и может по-настоящему угрожать деревне. А, значит, и ей, Алисе, внучке бабушки-волшебницы.

«Ну конечно, — подумала Алиса, — пытается успокоить перепуганную студентку, горожанку тепличную, к тяготам непривычную».

— Они... очень опасные? — стараясь выглядеть спокойно, спросила она.

— Для тех, кто сам к ним пойдет, кто проявит глупость и самоуверенность — да, — прямо, без

прикрас ответила Любава. — Любопытных и наглых гордецов они не терпят. Могут и запутать, и в трясину завести, и навязчивыми видениями замучить. Могут и погубить. И поработить. Но к нам, в сердце деревни, они не суются. Силы не равны. Наша воля и связь с этой землей — сильнее. Так что спи без тревог. Просто запомни правило: не ходи одна за реку. Никогда. А лучше вовсе к ней не подходи за околицей. Только в деревне. И не слушай, если кто позовет оттуда знакомым голосом. Или помощи попросит. Прикинется ребенком-потеряшкой или принцем раненым… Да хоть мама родная, хоть отец, хоть возлюбленный, хоть я сама… Не они это, запомни крепко. Не они, а морок. Ладно? Договорились?

Алиса молча кивнула. Ей вдруг очень, до дрожи в коленках, захотелось остаться навсегда в этом безопасном домике, никуда не ходить одной, особенно — из деревни, а уж точно — с наступлением темноты.

Любава вздохнула, подошла к окну и посмотрела в непроглядную темень снаружи. Что она там могла разглядеть — в полной-то темноте и через листья плюща, прижавшегося на ночь к стеклу? Или она не глазами смотрела, а как-то иначе?

12

Любава допила чай и аккуратно поставила чашку на блюдце. Ее глаза, обычно яркие и живые, подернулись туманом задумчивости.

Алиса приготовилась слушать. Мама никогда ничего о прабабке не рассказывала.

— Сильная она была женщина, — начала Любава, и ее голос приобрел повествовательные, немного певучие интонации. — Мудрая и стойкая. Пришла сюда из дальних краев. Там у нее случилась страшная беда. Дом их сгорел дотла во время большого пожара. Осталась она совсем одна, без рода, без племени. И пошла куда глаза глядят. Долго шла. Может, недели. А может, месяцы. И дорога привела ее сюда.

Алиса слушала, затаив дыхание. Представляла себе одинокую фигуру на бесконечной пыльной дороге.

— Сколько ей было? — не удержалась она.

Бабушка улыбнулась.

— Да вот прям как тебе сейчас. Хотя погоди… Младше. Тогда ведь раньше взрослели.

Алиса охнула. Вот так остаться совсем одной…

Но можно же поискать родных… Или не было никого? Можно пристроиться куда-нибудь — хоть посудомойкой, хоть официанткой, хоть уборщицей, хоть гувернанткой…

Тут у нее возникло справедливое подозрение, и она спросила:

— Это когда же было?

Любава задумалась, взгляд ее стал отсутствующим, будто она пролистывает в памяти древние фолианты.

— Ой, давно, родная. Очень давно. Тогда еще… — она замолчала, подбирая нужные слова, чтобы соотнести свою память с событиями внешнего мира. — У нас тут время по-своему течет.

Алиса кивнула и рискнула зайти прямо.

— Баба Люба… — голос ее дрогнул. — А сколько же тебе лет?

Любава рассмеялась.

— А кто их, голубушка, считает? Годы — они как листья на дереве: одни опадают, другие отрастают. Главное — корень крепкий да чтобы сок внутри ствола бежал. А сколько колец — не суть важно.

Алиса согласно кивнула. Хоть и не поняла, как это так получается.

А Любава продолжила свой рассказ:

— Так вот. Пришла она сюда, моя матушка. Изможденная, голодная, в рванье. Накормили ее, обогрели, дали одежонку. А ночевать никто не пустил. Не принято чужих пускать. Нельзя. А было тогда в деревне четыре свободных дома. Заброшенных. В один такой она и вселилась. Вот в этот самый.

Алиса с новым интересом оглядела горницу. Стены, срубленные из толстых бревен, вдруг показались ей не просто старыми, а по-настоящему древними. Познавшими дыхание веков, хранящими неведомые тайны давно забытых людей. Если «тогда еще» дома уже были заброшены, сколько ж они простояли до того…

— Сюда? — ахнула она. — Она зашла именно сюда? Этот дом такой старый?!

— Да, Лисонька, именно сюда, — подтвердила Любава, ласково погладив ладонью грубый деревянный стол. — Дом тогда стоял пустой, без хозяев. Что с его прошлыми хозяевами случилось — того не ведаю. Василиса знает, но ее спрашивать — себе дороже. Мария помнит, но… да бог бы с ними.

Любава повторила жест, который Алиса уже видела. Уж не отгоняет ли она зло? Но спрашивать не решилась.

— Дом-то был крепкий, не тронутый огнем или лихом. Ему и тыща лет нипочем. Вошла она в эту самую горницу, перекрестилась и осталась. Стала хозяйкой. Обживалась потихоньку.

Любава задумалась, словно решая, что говорить, а чего — не стоит.

— А потом… потом случилась беда на всю округу. Засуха. Страшная, беспощадная, ни капли дождя. Речка наша обмелела, превратилась в жалкий ручеек. Родники, что ее питали, иссякли. Земля потрескалась, урожай гиб на корню. А с болот, что по ту сторону, и вовсе напасть пришла — загорелись торфяники, а от них — леса. Горело все, дым стоял коромыслом, солнце сквозь него глядело кровавым оком на мир. Всем было плохо. И людям, и скотине, и… другим нашим соседям.

— Каким другим? — не удержалась Алиса, хотя догадывалась.

— Тем, кто в тех самых болотах и топях живет, — тихо сказала Любава. — Им тоже несладко пришлось. Жара, дым, огонь — все это губительно для их природы не меньше, чем холодное железо. И вот матушка моя вышла как-то вечером на самый высокий холм за деревней. Встала там, раскинула руки и… стала звать ветер. Уж не ведаю, кто ее надоумил. Кто научил говорить с ним.

Шептаться да просить, уговаривать.

Алиса живо представила эту картину: девушка, воздев руки к небу, стоит посреди пожелтевшей от зноя травы и все шепчет и шепчет слова, умоляя ветер принести сюда дождь…

— Целый день и всю ночь она там простояла, не сходя с места. А под утро… зашевелился воздух. Сначала слабо, робко. Потом все сильнее. И как набрал силу — принес с собой влагу. Пригнал тучи — грозовые, тяжелые, чернющие. И хлынул ливень. День за днем, непрестанно. Прям как Вселенский Потоп, только наоборот, потому как все не умерло, а ожило от этого дождя. Река вышла из берегов, наполнилась до краев. Пожары потухли. Земля напилась и зазеленела.

— И все? — выдохнула Алиса. — Просто так? Она попросила — и он послушался?

Любава бросила на нее строгий взгляд, и ее лицо обрело серьезность.

— Не послушался, а согласился помочь. И не просто так, дитя. Что-то, бывает, и дается вроде бы просто так, да всегда рождает последствия. А что-то и сразу имеет свою цену.

13

Алисе снилось, что она идет долго — целую вечность. Бредет по дорогам и тропинкам, а то и вовсе без оных. Ноги гудят от усталости, избиты-истерты, все в мозолях.

За плечом — убогий узелок с жалкими пожитками. В сердце — ледяная, всепоглощающая пустота. Все потеряно, все сгорело и даже пепел развеян. Осталась она одна-одинешенька, без роду, без племени.

Куда податься? Не знает. Просто идет и идет куда глаза глядят, день за днем. Под пронизывающим ветром, под изнуряющим солнцем, под моросящим дождем. Ночует где попало, ест что придется — где соберет ягод, где выпросит подачку.

Она уже почти забыла, откуда шла, исхудала до крайности и едва переставляет ноги.

И вот впереди показалась очередная деревенька. Над трубами вьется дымок.

Алиса поплелась туда, собрав последние силы, постучалась в первый же дом. Выша к ней женщина, впустила, поохала, накормила-напоила,

но спать не уложила. Нельзя, говорит, чужим в их домах ночевать — беда будет. «Никто тебя не пустит», говорит.

Алиса обреченно кивнула — против традиций не попрешь. Но заночевать-то она может и под кустом, привычное уже дело. Дни пока теплые стоят, до осени далеко. Закинула свой узелок на плечо и побрела через всю деревню, благо в ней домов-то всего с дюжину.

Странно выглядела та деревня: ни детей, ни скотины… Да и люди словно попрятались. Действительно, что ли, беды от нее ждут? Но не чумная же она, в самом деле. Была б чумной — давно бы сгинула.

Остановилась напротив одного из домов. Вроде такой же, как остальные, а чем-то все же не такой. Пригляделась — а и тропинки к калитке не видать, и окна закрыты, несмотря на жару…

И чувство от него какое-то особенное: словно бы притягивает к себе. Пустой, что ли, дом стоит? По виду не скажешь: ухожен, даже покрашен, как у богатых купцов. Впрочем, в этой деревне все, видать, богаты — если по домам-то судить.

И направилась она к тому дому. Отворила калитку, толкнула дверь. Та поддалась без усилия, будто петли только что смазали. Внутри и лавки,

и столы целы, даже посуда на месте. Дрова у печи лежат — только топи.

Пылью-паутиной подзаросло, но так-то прям порядок… И живые цветы на окнах! Яркая герань, а еще странные вьюнки и трава с серебристыми листьями, с белыми цветами на высоких длинных стеблях. Как же это так?

— Эй! Есть тут кто?! — прокричала Алиса.

Прокричать-то прокричала, да вышло едва слышно. Очень она устала.

В ответ — тишина. Да похоже, и вправду никого нет. Как же так — в такой деревне и такой пустой дом? А цветы кто поливает, коли пустой? Может, хозяева отошли и скоро вернутся? А пыль-паутина тогда откуда?

Ну вернутся — так вернутся. Пусть тогда и выгоняют. Нет больше сил. Алиса бросила свой узелок на запыленный пол.

— Здесь, — прошептала она осипшим голосом. — Останусь здесь.

И только это произнесла, как что-то словно шевельнулось. Будто сдвинулось прозрачное покрывало — и не видно его, но свет несколько иначе проходит через воздух, тени падают по-иному.

Глядит Алиса — а нет на полу больше пыли, и

паутины в углах нет. И печка уже горит, трещат в ней дрова.

— Что за чудеса, — пробормотала она и села прям как есть на пол от удивления.

Там и уснула. А утром ждала ее каша в чугунке да ломоть хлеба. И большой кувшин кваса.

— Ох, столько-то мне не осилить… — вымолвила Алиса, — но спасибо тебе, кто б ты ни был, век благодарна буду!

Никто ей не ответил. Поела, осмотрелась. Нашла баньку — а та уже истоплена… Отмылась, думала рванину свою постирать — а той уже и не узнать. Стала ее одежа вся новая, какой была при первой примерке.

Немножко поопасалась, но вышла-таки на прогон, людей посмотреть, спросить хоть кого — что тут творится-то такое, кому ей кланяться, кого благодарить. Глянь — мужичок на подводе едет. Она к нему.

— А-а, — говорит мужичок, — новая душа у нас! Здорова будь, милая.

— И тебе не хворать, добрый человек… — начала было Алиса, но возница ее прервал:

— Знать, принял тебя дом-то Панкратов… А говорили-то… Йех! Пшла, залетная! — и лошадь тронулась, увлекая за собой подводу.

Алиса немного растерялась, оглянулась на дом, на улицу, на мужичка… А от телеги и след простыл.

И пошла она тогда по соседям, знакомиться… К одному дому подходит — не пускает ее калитка, к другому — та же история.

«Да что же у вас тут такое!» — не находит слов Алиса.

Даже в тот дом, где ее женщина накормила, не может войти. И не видать никого кругом, жителей-то. Словно и нет их.

Так и осталась она тут жить: вроде бы среди людей, но и совсем одна. Чужая. Никто от нее не отворачивался, никто не обижал — ведь никого она и не видела.

А беду-то в деревне, похоже, ждали не напрасно.

Однажды заспалась Алиса до полудня. Вышла на двор и ахнула. Солнце немилосердно палило словно бы уже не первую неделю. Земля лежала иссушенной, растрескавшейся. Трава пожухла, деревья потеряли листья.

Спустилась к речке — а та обмелела до жалкого ручейка, обнажив каменистое дно.

14

Утро выдалось ясным и по-настоящему летним. Солнце пригревало, но еще не жглось нещадно.

— Пойдем-ка, Лисонька, нарвем зелени да овощей наберем к завтраку, — позвала Любава. — Салат сделаем, заправим сметанкой.

Алиса с готовностью кивнула. Ей нравилось бывать в бабушкином саду-огороде. Этот живой и волшебный уголок земли — одновременно хаотичный и упорядоченный, буйный и спокойный — с первого взгляда очаровал ее.

Они вышли на утреннее солнышко. Роса на траве переливалась миллионами бриллиантовых искр.

Любава протянула руку к грядке с зеленью. Алиса попыталась вспомнить, что где: укроп, базилик, салатный лист, зеленый лук… Петрушка? Или это кинза? А сколько чего брать? И как правильно рвать? Или надо резать ножницами?

А бабушка просто повела ладонью:

— Ну-ка, мои хорошие, поделитесь, — ласково предложила она.

И грядки ожили. Стебли укропа дружно качну-

лись в ее сторону. Несколько пушистых веточек сами отделились от основного стебля и аккуратно упали в подставленную Любой корзинку. Крупные, светло-зеленые листья салата свернулись в упругие кочанчики и подкатились к ее ногам, как послушные щенки. А вот и молодой лук вылез из земли, отряхнул корешки и прыгнул в общую компанию...

Алиса смотрела, завороженная этим слаженным действом, явно привычным для всех участников. И вдруг краем глаза заметила движение среди мальвы. Что-то маленькое, мохнатое и рыжее, с большими ушами и пушистым хвостом, на мгновение высунулось, посмотрело на Алису блестящими бусинками-глазками и скрылось из виду.

Тут же мимо яблони беззвучно пронесся крошечный человечек с прозрачными крылышками — и затаился в зарослях вьющихся ярко-синих цветов. Похоже, рыжий меховик его вспугнул.

А по стволу сверху-вниз с тихим шелестом скользнул опавший лист… Да нет же! Если присмотреться, вовсе это и не лист, а словно вырезанный из листа то ли жук, то ли кузнечик, то ли палочник, то ли богомол… Вот он зацепился за ветку и замер — от листа не отличить.

А у забора, рядом с тыквами, копошилось нечто круглое и плоское, в локоть шириной, в ладонь высотой. С глазами на гибких вертикальных палочках. Оно довольно громко бормотало себе под нос, собирая лапками семена календулы. Бурчало, бурчало… Но слов не разобрать. Вот бы знать его язык!

— Бабушка... — тихо, чтобы не спугнуть, прошептала Алиса. — А это... кто такие? В мальве, и на яблоне, и вон там, ноготки таскает…

Любава широко улыбнулась.

— А, эти-то? Наши помощники да зрители. В листве прячутся — шушунчики. Любопытные очень, все новости собирают. Их от листьев не отличить, пока не шевельнутся. И шуршат точно так же.

Алиса кивнула. С этим понятно. Бабушка перечисляла дальше:

— Рыжий если, мохнатый, — это лесовичок, из малых. Он у нас за порядком у старых пней следит, чтобы грибы не ссорились. Там вон, видишь, за орешником — грибницы. Лесовики за много лет вырастают в больших, характер у них портится, уходят в чащу и там безобразничают. Но пока они маленькие — очень милые. Пока хвост не отбросят. Но этому еще долго. Так что за

грибы можно не беспокоиться.

Алиса хмыкнула. Ненадежный какой-то получается надзиратель за грибами. Но бабушке виднее. А та продолжала:

— У забора бурчит который — это шуган-полевик. Ты прислушайся, он все «шуга-шуга», да «шуга-шуга» бормочет — на разный манер. Очень они общительные. Этот к нам с поля пришел в гости. Пожаловаться, что у него там с сороками вражда из-за семечек. Они его погнали. Подсолнухов — цельное поле, так нет же, надо им поскандалить, сорокам этим. Так-то они ничего, славные, безвредные, просто шумные. Только вороватые, блестяшки таскают. Иногда помогают, если попросить вежливо. А чаще просто смотрят. Все им интересно.

Алиса немного растерялась от этого потока информации. Кто ворует? Шуган или сороки? А просить кого, сорок? Лесовика? А как Любава поняла, о чем ей шуган рассказал, если тот «шуга-шуга», и больше ничего? А еще…

Но прежде, чем слова сорвались с языка, взгляд ее упал на солнечный луч, в котором кружились, вспыхивая радугой, почти невидимые искорки.

— А эти... — Алиса показала пальцем. — Это те, что ночью светятся? Золотые?

— Ага, родная моя, это они. Злотницы, — кивнула Люба, с нежностью глядя на парящую в воздухе мелюзгу. — Совсем малышки, с маковое зернышко. Они бестелесные. Духи радости и роста. Питаются солнечным светом да счастьем — если кто в саду от души посмеется, они тут как тут, кружат, кружат... Мне-то радости не жалко. Она ж как солнечный свет — всем доступна, сколько ни возьмешь, ущерба не будет. Только порадуешь. А так-то они цветы опыляют. Бесплотные, но плотные, если захотят. Подбадривают ростки, песни поют такие, что от них все пышет да соком наливается. Ночью сияют золотом, потому что тратят свой запас сил, чтобы растениям лучше спалось — и снами их питаются. Без них сад был бы куда как тише и скучнее.

Алиса слушала, раскрыв рот. Ей хотелось запомнить каждое слово.

— Но я их не слышу. Почему?

— А это просто уши твои еще не настроились на их голоса. Потом услышишь, поймешь, о чем я.

На все-то у бабушки есть ответ. А на что ответа нет — надо подождать, и ответ сам придет? Удобно. Но, может, так оно и есть? В любом случае, ничего не остается, только ждать и прислушиваться. А вот...

15

После завтрака, прошедшего в немного натянутой атмосфере, Алисе захотелось побыть одной, чтобы обдумать увиденное и услышанное. Да и солнце звало ее на улицу. Как усидеть дома таким роскошным летом, да еще и в таком прекрасном, ужасно интересном месте?!

— Я пройдусь немного, — сообщила она Любе.

— Только помни мое правило, — сразу же отозвалась та, и в ее голосе впервые всерьез прозвучала тревога. — Не ходи к реке. Ни за что.

— Помню, помню, — кивнула Алиса, завязывая кеды. А под нос себе пробормотала: — И не разговаривать с незнакомыми дяденьками! Кроме Ефимыча. С ним можно. — И хихикнула, закрывая за собой дверь.

Она вышла из дома, огляделась и решила прогуляться по короткой улице, поглазеть по сторонам. Деревня в свете дня казалась такой мирной и безмятежной.

А неплохо бы поговорить с кем-нибудь из соседей... осторожно так, грамотно выверяя вопросы... Но возле дома с ульями никого не оказалось. Дом

Аграфены тоже молчал — видимо, тетя Груня была на лугу со своей Зорькой.

Алиса вышла за околицу, к бескрайнему полю подсолнухов. Они стояли, как молчаливые стражи, повернув свои тяжелые головы к щедрому на огонь светилу.

И тут Алисе, наконец, повезло. На самом краю поля, прислонившись к покосившемуся столбику, сидела маленькая, пухлая старушка в темном платочке. Рядом лежала ее клюка. Лицо старушки было испещрено морщинами, но глаза, маленькие и яркие, смотрели с живым любопытством.

— Здравствуй, милая, — проскрипела она. — Гостьюшка наша, Любавина внучка? Как тебе наши места?

Алиса, обрадовавшись возможности поговорить, подошла ближе.

— Здравствуйте! Очень красиво у вас. Прям волшебно!

— А-а, красиво-то оно красиво, это точно, — бабушка хитро подмигнула. — Только не вся красота на виду-то лежит. Ее поискать надо. Приглядеться.

— Вы давно здесь живете? — спросила Алиса, присаживаясь рядом на теплую землю.

— Ой, деточка, даже не вспомню. С самого мо-

его рождения. Здесь и родилась, здесь и помру. Все видела. И твою прабабку Алену, Любавину матушку, видела. Сильная была женщина. Не зря ее ветер-батюшка слушался.

Алиса вздрогнула. Алену? Так ее в самом деле звали Аленой?! Вот тебе и «ну и сновидица»... Выходит, правда была во сне. А Любава ее скрыла, почти соврала! Так получается? Ну что же, вот прекрасный случай вывести ее на чистую воду!

— А вы знаете... про тот случай? Про дождь? — мило улыбнувшись, спросила Алиса.

— Кто ж его не знает-то, — махнула рукой старушка. — Спасеньем нашим была твоя прабабка. Пожары нам потушила. Зелень воскресила. А потом и Любава-то наша родилась... дитятко такое светлое... — Она замолчала, будто спохватившись, и быстро перевела тему. — Ты смотри, напечет головушку-то! Ты вон без платочка даже, кто ж так ходит... На-ка я тебе дам, повяжись, солнце-то какое коварное нынче и в самой силе уже.

Алиса начала было отнекиваться, но старушка откуда-то достала очень симпатичную косынку, расшитую замысловатыми узорами — глаз не оторвать. И протянула ей. Алиса приняла подарок. Сама себе повязала.

Старушка разулыбалась, закивала:

— Пройдись погуляй, воздухом подыши. У нас тут какие места-то чудесные!

— Бабушка Люба говорит, не везде можно ходить, — осторожно заметила Алиса. — Особенно за реку. Говорит, там типа властвуют силы тьмы и все такое, и вообще опасно.

Старушка фыркнула. Ее лицо на миг исказила гримаска нетерпения. Или показалось?

— Ох, уж эта Любава! Вечно она детей пугает. Очень уж она о тебе заботится, птенчик ты наш ненаглядный. Везде можно споткнуться или оцарапаться, это уж точно. Но ведь ничего и не увидишь, если никуда не смотришь. Никуда не придешь, если никуда не идешь. Сиди в четырех стенах — так вообще ничего не случится, ни хорошего, ни плохого. А ну какая же там тьма, за рекой-то? Ты сама погляди! Солнце ж везде одно…

Она вдруг ловко подхватила клюку, поднялась и потянула Алису за руку в сторону. Как-то так, шаг за шагом, они удивительно быстро оставили за спиной поле подсолнухов.

— Вон, видишь, за рекой-то? Смотри, какая благодать!

С места, куда она привела Алису, открывался

шикарный вид на другой берег. И правда, он вовсе не казался мрачным. Солнце освещало луговину, усыпанную цветами, а дальше виднелся густой, но никак не зловещий лес. От него веяло прохладой и тайной, а не опасностью.

— Красота-то какая, — мечтательно протянула старушка, и ее голос прозвучал даже как-то певуче. Не скажешь, что недавно скрипел — продышалась, видно, старая, пока сидела у столба. — Иди, погуляй, деточка. Только недолго. Но близко-то к реке не подходи, не ровен час — оступишься. А река у нас быстрая, вода в ней ледяная. Гляди, дорога-то какая езженая да натоптанная, часто тут народ ходит. Ничего там тебе не будет.

Она еще что-то пробормотала, похлопала Алису по руке и, опираясь на клюку, засеменила прочь, в сторону деревни.

Алиса осталась одна на краю поля. Она смотрела то на удаляющуюся фигурку, то на идиллическую картину за рекой. В голове прозвенели слова Любы: «Не ходи! Ни в коем случае!»

Но та старушка говорила так убедительно и логично... А Любава, похоже, темнит. Почему надо верить ей, а не этой милой старушке?

16

Алиса постепенно приходила в себя, силы возвращались.

Вода, едва не ставшая ей могилой, теперь струилась с одежды и с медно-рыжих волос, образуя темные пятна на светлом песке.

Алиса перевернулась на бок и сжалась, обхватив руками колени. Она старалась унять дрожь, и это ей удивительно быстро удалось. И усталость как-то подозрительно легко покинула ее тело.

Словно сама река, выплюнув Алису из себя, теперь давала энергию, чтобы помочь оправиться. Вода и вправду была живительной, хоть поначалу и попыталась убить. Противоречивое чувство заставило Алису взглянуть на реку с благодарностью, изрядно приправленной страхом.

Она села и огляделась. Песчаный пляжик, не более трех метров в ширину, на котором она оказалась, был зажат между водой и стеной лозняка, невысоких ракит. Плакучие ивы склоняли ветви к воде, словно пытаясь напиться.

Место показалось Алисе тихим, уединенным и на удивление обычным. Ничего волшебного,

зловещего или странного. Просто симпатичный уголок дикой природы, каких тысячи.

Она встала на солнце, надеясь, что одежда хоть немного подсохнет. Раздеваться в этих обстоятельствах как-то совсем не хотелось.

Вдруг мурашки снова пробежали по спине Алисы — и вовсе не от холода. Она, наконец, сообразила. Течение ведь понесло ее вниз по реке. А деревня осталась на правом берегу…

Значит, сейчас она на левом! На том, про который Люба предупреждала! Где болота, топи, древние силы и прочая тьма. Алиса нарушила главный бабушкин запрет. Она запоролась туда, куда нельзя было попадать ни под каким предлогом.

Инстинктивно она метнулась к воде, намереваясь плыть обратно. Река в этом месте не казалась ни широкой, ни бурной. Но воспоминание о цепких, холодных руках, едва не утянувших ее на дно, заставило мигом отпрянуть.

Русалки… Они вроде к ней не враждебны. Одна вот даже, возможно, помогла… Но мало ли что еще скрывается в этой темной, на вид спокойной воде? Нет, купаться тут — ни за какие коврижки!

— Спокойно, Алиса! — строго обратилась она к себе вслух, как профессор с кафедры. Голос

прозвучал непривычно сипло. — Ты же будущий юрист! Анализируй факты. Люба говорила, тут разные силы. Не все злые. И даже если злые… у всех свой характер. Могут и не тронуть.

Это слабое утешение все же придало ей немного храбрости. Зябнуть на клочке песка между рекой и непроходимыми кустами — так себе выход. Она решила действовать. Как смогла, отжала воду и собрала волосы в хвост, чтобы не мешали. А потом, выдохнув, отважно шагнула в заросли ивняка и осоки.

Пробираться поначалу было непросто — ветки цеплялись за одежду, ноги вязли в сырой земле. Но вскоре кусты расступились. Она вышла на огромный пойменный луг и замерла от неожиданной красоты.

Луг походил на разноцветный ковер, затканный десятками видов цветов. Синие и розовые колокольчики, белые ромашки, яркие соцветия иван-чая, ослепительно-желтые купавницы…

Воздух гудел от пчел и шмелей. Порхали бабочки с резными крыльями, похожими на кусочки лазурного неба, серебряные и пестрые мотыльки. Мелькали и незнакомые создания — похожие на стрекоз, с переливающимися, как опал, крыльями и длинными серебряными усиками. Они

перелетали с цветка на цветок, и под их прикосновением бутоны распускались.

В траве повсюду копошилась живность. Крошечные, похожие на шарики с лапками, существа катились по травинкам, сверкая изумрудными спинками. А вот, шевеля усами, на самый верх цветка взобрался огромный черный муравей. Совсем обычный, если не обращать внимание на размер. Внизу, на земле мелькнул крот или землеройка…

Ничего зловещего. Все мирно, и просто-таки идиллически прекрасно.

Алиса понемногу начала расслабляться. Может, Люба все преувеличила? Может, у них тут страшные сказки детям рассказывают, чтобы за реку не ходили? И правильно рассказывают. Вот она, Алиса, не послушалась, пошла и задумалась, как дура, грохнулась в воду…

Она медленно брела по лугу, вдыхая пьянящие ароматы. Первоначальное беспокойство притуплялось, постепенно уступая место любопытству.

И вдруг… бабах! Тарарах! Страшный грохот!

Совершенно ясное, безоблачное небо почернело и раскололось ослепительной молнией. Удар грома потряс воздух.

Алиса вскрикнула и присела на корточки, за-

крывая голову руками.

И тут же на землю обрушился ливень — такой плотный и тяжелый, что стало нечем дышать. Молнии хлестали совсем рядом, с шипением испепеляя цветы и выжигая на лугу черные полосы.

А через несколько секунд все закончилось. Снова светило солнце. Туча, появившаяся из ниоткуда, так же внезапно исчезла.

Алиса, опять мокрая до нитки, сидела на земле и дрожала от испуга. Но очень скоро ее страх сменился изумлением. Побитый ливнем луг оживал на глазах. Стебли травы выпрямлялись. На обожженных местах пробивалась новая, сочная зелень.

Опавшие лепестки цветов заново отрастали, но… не у всех. Некоторые растения вели себя совсем неожиданно: их семенные коробочки набухали и лопались с тихим хлопком, разбрасывая вокруг сверкающие зерна.

Из зерен, едва коснувшихся земли, выпархивали существа, похожие на бесплотных злотниц, но значительно крупнее. И не призрачные, а вполне материальные, разноцветные, с отчетливо различимыми слюдяными крылышками.

17

Алиса вскарабкалась на камень, чтобы осмотреться с высоты.

Луг расстилался на все четыре стороны, упираясь в туманную дымку на горизонте. То, что она принимала за лес, теперь, когда марево немного рассеялось, выглядело иначе. Это были вовсе не деревья, а странные, темные, застывшие выступы скал или чего-то похожего на скалы (она не была уверена в их естественном происхождении).

Они напоминали окаменевшие волны некогда бушевавшего океана (прямо как в игре «морская фигура замри!») или спины гигантских спящих животных. Зрелище одновременно величественное и пугающее.

И тут ее взгляд упал на солнце. Оно заметно приблизилось к линии горизонта — вершинам тех самых камней-не-камней. До вечера оставался всего час-другой.

Мысль о ночи, которую придется провести в этом заколдованном месте, придала ей решимости. Храбрость отчаяния. Вперед, Алиса!

Вперед? А что, если назад? Она спрыгнула с

камня и пошла не к дереву, а от него. Не оборачиваясь, решительно сжав кулаки. И… снова вышла к камню.

Он опять перед ней — и как насмешка, и как немой страж ее волшебной тюрьмы!

И в этот момент над головой Алисы появилась какая-то тень. Что-то очень большое, хоть и меньше грозовой тучи. Алиса подняла взгляд на небо и ахнула.

О, нет, это была не туча! Существо, похожее на широкий бочонок или барабан с множеством длинных суставчатых лап, которыми оно неспешно, словно пряжу перебирало воздух.

Оно возникало постепенно, будто проявляясь или просачиваясь через невидимое препятствие, пока, наконец, не показалось целиком. Но где же его голова? Должна быть в той стороне, куда оно летит. Если оно, конечно, не перемещается задом-наперед, как рак… Или оно вовсе безголовое?

«Барабанозверь какой-то», — опасливо поежилась Алиса и, на всякий случай, присела в траву и замерла без движения. Спрятаться-то от взгляда сверху тут определенно некуда.

Его массивное тело отливало серебром и тусклой бронзой. Алиса сразу решила, что это — броня. А на спине, в специальном седле, восседал че-

ловек с какой-то палкой в руке. Ну, или кто-то, похожий на человека — человеческая фигура в развевающемся плаще.

Они пролетели всего метрах в двадцати над лугом, при этом не обращая на Алису никакого внимания. То ли не заметили, то ли она была для них слишком ничтожна, чтобы удостаивать взглядом.

Алиса замерла, не зная, кричать ли, просить о помощи или, наоборот, затаиться… Пока думала, всадник и его странный скакун исчезли в отдалении. Причем, сделали это подозрительно быстро: только что были видны, и вдруг, хлоп — уже нет, пустое вечереющее небо.

Надежда, вспыхнув на секунду, угасла. Алиса снова была одна.

Но не успела она решить, расстраиваться или радоваться, как раздался оглушительный треск. С той стороны, где виднелись странные волнистые скалы, которые она поначалу принимала за лес, воздух исказился и затрепетал. А потом и вовсе пошел красными трещинами: словно его окровавила сеть, наброшенная кем-то с другой стороны невидимого стекла.

Изображение скал начало распадаться. Сеть лопнула. Сквозь дрожащую пелену проступили

очертания настоящих, обычных деревьев: сосен, дубов, берез. Да они совсем рядом!

Побежать туда? Но… как-то все происходящее совсем не вызывало у Алисы доверия. Она рефлекторно вскрикнула, тут же зажав рот рукой, и отпрянула за свой мучитель-камень, ставший теперь ее убежищем. Приготовилась к худшему.

И правильно сделала. Из этого разрыва в реальности бытия на луг вывалилось огромное бурое тело. Медведь. Опасный, могучий зверь! Он встал на задние лапы и, раскачиваясь, издал горловой, хриплый рев, направленный, как показалось Алисе, прямо на нее.

Но медведь не напал. Он пошел в сторону Алисы, спотыкаясь и тяжело дыша. И вдруг пошатнулся, рухнул на землю и замер с коротким утробным стоном.

«Он ранен! — догадалась Алиса. — Или уже умер? Но кто же тогда…»

Ей стало еще страшнее. Она постаралась лишь едва-едва высовываться из-за камня, чтобы увидеть происходящее, но самой оставаться незаметной.

И в тот же миг из того же разрыва, из искаженного воздуха, высунулась длинная шея, покрытая слизистой темно-серой кожей. Она извивалась

и подрагивала. На конце красовалась безглазая голова с огромной пастью, усеянной иглоподобными зубами. Существо щелкало ими, явно выискивая добычу.

Или это не шея? Может, это гигантский червяк или змея?!

Наконец, оно определилось. Его цель — лежащий медведь.

И тогда Алису словно подменили. Накопленный ужас, отчаяние и гнев вырвались наружу в оглушительном, диком визге. Не думая, не соображая, она выскочила из-за камня и с нечленораздельными криками, размахивая руками, бросилась на чудище.

Возможно, так первобытные матери, предки современных матерей, защищали своих младенцев от саблезубого тигра — и даже иногда имели успех, напугав зверя неожиданностью и странностью своего поведения.

И случилось невероятное. Существо, уже готовое вонзить зубы в медведя, резко отпрянуло. Его безглазая голова повернулась в сторону Алисы. Оно затрепетало всем своим слизистым телом и мгновенно юркнуло назад, в разрыв, который тут же захлопнулся. Будто кто-то выдернул это чудище наружу за хвост!

18

Алиса сделала глубокий вдох и открыла калитку. Нагретые гладкие камушки, которыми выложена дорожка до крыльца, вновь поманили ее. Она разулась и с огромным удовольствием прошла по ним, каждым шагом как бы возвращая себя домой, в покой и равновесие.

И едва не споткнулась на пороге о лежавшего там Котофея Игнатьича. Он растянулся по диагонали прямо на середине крыльца. Развалился, как владетельный сеньор на своем троне, и снисходительно смотрел на нее пронзительными изумрудными глазами. Пожалуй, взгляд его был не столько ленивым, сколько изучающим.

Алиса замерла на пороге. Кошек она побаивалась в принципе — существа независимые, непредсказуемые, с острыми когтями. Придет такой кисе в голову что угодно — и расцарапает тебя в кровь.

А этот еще и размером — с добрую собаку, да и вдобавок какой-то… в общем, больше, чем «просто кот». Может, он тоже «дух этого места» и «средоточие древней силы»? Перешагнешь

через него — и будешь проклята пожизненно за чудовищное кощунство. Или просто откусит тебе ногу.

Пауза затянулась.

Но вот Котофей медленно, с невозмутимым видом поднялся, выгнул спину в дугу и потянулся, демонстрируя когтистые лапы. Затем так же неспешно подошел к замершей Алисе и вдруг… потерся о ее ногу и громко замурчал. Примерно как бронетранспортер (Алиса никогда не слышала, как они мурлычут, но само слово «бронетранспортер» говорило за себя).

А кот явно ждал, что его погладят. Алиса, сбитая с толку такой переменой, нерешительно протянула руку и провела по его шерсти. Та оказалась на удивление шелковистой и теплой. Кот благосклонно принял ласку, еще раз ткнулся мордой в Алисину ладонь и, изогнув хвост огромным вопросительным знаком, грациозно прошествовал за калитку.

Алиса выдохнула с облегчением и зашла в дом. В горнице никого не было, но через распахнутое окно доносились приглушенные голоса. Она выглянула наружу.

На прогоне собралась чуть ли не вся деревня! Там была и Люба, и тетя Груня, и дед Трофим и…

незнакомый высокий мужчина. Разговор шел на повышенных тонах, Трофим размахивал руками, что-то доказывая Аграфене.

Алиса отступила от окна. Нужно привести себя в порядок перед тем, как выйти к ним и признаться во всем. Одежда почти высохла, но была перепачкана травой и землей, а волосы, распустившись из наспех собранного хвоста во время ее бегства, превратились в спутанную рыжую гриву.

Она быстро переоделась в чистое, а потом принялась искать свою расческу. Та бесследно исчезла. Взгляд Алисы упал на красивый деревянный гребень, лежавший на лавке у зеркала. Утром его точно не было. Гребень искусной работы, из мореного дерева, с ручкой, вырезанной в виде извивающейся лозы. Он лежал там, словно ждал ее.

Алиса пожала плечами, взяла его и поднесла к голове. И тут гребень… ожил. Он не просто скользил по прядям, а сам выбирал направление, мягко распутывая волосы, не причиняя при этом ни малейшей боли. Он ласкал ее пряди, и те в ответ даже будто бы чуть-чуть светились.

«Вот это сервис», — одобрила Алиса, уже почти переставшая удивляться таким вещам.

Приведя себя в порядок и собравшись с духом, она вышла из дома и направилась к Любаве. Каяться и сдаваться. А заодно и знакомиться. И разведать, что там у них за дела.

«Я — не стеснительная, я — будущий юрист, а рыжим и вообще положено быть наглыми!» — мысленно убеждала себя Алиса, закрывая за собой калитку.

Они все еще о чем-то спорили. Аграфена стояла руки в боки и слушала Трофима. Любава, заприметив Алису, лишь скользнула по ней быстрым взглядом и снова повернулась к ним.

Высокий незнакомый брюнет с бледной кожей и яркими карими глазами молча кивнул Алисе, уголки его губ тронула приветливая улыбка. Алиса улыбнулась в ответ.

— …вот пусть сами там и того-этого! — тем временем закончил Трофим свою речь и с досадой сплюнул в сторону.

— Сами по себе все скоро будем того-этого, — передразнила его Аграфена и сделала жест, похожий на тот, что Алиса уже видела у Любавы, когда та хотела отвести что-то злое или вредное.

Трофим только махнул рукой и повернулся, чтобы уйти, но тут его взгляд упал на Алису. Лицо его немедленно прояснилось.

— Здравствуй, красавица! — прокряхтел он.

— Здравствуйте, — улыбнулась Алиса.

Дед кивнул и направился к своим ульям. Аграфена долго смотрела ему вслед. Потом вздохнула, покачала головой и строго зыркнула на Алису.

Алиса перевела взгляд на Любу — та тоже смотрела на нее со странным, незнакомым выражением на лице.

Все молчали. И тут мужчина обратился к Алисе. Голос у него оказался низким, но при этом мягким и, пожалуй, волнующим:

— Как приятно видеть здесь новое лицо. Тем более, такое молодое и привлекательное.

Аграфена фыркнула, а Любава с трудом подавила улыбку, стараясь сохранить серьезность.

Алиса почувствовала, как по щекам разливается горячий румянец — на ее светлой коже это особенно заметно. Но она взяла себя в руки и, смело глядя незнакомцу в глаза, ответила:

— Мне тоже очень приятно. Я — Алиса. А вы, наверное, Владислав?

Мужчина слегка поклонился.

— Местный заклинатель дерева и камня. Брухо зарослей и бурелома. Базилевс наличников и реставратор ласточкиних гнезд. — Совершенно серьезным тоном представился он. — Можно

просто Влад. И на «ты».

19

Она пыталась быть краткой и при этом обосновывать каждый шаг, но выходило как-то не очень. Как в анекдоте — каждый новый поворот в ее истории, каждая попытка исправить положение открывала новую бездну ее проступков и напрасно созданных опасных ситуаций.

— Ну вышла я прогуляться… — начала она. — Встретила бабушку. Там, у поля… Кстати, а как ее зовут? Маленькая такая, пухленькая… Прям очень заботливая! Косыночку мне подарила.

— У поля, то есть за околицей. Незнакомую бабку… — подхватила Любава, и лицо ее побледнело. — И взяла у нее косынку. Ума-то хватило не повязывать?

Алиса отрицательно покачала головой:

— Но это же невежливо! Да и солнце шпарило, а она от чистого сердца…

— Манок, — выдохнула Аграфена. — Надо же…

— Чей бы? — Влад тоже выглядел озабоченным.

— А кто ж их… — Вздохнула Аграфена.

— Манок? — переспросила Алиса. — Какое ин-

тересное имя… А где она живет?

— Нигде она не живет, — отрезала Любава, и в ее голосе прозвучал металл. — Продолжай.

— Ну, она сказала, что за рекой — красота, а никакая не тьма и ужас, и показала с горки, а я… ну пошла посмотреть одним глазком.

— И тебя чуть не утопило, — констатировала Любава.

«Я же предупреждала!» — говорил ее взгляд.

— Но меня спасла эта… девушка в воде. С хвостом. Русалка?

Аграфена молча кивнула, даже не подумав удивиться. Она явно знала об этом происшествии.

«Ну конечно! Она же в родстве с рекой» — вспомнила Алиса. И осмелилась спросить:

— Это… ваша сестра?

— Рассказывай дальше, — буркнула Аграфена, скрестив руки на груди. — Что было, когда из воды выбралась.

— Потом я вышла на луг. Там была ужасная гроза. А потом я ходила по кругу. Все время возвращалась к одному камню. Такому большому, угловатому…

— Путевод, — вымолвил Владислав.

— Что? — не поняла Алиса.

— Камень-путевод. Кого-то проводит, кого-то

морочит. Его там не было, — он многозначительно обвел взглядом Любаву и Аграфену. Те переглянулись.

— Потом… по небу кто-то пролетел. Большой. Похожий на барабан с усами, только это не усы были, а ноги. На нем — всадник… — Алиса сочла разумным умолчать, что хотела попросить у него помощи.

Снова встревоженно переглянулись слушатели, но промолчали.

— А потом… из воздуха вывалился медведь. Раненый. А за ним… чудище. Такое, знаете, как огромный червяк с зубами! Я с перепугу на него закричала, и оно убежало. Там в воздухе…

Любава ахнула и прикрыла рот ладонью, но тут же взяла себя в руки.

— Что в воздухе, милочка? — как-то очень мягко спросила Аграфена.

— Ну… Там какой-то мираж. Кажется одно, а потом оно будто рвется, и за ним совсем другое… Там лес за ним был. А мираж — как будто скалы такие странные…

Дальше Алиса рассказала, что медведь ушел к реке, и она побежала за ним и нашла мост. Ее дослушали уже без вопросов и комментариев.

Когда она закончила, воцарилась тишина.

Слышно было, как вдалеке позвякивает Зорькин колокольчик. Казалось даже, что доносится пчелиный гул от пасеки Трофима.

Люба снова переглянулась с Груней и Владом.

— Что ж, — сказала она твердо. — Пойдем-ка, Лисонька, домой. Нагулялась ты за сегодня.

Она взяла Алису под локоть и мягко, но настойчиво повела к дому. Аграфена кивнула на прощание, а Владислав галантно склонил голову.

— До скорого, Алиса. Было очень… познавательно.

Дома Любава молча, с необычной резкостью в движениях, принялась хлопотать у печи. Самовар, впрочем, оказался уже горячим. Она налила чаю в чашки, села напротив Алисы, поглядела на нее долгим, изучающим взглядом, и медленно повторила:

— Ну и погуляла сегодня девонька.

— Бабушка, я знаю, я виновата, я больше никогда… — начала было Алиса, но Любава отмахнулась.

— Ладно, ладно. Не в том дело. Бабка-манок… ее для того и создали, чтобы заманить. А когда ты ее косынку повязала — все, считай, песенка спета. Трудно потом отличить, где правда, а где

наваждение. Не надо было брать у нее ничего, слушать ее. А я… я забыла тебя предупредить. Но кто ж знал, — она тяжко вздохнула, — что манок поставят именно на тебя, именно сейчас. Да их веками не ставили…

— Кто поставил? — тут же вырвалось у Алисы.

Любава развела руками.

— Подозревать могу. Но знать — не знаю. Слишком оно… Того... — она замялась.

— Того-этого? — с готовностью подсказала Алиса.

Бабушка неожиданно хихикнула. И даже поставила чашку на блюдце, чтобы не расплескать.

— Нет. Того-этого у нас только Трофим. А манок не его.

Алиса тоже хихикнула, но вдруг ей пришла в голову мысль, от которой все веселье слетело.

— Василиса? — рискнула предположить она.

20

На следующее утро Алиса проснулась в смешанных чувствах. С одной стороны — стыд за вчерашние ошибки. С другой — влечение к окружающему миру, полному волшебства и загадок — щемящее любопытство, напоминающее голод.

Но, в любом случае, вести-то себя надо осмотрительнее.

Она вспомнила разговор с бабушкой, взгляды жителей деревни. И тут же в памяти отчетливо прозвучал бархатный, волнующий голос Владислава. Подумав о нем, Алиса слегка покраснела.

Спустившись к завтраку, она застала Любу за приготовлением травяного чая.

— Доброе утро, бабушка, — тихо поздоровалась Алиса, старательно изображая из себя раскаявшуюся грешницу и, по совместительству, образцовую скромницу.

— Доброе, внученька, — Любава обернулась. Вопреки Алисиным ожиданиям, в ее глазах не было и тени упрека. Неужели все простила?! — Выспалась? Отошла от вчерашнего?

— Да, вроде, — Алиса села за стол. — Только в

голове все крутится-вертится.

— Это нормально, — кивнула бабушка, ставя перед ней чашку. — Мир наш не простой. Привыкать надо потихоньку.

После завтрака Алиса вышла погулять в саду. Она бродила среди цветов и деревьев, рассматривала растения, даже нашла там мяту (в точности такую же, как оставшаяся в ее квартире) и украдкой поглядывала в сторону улицы. Не пройдет ли кто?

И, словно по заказу, явился Владислав. Увидел ее, улыбнулся подошел к калитке. За плечами у него виднелся небольшой рюкзак.

— Привет, — сказал он просто, будто они давно знакомы. — Не желаешь ли прогуляться? Погода чудесная и прогноз благоприятный…

Увидев недоумение на лице Алисы, он рассмеялся:

— Магический прогноз, Волшебколцентра. Знаешь, такой «крибле-крабле-бумс!» — и в телеке появляется тетенька в короткой юбке и обещает, что сегодня силы тьмы будут спать спокойно, поэтому все хорошие ребята могут смело шляться по лесу.

Алиса поняла, что он шутит, и вежливо хихикнула.

— Покажу кое-что интересное, — уже серьезно продолжил Владислав. — Там безопасно, — он ткнул пальцем в сторону от реки. — В Ближнем лесу, за краем поля. Я туда каждый день хожу. Пойдем вместе?

Алиса почувствовала радостное возбуждение. Ей не просто разрешили выйти из деревни, но еще и покажут новые места, причем совершенно без риска вляпаться в неприятности — она ведь будет под защитой этого… наверняка сильного… и уж точно весьма привлекательного молодого волшебника.

— Хорошо! Только спрошу у бабушки. — Сыграла в приличную девочку Алиса.

— Конечно, — пожал плечами Влад.

Любава, узнав о ее планах, одобрительно кивнула.

— Иди, иди. Все равно тебе на месте не сидится, пытливый у тебя нрав. Хочешь все вокруг знать. В бабушку пошла. Не удержать тебя. Так уж лучше с Владиком, чем как в прошлый раз. Он все покажет, расскажет, и тебя не обидит, и другим в обиду не даст. Лес он знает как свои пять пальцев. Да и вообще… — она многозначительно подмигнула Алисе, — компания приятная, мужчина серьезный и перспективный…

Алиса густо покраснела и, стараясь сохранять достоинство, вышла к Владиславу. Тот ждал у калитки.

Они пошли по тропе, огибающей деревню, мимо подсолнечного поля. День только начинался, но уже заметно припекало. Яркие бабочки порхали с цветка на цветок. Пчелы, шмели и стрекозы сновали туда-сюда — Алиса опасливо поглядывала на них.

— Ты вчера видела много… интересного, — начал Влад, когда деревня осталась позади. — У меня бы с первого раза крыша поехала, а ты держалась молодцом. И, что самое главное, — выжила. Я не хочу тебя пугать, но погибнуть ты могла четырежды.

Алиса тут же испугалась, но не подала виду. Начала мысленно считать, где же четыре?

Так, чуть не утонула — раз. Медведь мог сожрать — два. Хотя нет, он же был раненый, вычеркиваем. Хотя нет, раненый медведь — особенно опасен, пусть остается. Итак, два. Третий — червяк с зубами, как его там… саркас? Четвертый… А что же за четвертый?

Видимо, она произнесла последнюю фразу вслух, потому что ее спутник тут же ответил:

— А четвертый — это остаться навсегда рядом

с путеводом. С тем камнем. Не выбраться из ловушки.

Алису передернуло от такой перспективы. Не, конечно, лужок там симподный, но не всю же жизнь на нем провести… К тому же, что там из еды? Ягоды? И муравьи? Алиса скривилась.

Владислав, похоже, неверно понял выражение ее лица, и тут же успокоил:

— Здесь тебе ничего не угрожает. Не пугайся, если что-то покажется странным. Для тех, кто только вчера из внешнего мира, здесь все странное. По себе знаю. Зато, уж поверь, столько всего интересного…

Они оставили позади дом Василисы и, по едва заметной тропинке, пошли в лес, который начинался сразу за деревней. Он оказался светлым, преимущественно березовым и сосновым, с изредка встречающимися крепкими коренастыми дубами. Воздух пах смолой, прелыми листьями, грибами и еще чем-то неуловимым.

«Может, малина какая-нибудь или земляника» — подумала Алиса, никогда не собиравшая дикие ягоды. Как, впрочем, и садовые.

— Вот смотри, — Влад остановился у молодой березки с причудливо изогнутым стволом. — Кажется, просто кривое деревце. А на самом деле

— оно просится стать посохом путнику, который опирается не на силу, а на мудрость. Оно уже содержит в себе эту форму. Мне остается только помочь ей проявиться. Аккуратно снять лишнее. Но сначала — спросить дозволения, выявить желание.

21

Они вышли на небольшую поляну, залитую солнцем. Посреди поляны лежал огромный, побелевший от времени ствол упавшей сосны.

— Вот, — Влад прикоснулся пальцами к замшелой древесине. — Дерево умерло. И даже начало гнить. Но оно не перестало существовать. Оно просто... перешло в другую форму. Из него все еще можно извлечь скамью, что будет хранить тепло живых, которые на ней сидят. Или игрушку для ребенка, которая будет оберегать его сны. Или... Вот что-нибудь такое... — он вынул из кармана небольшой, причудливо изогнутый сучок и протянул Алисе. — Держи. Это — оберег. Простой, но надежный. Он будет отводить мелкие пакости, сглазы, дурные сны. Положи его под подушку.

Алиса взяла теплый, отполированный временем и, возможно, руками Влада, кусочек дерева. Он идеально лег в ладонь.

— Спасибо, — прошептала она, тронутая. — А с собой носить можно?

— Пожалуйста, — Владислав улыбнулся. — Теперь ты — под моей защитой, даже когда меня

нет рядом. Ну, чуть-чуть.

Они присели на сосновый ствол. Алиса постучала по нему костяшками пальцев.

— Если оно уже гниет, разве из него можно что-нибудь делать? Оно же испортилось? — усомнилась она.

Влад отрицательно покачал головой.

— Оно портится, но формы пока восстановимы. Чем больше испортится, тем труднее, конечно. Но все же можно извлечь к живому… Смотри!

Он снова достал топорик и сделал несколько быстрых движений.

Теперь Алиса была готова и попробовала повторить то, что ей удалось тогда на кухне с бабушкой: как бы снять невидимое покрывало. И она увидела! Сотни маленьких призрачных топориков быстро-быстро застучали по стволу в местах, указанных Владиславом. Кусок ствола отделился и принял форму… табуретки. Самой обычной табуретки.

Ловко вертясь, топорики вырезали на ее ножках затейливые узоры. А Влад тем временем пару раз провел туда-сюда ладонью, и поврежденные участки древесины восстановили свой цвет и структуру — трещины сомкнулись, лопнувшие волокна соединились. А потом и вся табуретка в

целом будто напиталась силой — Алиса отчетливо видела это своим новым зрением как ровное зеленоватое сияние, ауру, окружившую предмет.

Бац! Топорики исчезли, готовая табуретка стояла на траве — очень симпатичная, но вполне обычная на вид. Алиса поняла, что привычное зрение вернулось.

— Красивое… — она рефлекторно потрогала табуретку.

— Ты первая коснулась, теперь она твоя! — Владислав сопроводил слова широким жестом, открытой ладонью указав на свой подарок.

— Заберем на обратном пути? — предложила Алиса, не горевшая желанием гулять с табуреткой в руках.

— Попросим доставить к тебе домой, — совершенно серьезно сообщил Влад и легонько взмахнул рукой. И табуретка пошла в сторону деревни. Сама!

Алиса в обалдении смотрела ей вслед.

— А как же это она… А она дойдет?

— А это же самоходная табуретка. Табуретка-самоходка, — все также серьезно произнес Влад. — В случае встречи с врагом активируется защитный комплекс «земля-земля», «земля-воздух» или «земля-подземелье», в зависимости от

типа цели.

Алиса поняла, что запуталась.

— А где у нее пушки? Или что за защита?

Он рассмеялся.

— Да нет у нее ничего. Просто табуретка. Придет, встанет на свое место и будет тебя ждать.

Алиса поняла, что он снова пошутил про все эти вот «защитные комплексы». Но один вопрос засел в ее голове после слов Владислава о восстановлении формы:

— Скажи, а вот «извлечь к живому» — что это значит?

Влад пожал плечами:

— То и значит.

— А можно извлечь к мертвому? — не отставала Алиса.

Влад внимательно посмотрел на нее.

— А зачем?

Алиса поняла, что запуталась, и пожала плечами. Она же просто так спросила, а он, похоже, воспринял всерьез…

Немного помолчав, обдумывая слова, Влад подчеркнуто медленно произнес:

— Я не извлекаю к мертвому. И тебе не советую.

А потом широко улыбнулся:

— Да и не получится у нас! Мы ж живые!

С этими словами он достал из рюкзака немного еды — хлеб, сыр, несколько яблок. Но на этом он не остановился. Сорвал несколько листиков с растущего неподалеку куста серебрянки, очень похожей на ту, что обитала в огороде у Любы, чуть-чуть потер их в ладонях и бросил в деревянную кружку, появившуюся будто из ниоткуда. Кружка тут же наполнилась ароматной, немного тягучей жидкостью — совершенно непонятно, откуда взявшейся — не могло быть в этих листочках столько сока!

— Пей, — предложил он. — Прибавит сил.

Алиса сделала глоток. Это напоминало несладкий кисель с сильным пряным запахом. И, действительно, усталость снялась мгновенно.

Пока они перекусывали, разговор зашел о вчерашних событиях.

— А эти... существа, которых я видела, — спросила Алиса. — Зубастый червяк-переросток... русалка... А это вот... нечто со щупальцами, на котором сидел всадник? Которое надо мной пролетело? Они там все такие? На той стороне реки? Странные, опасные и злые?

22

На следующее утро Алиса проснулась с приятным предчувствием. В памяти всплывали кадры из вчерашней прогулки: солнечные поляны, усыпанные ягодами и лесными цветами, высокий сосновый бор, светлые березовые рощи, ручей, пробивший себе дорогу среди мха и округлых окатанных камней. И, конечно, уверенные движения Влада, его умелые руки, низкий волнующий голос, и тот деревянный оберег, маленький полированный сучок — амулет, с которым она теперь не расставалась. На ночь положила его под подушку, а утром решила переодеться во что-нибудь с карманами, чтобы удобнее было таскать с собой.

Она даже наметила маршрут на сегодня — наверняка есть что посмотреть возле речки, с нашей, безопасной стороны. Хотя она и не против погулять в том Дальнем лесу, куда Владислав обещал ее сводить.

Алиса долго прихорашивалась в горнице, позавтракала с бабушкой, а потом вышла в сад. Удобно устроилась на старой уютной лавочке под

яблоней и принялась ждать, делая вид, что вовсе не ждет. Она была уверена — вот-вот калитка откроется, и появится он — высокий, подтянутый, озаренный загадочной улыбкой, с небольшим рюкзаком за плечами. И скажет: «Ну пошли…»

Время текло медленно. Алиса ждала и наблюдала за происходящим вокруг. Солнце поднималось все выше, жизнь в саду шла своим неспешным ходом. Вот по листу клубники деловито ползет алая божья коровка. А вот стайка злотниц, сверкая на солнце радужными блестками, устроила догонялки вокруг распускающегося бутона георгина. Одна из них вдруг спикировала прямо на кончик Алисиного носа, посидела секунду, излучая едва осязаемое, щекотное тепло, и упорхнула.

Алиса улыбнулась ей вслед и пересела на землю под яблоней. Прислонилась спиной к шершавой коре.

«Вот бы и у меня было такое умение, как у Влада — разговаривать с деревьями», — подумала она. И тут же заметила движение. Одна из веток, чуть выше ее головы, медленно-медленно изогнулась, и румяное, сочное яблоко плавно покатилось по листьям вместо того, чтобы упасть на землю. Оно ненадолго задержалось в конце пути, и Алиса сняла его с ветки. Яблоко было теплым, только

что с нагретой солнцем кроны, и невероятно ароматным. Оно само так и просилось в рот.

«Съешь меня!» — почти услышала Алиса и, конечно, тут же откусила. Ну как такое не попробовать? Да и невежливо отказываться.

Вкус был потрясающим. «Спасибо», — мысленно поблагодарила она яблоню. Та в ответ легонько качнула ветвями.

Вот уже и яблоко съедено, а Владислава все нет. Солнце давно миновало зенит. Да где же его черти носят? Ожидание стало сменяться беспокойством, а потом и досадой. Может, просто забыл? Или передумал? Может, вчерашняя прогулка показалась ему не такой уж интересной?

Ну и ладно! Не больно-то и хотелось! Алиса фыркнула и отвернулась от калитки.

Чтобы отвлечься, она решила пройтись по самому дальнему уголку сада, куда еще не забиралась. Туда, где у забора краснела смородина и малина. Где заросли терновника и ежевики. К забору! В глушь! В колючки!

Она бродила меж кустов, машинально срывая и пробуя ягоды, и вдруг... ее взгляд уперся в широченный древесный ствол. Огромный, могучий каштан с раскидистой кроной внезапно явился прямо перед нею. Конечно, дерево не могло вы-

прыгнуть из земли. Просто Алиса его раньше не замечала.

Оно росло на самом краю огороженного участка. Мощный ствол, темная, потрескавшаяся кора, крупные, резные листья. Как она могла не увидеть такого исполина?! Он ведь был здесь всегда… нет никаких сомнений, но... похоже, ее взгляд как-то сам собой скользил мимо, не цепляясь, не фиксируя увиденное.

«Странно... — думала Алиса, обходя дерево вокруг. — Где были раньше мои глаза? Почему не обращала внимания? Будто кто-то шептал мне: 'Не смотри туда'. Но кто? Само дерево?»

Одно понятно: она снова столкнулась с волшебством маскировки. Не с тем невидимым покрывалом, что прятало от нее магию бабушкиных движений или суть работы Владислава с деревом. И не с силой замкнутого круга у камня-путевода. Тут было нечто иное, похожее на тихое, ненавязчивое внушение, убеждающее разум: «Здесь нет ничего интересного. Это не важно. Просто какое-то дерево, одно из многих. Не стоит внимания».

И вот сейчас, когда это внушение вдруг ослабло, Алиса увидела дерево по-настоящему. Она подошла ближе, пораженная. Каштан казался

старым, очень старым. Его ветви, толстые, как хорошие бревна, простирались далеко над забором, нависая над кустами, тропинками и другими деревьями. Кое-где виднелись зеленые, колючие ежики его плодов.

Она вспомнила, что у каждого дома в деревне росло свое большое дерево. Она же их видела! Но тоже не придала тогда значения…

У Аграфены — ветла, у Трофима — липа, под которой стояли его ульи. У того дома, где, вроде бы, жила Мария Степановна — огромный клен. А у Владислава… она попыталась вспомнить, но не смогла. Казалось, у его дома тоже было дерево, но какое — в памяти не всплывало. Почему? Да и ладно! Бог бы с этим Владиславом.

Усиленное досадой любопытство превозмогло осторожность. Алиса подошла вплотную к каштану и положила ладонь на его шершавую кору. Дерево ощущалось живым и не по-стариковски мощным. От него исходила спокойная сила. Наверняка ужасно древняя и «все такое» — у них тут все древнее и невероятно сильное. Она закрыла глаза, пытаясь почувствовать что-нибудь (как это, наверное, делал Влад).

Вскоре ей показалось, что она слышит не звук, а скорее, вибрацию — низкий, протяжный гул,

исходящий из самой глубины ствола. Он походил на отзвук последних колебаний большого колокола. Одновременно с ним перед ее закрытыми глазами проплыли смутные образы: чужие лица, сменяющие друг друга времена года, тихие разговоры под сенью листьев, детский смех, старческие вздохи.

23

За столом Алиса не выдержала.

— Люба, а что за огромный каштан у нас в углу сада? Он вроде всегда там был, но... как-то я его не замечала. А сегодня вдруг увидела.

Любава отложила ложку и внимательно, с оттенком удивления и одобрения, посмотрела на внучку.

— Сначала доешь, Лисонька, — попросила она мягко. — А потом поговорим.

Алиса, подгоняемая нетерпением, быстро доела свою порцию. Любава, похоже, собралась, наконец, с мыслями, и поведала такую историю.

— Каштан... — начала она, наливая чай. — Он у нас как страж, что ли... У каждого дома в деревне есть свой. Они — якоря, корни, фундамент. Держат наше место, не дают ему расползтись, смешаться с другими, с тем же диким миром за рекой — не пускают чуждое волшебство сюда, а наше — туда. Они успокаивают буйные силы, дают опору, гасят удары. Помнишь, недавно сильно стукнуло, когда свет отключался? Вот, если бы не они, не знаю, что сталось бы с деревней...

Любава покачала головой, словно узрела воочию такую перспективу.

— И они... скрывают себя от чужих глаз. От тех, кому не положено видеть. Ты, Лисонька, сегодня сделала еще один большой шаг. Увидела страж-дерево. Значит, ты все глубже входишь в нашу жизнь. Принимаешь ее. И она принимает тебя. — Бабушка многозначительно посмотрела на темный плод каштана, который Алиса положила на стол. Будто только что его заметила. — Я вижу, он тебе подарочек преподнес. Береги его. Это не просто орех. Это зачаток силы. Может, когда-нибудь пригодится.

Алиса снова сжала в ладони гладкий, теплый каштанчик. И тут же вспомнила о Владиславе.

— А Влад... он сегодня не приходил? — спросила она, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно равнодушнее.

Любава посмотрела на Алису с подчеркнуто серьезным выражением лица:

— У Владика, милая, дел невпроворот. То одно, то другое. Лес его зовет, а он отзывается... Небось, где-нибудь в чащобе колдует над какой-нибудь очередной душой, что в сухом дереве спит. На твоем месте я бы не тревожилась. Перед такой-то девушкой никто не устоит.

Алиса покраснела, как маков цвет, и, чтобы скрыть смущение, спросила первое, что пришло в голову:

— А он... он все время вчера говорил про мою кровь. Говорил, что я не случайно здесь оказалась, а из-за крови. Что это значит?

Лицо Любавы на миг стало непроницаемым. Она отхлебнула чаю, словно обдумывая ответ.

— Ну понятно же, — наконец произнесла она. — У нас с тобой кровь общая, бабушки и внучки. Вот она и проявляется в тебе. Сила наша родовая. Притяжение.

И вроде логично объяснила бабушка, но Алиса почуяла фальшь. Слишком уж гладко прозвучал этот ответ. Но спрашивать дальше она не стала. Если не хочет говорить — все равно ведь не скажет. «Ладно, сама разберусь», — решила Алиса.

— Сходи-ка, Лисонька, к тете Груне, — перевела тему Любава. — Отнеси ей баночку малинового варенья. Она вчера просила, а мне все недосуг.

Алиса обрадовалась поручению — это был невинный повод выйти из дома и... ну просто пройти мимо дома Владислава. Она поставила свою чашку, взяла варенье и вышла.

Деревня в послеобеденной дреме выглядела тихой и пустынной. Алиса зашла к Аграфене,

отдала варенье, немного поболтала о погоде и Зорькином молоке и заодно порасспросила о том каменном мостике, возле которого паслась корова. К которому она выскочила из морока камня-путевода.

— Нету там никакого моста, — удивилась Аграфена. — Ты через речку переплыла, да и все.

Алиса опешила.

— Как это нет?! Я же по нему перебежала на нашу сторону. Там Зорька еще паслась. На меня посмотрела. Кстати, вот ни капельки она тогда не испугалась…

Аграфена чуть склонила голову на бок, явно не веря.

— Да правда был мостик! — Начала горячиться Алиса. — Я не настолько сумасшедшая! Да и как бы я сухая пришла, если бы его не было?!

Тут она вспомнила, что Аграфена в родстве с рекой (ну, по крайней мере, с одной из русалок) и выпалила:

— Река мне свидетель!

Лицо Аграфены окаменело. Алиса решила, что сейчас будет что-то ужасное. Она явно перегнула палку. Нарушила какой-то этикет. Надо было думать, что говорить…

Но тень сошла с лица тети Груни, и она посмот-

рела на Алису, словно впервые ее видит.

— Мост был. Река тебе свидетель. Но, кроме тебя, никто его не видел. А я-то поначалу решила, что ты соврала… Что тебя этот медведь перевез…

От такой прямолинейности Алиса чуть не поперхнулась. Но лучше так, чем будут подозревать черти в чем. Лучше уж прямо и по-честному. Но «медведь перевез»?! Надо же такое придумать…

— А меня ж Зорька видела!

Аграфена с недоумением посмотрела на Алису:

— Она же корова.

«Ох, — подумала Алиса. — Везде мне волшебство мерещится. А бывает ведь, что корова — это просто корова…»

Но вслух сказала не это. Вспомнила про всадника на «барабанозвере» (как она тогда мысленно обозвала летающее существо с не пойми где головой и длинными суставчатыми лапами). И решила попытать счастья, вдруг Аграфена знает о нем больше, чем Влад?

24

— Отчего грустишь, милочка? — послышался сзади мелодичный женский голос.

Алиса вздрогнула и резко обернулась. Высокая стройная женщина в шали цвета слоновой кости и искусно расшитом платье стояла перед нею. Бледное лицо с тонкими чертами — казалось, жаркое летнее солнце не может прикоснуться к ней. Очень светлые, почти до прозрачности голубые глаза.

Алиса тут же вспомнила про бабку-манок. Но, во-первых, эта женщина была средних лет, а никак не бабка. А, во-вторых, они стояли в черте деревни, защищенной, как поняла Алиса, весьма основательно. Не случайно с манком они встретились за околицей.

Видать, чья-то гостья. Может, мама Владислава? Алиса пригляделась. Или даже старшая сестра? Но Люба ничего не говорила… Стоп! Какая мама, он ведь уже тридцать лет здесь живет, не меньше! Или он не один тогда приехал?

— Владик в лесу, — женщина сделала неопределенный жест рукой. — Может, я тебе чем-то

помогу?

Алиса почувствовала себя неловко. Ей точно чего-то не сказали. Что-то очень важное про эту деревню и ее жителей. Может быть, эта женщина — вовсе и не мать Владислава, и не старшая сестра, а… Ну а почему нет? Она, пожалуй, даже симпатичная… Мужчины любят не только огонь, но и лед, Алиса об этом читала.

— Я… спасибо, но… я вот про айретана хотела спросить… — выдавила она из себя последнее, что осталось в памяти.

— Айретан? — с пониманием кивнула женщина. — Пойдем, покажу.

Она запросто открыла калитку и провела Алису в светелку в доме Владислава. Оказалось, что с другой стороны ставни открыты. Солнце ярко освещало комнату. В глаза Алисе бросился небольшой вышитый коврик или, возможно, маленький гобелен, украшавший стену.

А на нем… В точности он! «Барабанозверь», а на нем — всадник. Кстати, интересно, кто же из них айретан? Вот точно такая парочка пролетала над Алисой на том лугу, где камень-путевод. Только на гобелене у всадника в руках что-то вроде длинной трубы. Видимо, в комплект к барабану, на котором он летит. Летучий оркестр. И еще —

маска на голове, словно птица с двумя клювами.

Вдруг изображение шевельнулось. Алиса отпрянула.

Да нет, показалось, вроде все неподвижно... Но она же сама видела! И теперь маска повернута вбок, а не смотрит прямо на нее, и виден еще один клюв — сзади. А свободная рука указывает куда-то вперед по направлению полета.

— Не бойся, голубушка, — со странной улыбкой на лице произнесла женщина. — Многие вещи только кажутся неживыми. А на деле они… вправду, не то, чтобы живые, но… живоподобные. Одушевленные.

Алиса немного успокоилась.

— Да, мне Люба говорила, что Влад делает… Да он мне табуретку в лесу сделал и подарил! Она сама домой пришла.

Женщина согласно кивнула.

— Да, Влад такое делает. И не только такое. Можно вплетать нити душеподобия в волокна древесины, замешивать глину душеобразия или ковать одушевленный металл…

Алиса решила попытаться успеть ухватить ответ, который ей так и не дали:

— А этот айретан… Он кто? Это всадник? Или эта… штука, на которой он летит? Они вообще

опасны? Один надо мной пролетел, знаете, там, за рекой, где камень-путевод. Просто пролетел, будто не заметил!

Женщина провела рукой по гобелену, и картинка вернулась в первоначальное положение.

— Больше интересно, куда он летел. Впервые за две тысячи лет.

Она немного помолчала. Алиса ждала продолжения.

— Айретан — это должность. Сейчас мало кто помнит. Мало кто знает. Ему по рангу положен жезл или вот эта штука. — Она кивнула на гобелен. — Они рождаются вместе. Пара — человек и его зверь. Или зверь и его человек. Оба полуразумны, но вместе — разумны весьма, поэтому стараются не разделяться.

Она отвернулась к окну, словно разглядывая солнечный луч на полу.

— А ведь он показал рукой на северо-восток, верно? — неожиданно спросила женщина.

Алиса не сразу поняла, но потом сообразила, что та о гобелене.

— Да, наверное…

Женщина кивнула.

— Ну, пойдем. Влад теперь нескоро вернется. Но теперь — вернется.

Алиса демонстративно пожала плечами, мол, ей все равно.

Они вышли, и тут Алиса сообразила, что так и не познакомилась с этой… родственницей Владислава.

— Ой, я забыла представиться! — схитрила Алиса. — Я Алиса, внучка Любавы.

Женщина посмотрела на нее долгим взглядом.

— Я знаю, — спокойно ответила она и представилась, — Ася. Заходи как-нибудь.

Прежде, чем Алиса успела что-то добавить, ее новая знакомая удалилась. Прошла по всей улице и свернула на тропинку в сторону леса. Туда, где гуляли вчера Алиса и Влад. Возможно, пошла его поискать? Или… Кто же она ему, все-таки?

Алиса стояла у калитки до тех пор, пока Ася не скрылась из виду. Заноза засела в ее сердце. Чем дольше они разговаривали с этой загадочной женщиной, тем моложе та ей казалась. И тем меньше верилось, что она приходится Владиславу кровной родственницей. А почему тогда она вот так спокойно зашла в его дом? А вот потому! Вот именно!

25

Во сне Алиса погрузилась в мир, почти начисто лишенный красок. И только один звук пребывал в нем — навязчивый, неприятный шорох, мерзкий шелест, доносящийся со всех сторон одновременно, словно пытающийся выскрести из головы мозг.

Она стояла в лесу. В древнем и глубоко больном лесу с черными, скрюченными деревьями, будто застывшими в предсмертной агонии. Их ветви, сплетаясь над головой в плотный полог, не пропускали ни лучика света. Здесь царили вечные сумерки. Влажный и холодный воздух был наполнен запахом тления, плесени и чего-то металлического.

Это было место из самых глубоких ночных кошмаров. Старые сухие ветки здесь не хрустели под ногами — они утопали в слое склизкого мха. Шаги получались тяжелыми, неуверенными и при этом совершенно бесшумными. Эта влага не хлюпала, не чавкала и не плескала, а покорно расступалась и каждый раз сходилась вновь, не оставляя следов.

Алиса шла, сама не зная куда, ведомая внутренним компасом — тревогой, затаившейся под сердцем. А этот шорох… Этот достающий шорох… Этот чертов шелест! Он был повсюду. Будто тысячи невидимых лапок перебирают сухие листья. Будто что-то огромное и неспешное скребется о кору. Будто тени, обретшие плоть, шепчутся за спиной.

Заткнув уши, Алиса пробиралась по ужасному лесу.

И вот она увидела его — Владислав! Он висел в центре небольшой поляны, опутанный с ног до головы липкими тугими нитями, напоминавшими то ли сплетение корней, то ли толстенную паутину. Нити впивались в его кожу, оставляя темные следы, стягивали руки за спиной, перехватывали горло.

Его глаза, обычно такие живые и яркие, были закрыты, а лицо — мертвенно бледно. Он не двигался. Лишь грудь его едва заметно поднималась, доказывая, что он еще жив.

А вокруг Влада в воздухе что-то мельтешило. Не было видно четких форм, только тени — быстрые и наверняка опасные. В них то вспыхивали крошечные, кислотно-зеленые точки, то мелькали тонкие, как лезвие, конечности. То вдруг

проступала искаженная, несуразная полупрозрачная фигура немыслимого существа или даже клубка существ, на секунду остановивших свою безумную пляску. Едва уловимая пауза — и вот оно опять срывалось с места, и все повторялось снова.

Это «что-то» суетливо и жадно обшаривало пространство вокруг пленника, подбираясь все ближе, но не решаясь прикоснуться к нему напрямую. Казалось, этой сущностью движет вовсе не чувство голода, и не злоба, но нечто не менее пугающее — холодное, неумолимое любопытство. Словно Влад — редкое насекомое, пришпиленное булавкой к коллекционному стенду. Редкое, еще живое и, возможно, все еще способное ужалить. Насекомое, которое очень хочется препарировать…

— Влад! — попыталась крикнуть Алиса, но из горла вырвался лишь едва различимый шепот.

Однако он услышал. Его веки дрогнули, с огромным трудом приоткрылись. Его взгляд был мутным, но устремленным прямо на нее. В его глазах читалась бесконечная усталость и боль. А еще — в них затеплилась надежда.

И в этот миг одна из теней, самая дерзкая, резко метнулась к его лицу…

Алиса проснулась в холодном поту. Резко, с судорожным вздохом, будто вынырнув из проруби. Сердце выдавало ударов двести в минуту, тело сотрясала крупная дрожь.

Она лежала, уставившись в темноту потолка, пытаясь отдышаться, вытеснить из сознания остатки кошмара. Пальцы сами нашли под подушкой гладкий, отполированный деревянный сучок — оберег, подаренный Владиславом. Она сжала его так, что он впился в ладонь.

— Ну вот, — прошептала она в темноту. — А обещал, что сны плохие отгонит. Где же твои чудеса, Владисло-мастер?! Не вышел деревянный цветочек?

Горькие мысли приходили одна за другой, отравляя душу. И тут ее прорвало. В одиночестве, в ночной тишине и темноте, Алиса позволила себе ту роскошь, которую запрещала днем и которой вообще старалась избегать — откровенно, зло поныть.

Как он мог не прийти?! Она же так ждала! А наобещал-то… Нет, хуже того — он вообще ничего не обещал! Ну не скотина ли?! Зато смотрел так, будто она ему уже принадлежит… Высокомерный урод! Поведет он ее в Дальний лес… покажет древние деревья и камни, о которых не прочитаешь

в книгах… Бла-бла-бла — и ничего конкретного. Пикапер хренов! Дал ей понять, что она ему не просто интересна, что она — особенная. И она, дура, повелась, поверила этому… этому многообещающему обмену взглядами и сигналами, за которыми не оказалось ничего. Пшик! Он просто бросил ее! Унизил. Разозлил. А она, между прочим, целый день его ждала!

Алиса отшвырнула полированный сучок в сторону. С сухим треском он стукнулся о стену, потом — об пол. А Алиса продолжала мысленно неистовствовать.

Сдулся Владик! Взял и растворился. Ушел в свою «закваску». Что это вообще значит? Квасить пошел?! У нормальных людей это называется «ушел в запой». Сидит где-нибудь типа «в гараже с мужиками», как сосед дядя Сережа из ее старого дома… Или вообще — валяется один в своей мастерской под горой стружек, а то и в лесу под кустом, пьяный в стельку. А как проспится — повырезает свои фигурки, и снова бухать. А потом белку ловит. А она тут мучается, переживает, кошмары смотрит в бесплатном кинотеатре сновидений. О, да! Сегодня ночью они вместе сходили в кино, на премьеру про Владика в паутине! Придурок. И сучок его придурошный, амулет, тоже мне — не

помогает ни от чего. Сплошное вранье!

В сердцах она ударила обеими руками по матрасу. Горечь обиды была настолько велика, что горячие слезы сами хлынули из глаз. Хотелось, как в детстве, повалиться на спину на пол, колотить пятками и орать! Но Алиса, прорыдавшись, взяла себя в руки. Злость стала холодной. И такой же будет ее месть!

26

Утро начиналось как обычно — с запаха свежеиспеченного хлеба, травяного чая и неспешных разговоров с Любой за кухонным столом. Бабушка спросила, хорошо ли внучке спалось, и Алиса, отведя взгляд, соврала, что нормально. Говорить о кошмаре не хотелось.

Они как раз допивали чай, когда Любава, глянув в окошко, оживилась.

— Надо же, — произнесла она с удивлением. — Кто к нам пожаловал…

Она отставила чашку и направилась к двери. Алиса, не раздумывая, пошла за ней.

— А ты куда? — строго спросила Любава, обернувшись на пороге. — Там — чужие!

Она определенно собиралась оставить Алису дома. Как ребенка, не умеющего себя вести? Наверное, да, в наказание за непослушание. Надо ж было клюнуть на бабку-манок… И в реке чуть не утопла, и в ловушке едва не сгинула, и медведь мог задрать, и саркас чудом испугался — а если б душу высосал?

Алиса потупилась, чувствуя себя провинив-

шейся школьницей, но не отступила. Любава вздохнула и взгляд ее смягчился.

— Ну, что ж, пойдем, поглядишь на них, — разрешила она. В ее голос вернулось привычное тепло.

Они вышли на улицу. Алиса с независимым видом оглядела собравшихся, ища среди них высокую фигуру Владислава. Но его не было. Вместо него на прогоне стояли два незнакомых мужчины.

Один — высокий и сухопарый, с глазами, выцветшими до цвета спитого чая, и с седыми, коротко подстриженными волосами. Его обветренное лицо загорело почти дочерна. Другой — помоложе, коренастый, с темными глазами, беспокойно бегавшими по сторонам. Оба были в простой одежде из плотной ткани и с дорожными котомками за спиной.

Из деревенских к ним вышли Трофим и Аграфена. Она стояла чуть поодаль с невозмутимым видом, а он внимательно слушал пришельцев. Алиса уловила лишь обрывок их разговора.

— …не поймешь, что оно, — говорил старший из гостей, его голос звучал устало. — То тишина стоит гробовая, будто все вымерло. То, наоборот, такое начинается… пошевеление какое-то… Будто

сама земля дышит. Вздымается так немного, едва заметно вспучивается — и опадает. А уж сны…

— Сны плохие, — подхватил младший. — И скотина в беспокойстве. А еще трава черными пятнами пошла, да деревья чахнут за ночь. Вон у Кузьмича грушовка заболела, два дерева гнилью этой покрылись и сгинули. Он порубил их, конечно, как же не порубить, и сжег — дальше, чтобы, значит, не пошло… И Севастьянна тогда на сад сохран наложила, чтоб больше не болели. Видать, помогло.

Аграфена фыркнула:

— Где ж дерева-то ваши сохранные? Порубить-то ума не надо. А вырастить-то как?

Трофим покачал головой, не соглашаясь, и опередил гостей с ответом:

— Ты, Грунь, быстра на расправу-то. А помнишь, что там вытворялось? Как же им было быть-то? Тока рубить…

— Заговаривать надо было! К корням припасть, да и заговаривать! Но все ж о себе думают, всем же себя жальче! Панкратовы вон тоже… — начала в запале Аграфена и тут же осеклась, заметив подошедших Любаву и Алису. Закончила уже иным тоном. — Два ведь всего осталось у них на всю деревню, как же справиться?!

Мужики одновременно глубоко вздохнули. Похоже, дела у них действительно были плохи.

— А о чем это она? — шепнула Алиса бабушке.

— О древах деревенских, о стражах, хозяевах земли тутошней, — вполголоса ответила ей Люба. — Порубили их залесские, всего два осталось, дуб да вяз. Там дела-то, конечно, были непростые. Но можно было и не рубить. А теперь, вишь, гниль эта черная… Дерева бы не допустили.

— А чего ж тогда порубили? — прошептала Алиса.

— А никто не захотел себя корням предать, — пожала плечами ее бабушка. — А как еще стража утихомирить, уговорить да упросить? Это ж, как всегда, ты — им, они — тебе. Как вот с рекой тогда…

Тот гость, что постарше, кашлянул в кулак, привлекая к себе внимание уважаемого собрания.

— Нам бы вот что… Мы что просить-то хотели… Нам бы медку. И Владу бы нас проведать…

— Да, — подхватил младший, — Владислава бы попросить к нам. Он-то, пожалуй, сможет…

— Разобраться бы нам. А то видим вот все это, и ни тронуть не можем, ни постичь. Он-то в корень зрит, а может и выправить… — закончил старший. И оба почему-то вопросительно посмотрели

на Трофима.

— Да медок-то я нагнал, чего ж не дать… — тут же отозвался Трофим. — Помажете по язвам, все снимет, не возьмет ни гниль, ни какая иная проказа. Сны излечите, скотину уймете. А вот что до землицы да до мест, куда вам не добраться, тута вам без Влада никак. Тока я ж не ведаю, где он. В тот-то раз да, оно конечно, мы вместе ходили, но сейчас-то он один того-этого…

Трофим с сожалением развел руками.

— Эх, не можем мы ждать… — огорченно вымолвил старший из гостей. — Нам бы в ночь уже выйти. А, мож, найти его как-то? Указание на него получить какое?

Он вопросительно посмотрел на Аграфену, потом перевел взгляд на Любаву. Та отрицательно качнула головой.

— Не ведаем мы, Володя. Не сыскать его в закваске. Он же как растворяется, так и будто нет его.

— Мож, к Василисе сходим?

Любава поморщилась, как от кислого лимона. А ответила Аграфена:

27

Любава резко развернулась и быстрым шагом направилась к дому Трофима. Алиса, едва поспевая, бежала за ней, чувствуя одновременно тревогу и надежду.

Они не успели пройти и половины пути, как из тени раскидистой липы, словно из самой сумеречной материи, возникла Василиса. Она замерла неподвижно, ее бледное лицо застыло ничего не выражающей маской. Бесстрастный взгляд скользнул сначала по Любаве, затем по Алисе.

Люба, не сбавляя шага, сверкнула глазами в ответ. Если бы эмоции воплотились в электричество, вышла бы ослепительная молния. Но Василису это, казалось, лишь позабавило. Уголки ее губ дрогнули в легкой улыбке.

— Не забывай, Алиса, — прозвучал ее тихий, мелодичный голос. — Заходи, когда надумаешь. Приглашение мое в силе.

У Алисы внутри что-то екнуло. Волшебная ткачиха, прядильщица нитей судьбы, пугала ее до полусмерти. А уж чудовищная расплата за ее помощь… И что опаснее: принять это приглашение

или отказаться?

Но возможно именно сейчас, в момент отчаяния, Василиса — единственный ключ к спасению Владислава! Вдруг она — шанс, который нельзя игнорировать? Девушка уже открыла было рот, чтобы что-то сказать, может быть, даже попросить, но Любава с силой вцепилась в ее руку выше локтя, заставив вздрогнуть от боли.

— Ни слова! — прошипела она. — Дай ей уйти. Не ввязывайся в ее игры.

Любава повернула голову и метнула в ткачиху такой гневный, обжигающий взгляд, что Алиса внутренне съежилась. Она и не подозревала, что ее добрая, мудрая бабушка может так открыто, почти по-звериному, сердиться.

«Круто агрится бабуля», — с некоторым даже уважением подумала внучка.

Василиса же лишь улыбнулась этому взгляду чуть шире, словно получила именно ту реакцию, на которую и рассчитывала, плавно развернулась и неспешно удалилась. Алиса смотрела ей вслед со смешанным чувством досады и любопытства.

На залитом солнцем дворе пахло дымом, воском и, конечно, медом. Гости из Залесья уже ушли, унеся с собой целебные дары пасечника. Но он не оставался в одиночестве. Посреди двора Трофим

и Аграфена опять о чем-то горячо спорили.

— Говорю же, надо с ними поговорить! — настаивала Аграфена. Ее обычно спокойный голос звучал упрямо и резко. Она стояла, подбоченясь, и взгляд ее был устремлен куда-то вдаль, за реку. — Надо говорить с потусторонними. Сам видишь, тучи сгущаются. А если не только с нашей стороны? Может, им тоже чего известно? Если это как тот пожар, им-то придется хуже. Если беда общая, то и отпор должен быть общим.

— Общий с этими? — Трофим скептически хмыкнул, снимая картуз и вытирая пот со лба. — Это что с волком сено жевать. Не заметишь, как тебя сожрет. Одни хитрости да капканы у ейного брата на уме. Только пакостить горазды.

— Не все, — парировала Аграфена. — Есть и те, с кем можно. Сам же знаешь. Я их позову. И не пойду глубже, чем надо. Не отойду от воды.

Алиса решила, что речь снова идет о ком-то с того берега. Но Трофим, в отличие от прошлого раза, не взорвался. Он лишь тяжело вздохнул и потер переносицу.

— Делай, что знаешь, — пробурчал пасечник, вроде бы и не соглашаясь, но уже и не сопротивляясь.

— Мне нужен мед болотника, — выдала Агра-

фена, глядя на него прямо.

Трофим махнул рукой, будто отгонял назойливую муху.

— Будет тебе мед, — буркнул он и уже повернулся к своему дому, но заметил Любаву с Алисой.

— Влад в беде, — заявила Любава без предисловий. Эти слова повисли в воздухе, заставив Трофима и Аграфену замереть. — Серьезной.

Она быстро и сжато пересказала кошмар Алисы, а затем и вещие слова Марии Степановны. Алиса, слушая, снова ощутила леденящий холод того леса и беспомощность в глазах Владислава.

Трофим почесал затылок, Аграфена нахмурилась еще сильнее.

— Ущелье Молчащих Сосен… Древняк… — пробормотал пчеловод. — Не слыхал я про такое. Влад, бывалочи, рассказывал про всякие древние деревья в дальних урочищах, но названий не упоминал.

— А где это может быть? — спросила Любава. — Где искать-то?

И тут Алиса, робко подняв глаза, вставила:

— Может… на северо-востоке?

Все взгляды устремились на нее.

— Почему? — с недоумением спросила Любава.

— Айретан на гобелене у Василисы… он указал

нам на северо-восток. И она тогда сказала, что Влад теперь вернется. Подчеркнула «теперь». После этого айретана. Может, она не случайно? Потому что он мне показал? А еще… — Алиса замялась, боясь выглядеть глупой, но потом решительно продолжила, — еще тот маленький человечек, цветочный эльф, или кто он там… да-да, которые бывают только в сказках и все такое… он сегодня пытался меня позвать куда-то. Но я ж их не понимаю! Звенит-звенит, вроде слова слышу, но разобрать не могу. И он в ту же сторону полетел, будто показывал дорогу. На северо-восток.

Алиса думала, что ее будут ругать, а то и посмеются над ней. Но, как ни странно, к ее информации отнеслись серьезно. Видать, Василиса слов на ветер не бросает. И не такие уж волшебные и несуществующие эти цветочные эльфы.

Любава кивнула, тетя Груня глубоко задумалась, а Трофим ахнул и хлопнул себя по лбу.

28

План действий выработали быстро. Простой и очевидный, а потому — надежный.

Аграфена попытается выйти на контакт с наименее враждебными из древних сил. Обсудит с ними надвигающуюся угрозу и узнает, что творится в их владениях. И сделает это осторожно, не отходя от реки. Чтобы вода помогла, случись что.

Трофим, в свою очередь, снарядит Любаву. Даст ей особого, «указующего» меда. В него на время опустят деревянный оберег — подарок Владислава. Мед даст амулету силу тянуться в сторону хозяина, как стрелка компаса тянется к магниту. Если ничего не помешает, он укажет направление. Только непонятно, с какого расстояния. Тут пасечник гарантий не дает.

Но зато он даст меда целебного, восстанавливающего силы. А еще сонного, если надо кого усыпить или самим уснуть. И сокрытного, чтобы стать незаметным и для зверя, и для колдуна. И еще всякого разного. И даже немного «боевого» — на случай столкновения с чем-то серьезным. Но этого — только четыре малюсеньких горшочка.

Больше, мол, нету, это все, что скопил за годы.

«Взрывается он, что ли, мед этот боевой? — удивилась про себя Алиса. — Или отравляет?»

Сам Трофим идти отказался наотрез: силы уже не те, да и пчел бросать нельзя, на кого их оставишь? И в деревне всегда должен быть кто-то трезвомыслящий и опытный. В общем, не пойдет Трофим.

— На поиски пойду я, — твердо заявила Любава. — Одной сподручнее.

— Это почему это?! — вырвалось у Алисы, совершенно уверенной в своем участии. — Вдвоем пойдем!

— Ты не пойдешь, — отрезала Любава, и в ее тон не оставлял места для возражений. — Будешь в деревне. И точка. Места тебе незнакомы, опасности — тоже. Придется за тобой следить, тебя охранять. Разве это помощь? Или ты волшебством владеешь? Или драться умеешь? Видишь скрытые вещи, не попадаешься на наваждения? Владеешь собой? Хотя бы тихо по лесу ходить умеешь? Ты всему только учишься, внученька, рано тебе. Станешь еще великой колдуньей, чует мое сердце, станешь. Но только если доживешь. Сиди тут и жди.

Эти слова обожгли Алису как раскаленное же-

лезо. Обида, отчаяние и возмущение поднялись в ней горячей волной.

— Но это же я видела сон! Это мой оберег! Я не могу просто сидеть и ждать! Он мне… он… — она запнулась, не в силах выговорить то смутное чувство, что связывало ее с пропавшим мастером.

Однако ее протесты разбились о каменную стену непреклонности старожилов деревни. Ее бабушка была неумолима. Трофим смотрел сочувственно и молчал. Аграфена качала головой. Алиса уже почти перешла на крик, но тут Любава, желая прекратить спор, сурово предупредила:

— Будешь буянить — обездвижим силой. Сейчас не до твоего юного сумасбродства.

Алиса замолчала, опустив голову. Ну конечно, что им стоит набормотать свои «крибле-крабле», и «бумс» — окажется бедная студентка на травке парализованная. А то еще и память отберут…

Алиса решила принять самый покорный и несчастный вид из всех возможных. Типа эта лиса совсем не хочет в курятник, что вы, даже не помышляет! Но внутри нее все кипело. Она притворилась, что сдалась, а сама уже строила в голове наивные, отчаянные, чисто девичьи планы. Проследить за Любавой тайком! Подождать, пока та уйдет, и пойти по следу! Может,

попросить помощи у того же цветочного эльфа? Или у Котофея? Глупо, отчаянно, но сидеть сложа руки она не могла.

К тете Асе! Вот кто точно не подчинится бабушкиной диктатуре, так это Василиса! Но это — в крайнем случае. Может, еще удастся уломать бабушку. Бывает же, упрется человек, а отойдет — и передумает.

На ночь Трофим предложил всем принять по ложке «благого» меда — особого сбора с успокаивающих трав, дарящего глубокий, безмятежный сон и ясность ума наутро. Алиса, нехотя проглотив светло-янтарную, ароматную сладость, почти мгновенно погрузилась в глубокий сон без сновидений.

Утро было ясным и прохладным. Сон восстановил ее силы, но не притупил решимости.

Они снова собрались у Трофима. Пасечник вручил Любаве несколько небольших, плотно закупоренных горшочков из темной глины, каждый с особым знаком на крышке.

— Этот указующий, — он ткнул пальцем в один из них. — А эти — для лечения ран и восстановления сил. Эти — для охраны разума и тела. Эти — чтобы стать быстрее и сильнее, проворнее и сообразительнее. Но только сразу после них по-

ешьте вон из тех, с восстановлением, а не то быть беде! Они ведь силу-то собирают на короткое время из других времен, и в других ее не остается.

Любава с пониманием кивнула. Алиса с интересом слушала.

— А эти… — он потыкал пальцем в самые маленькие, «боевые», — на крайний случай. Не тратьте понапрасну. Там нектар воплотителя-разрушителя, очень редкая такая лиана… Да на что вам то знать… Вам вот что знать надо. Сей мед не ешьте, он не как другие. Вы его разлейте, где надо влиять, и всподымите его, наярьте да натравите.

Любава снова кивнула с пониманием. Алиса хотела порасспрашивать подробнее, но та ее опередила:

— Давай оберег.

Алиса с замиранием сердца достала нагретый ее телом деревянный сучок. Теперь она должна была сама вложить его в горшок с указующим медом, чтобы тот зарядился и мог лучше ловить связь с Владом, своим создателем.

Алиса бережно опустила оберег в липкую янтарную массу. Погрузила, утопила палочкой на самое дно. Трофим закрыл крышку. Но едва он сделал это, как случилось невероятное. Деревяш-

ка выпрыгнула из горшка, пролетев сквозь его глиняную стенку, словно та была воздухом, и с негромким стуком упала к ногам Алисы.

29

Началась спешная подготовка. Алисе выдали походную одежду и легкий рюкзак из холстины, куда сложили часть припасов. Любава наставляла ее на ходу, объясняя, как вести себя в лесу, что трогать можно, а что — ни в коем случае нельзя, на какие звуки и знаки как реагировать. Главная суть наставлений, впрочем, могла бы выразиться фразой: «держись позади меня, я разберусь».

И вот, когда они уже были почти готовы тронуться в путь, на краю улицы вновь появилась Василиса. Она остановилась в отдалении и долго смотрела на них. Казалось, она просто ждала. Потом, не спеша, развернулась и пошла в сторону своего дома.

Алиса вдруг ощутила неудержимый порыв. Не думая о последствиях, не глядя на Любаву, она рванулась с места и побежала за ткачихой судеб.

— Тетя Ася! Подождите!

Удивительно, но Любава не окликнула ее и не попыталась остановить. Она лишь проводила внучку взглядом, полным тревоги, и прошептала какие-то слова: то ли молитвы, то ли заговора, то

ли просто сказала что-то сама себе.

Алиса, запыхавшись, подбежала к высокому, со стрельчатыми окнами, дому Василисы. Дверь была приоткрыта. Девушка робко вошла внутрь.

Покои ткачихи оказались не такими, как ожидала Алиса. Это была одна большая комната, но пространство в ней обманывало взгляд: оно словно растягивалось вглубь и вширь, а если сделаешь пару шагов — растягивалось еще дальше. Не зная, как поступить, Алиса пошла по наитию, доверяя своему чутью.

В прохладной глубине дома отчетливо пахло старым деревом, сухими травами и чем-то еще — то ли пылью веков, то ли красками. Повсюду стояли ткацкие станки — и вроде как современные, и старые, и даже архаичные. А какие-то, пожалуй, больше походили на орудия пыток (Алиса не очень себе представляла все разнообразие ткацких станков, но едва ли они должны выглядеть настолько… угрожающими).

На многие из них были натянуты полотна, а на некоторые словно бы кожа… Хотя разве кожу — ткут? И Алисе показалось, что узоры на них шевелятся, переливаются.

Вот тебе и «сделала себе ткацкий станок». Или Любава говорила о каком-то одном, конкретном?

Может быть, здесь их для того столько, чтобы помешать непрошенному гостю найти нужный?

Хо-хо, непрошеный гость в доме Василисы… Это кто бы, интересно, осмелился? Какой-нибудь залетный дракон? Алиса хмыкнула про себя и решила, что дракону тоже стоило бы хорошенько подумать прежде, чем связываться с судьбой.

Стены вокруг были увешаны готовыми гобеленами. И как только Алиса начала к ним присматриваться, стен сразу оказалось как-то слишком много для одной, пусть даже огромной, комнаты. Куда же попала Алиса? В картинную галерею? На выставку ковров?

На одних гобеленах были вытканы знакомые пейзажи — река, лес, деревня — но в странных, искаженных ракурсах. На других — существа, которых она видела или о которых слышала: злотницы, шушунчики, и даже саркас, извивающийся в черной грязи. Были и совершенно незнакомые образы — города из света и тени, летающие острова, лики невероятных существ, вроде бы человеческие, но несущие в себе отпечаток безмерной силы и печали — возможно, это давно умершие боги?

В стороне, в открытом массивном сундуке, лежали клубки ниток всех цветов радуги, и неко-

торые из них светились изнутри собственным, призрачным светом. А вон и еще один сундук… И еще один… Да можно заблудиться среди этих сундуков!

Алиса попыталась применить свой первый прием истинного зрения, «сдвинуть невидимое покрывало», но тут же у нее в глазах зарябило и все поплыло, начало выкручиваться, стаскивая разум — в безумие. Она немедленно оставила эти попытки и увидела Василису. Тетя Ася стояла у одного из станков, ее тонкие пальцы перебирали темную, почти черную нить.

— Ну вот, — произнесла она, не поворачиваясь. — Все-таки пришла.

— Я… я не за помощью, — поспешно начала Алиса, вспомнив предупреждения бабушки. — Просто… вы звали.

— Я всегда зову, когда зовется, — ответила Василиса и, наконец, повернулась к ней. Ее лицо было спокойным. — Ты идешь за ним.

Это было не вопрос, а утверждение. Алиса кивнула.

— И боишься. И правильно боишься. Ноша не по плечу.

Снова кивок. Алиса вся обратилась во внимание, но при этом была готова в любой момент

сорваться и бежать куда глаза глядят.

Василиса подошла к стене, сняла небольшой, размером с ладонь, кусок ткани. Этот лоскут нес на себе сложный узор, сотканный переплетением серых, зеленых и коричневых нитей, с редким вкраплением красного, желтого и, в паре мест — голубого. Смысл рисунка не угадывался. И это не орнамент, нет повторяющихся фрагментов. Это выглядело как бессмысленное наслоение… Да это же карта леса! Вдруг узрела Алиса. Или не совсем леса… Но карта, точно, карта! Или не совсем карта…

— Держи, — ткачиха протянула ей лоскут. — Не оберег, не волшебство, а так... Баловство тетушки. Поглядывай на него и помни: лес любит слушать, а не кричать. Стоять, а не бежать. Иногда, чтобы найти дорогу, нужно сначала потерять ее. И не забывай — то, что кажется ловушкой, может быть дверью, а не только наоборот. То, что кажется концом — может стать началом.

Алиса взяла карту. Та была шершавой на ощупь, как самая грубая ткань.

— Спасибо, — прошептала она. И, решившись, спросила: — А вы… вы ничего не попросите взамен? Частичку души? Память? Обещание?

30

Вопреки ожиданиям Алисы, Любава не повела их окольной тропой, вдоль опушки Ближнего леса. Вместо этого она решительно направилась к стене подсолнухов, что высились за околицей подобно тыну.

Этот край деревни чуть возвышалась над полем, так что отсюда было видно далеко. Казалось, до бесконечности впереди разлилось золотое море. Огромные цветы, тяжелые от семян, стояли недвижно. Их темные сердцевины казались множеством слепых глаз, устремленных в небо. Алиса невольно замедлила шаг, ощущая на себе безмолвное внимание. На этот раз что-то изменилось. Она не чувствовала подобного раньше, когда проходила через это поле.

«Они спали… — поняла Алиса. — Все это время спали. Даже когда бабка-манок обманом пыталась меня утопить. А теперь проснулись. Что же их разбудило?»

— Не бойся, — сказала Любава, будто угадав ее мысли. — Это наши друзья.

Она спустилась с возвышенного места и подо-

шла вплотную к стеблям, толстым, как молодые деревца. Склонила один из них к себе и, возложив ладонь прямо на середку, на зреющие семечки, что-то прошептала. Шепот разбежался по полю шелестом сухих листьев, жужжанием пчел, негромким перезвоном — то ли звуком, рождающим ветер, то ли ветром, рождающим звук.

И случилось чудо! Желтоголовые гиганты зашевелились и, с мягким шорохом, похожим на вздох, раздвинулись, образуя узкий проход — тропу, ведущую на северо-восток.

— Так короче, — пояснила Любава. — И безопаснее. Ни одна недобрая сущность не преодолеет это поле, не будучи приглашенной, не получив сперва позволения. А позволения не будет!

С этими словами она ступила на тропу. Алиса, чуть помедлив, последовала за ней.

Они шли по узкой тропинке, а по обе стороны от них вздымались желтоволосые великаны, намного выше человеческого роста. Их шляпки почти смыкались над головой Алисы, создавая иллюзию тоннеля. Воздух в этом тоннеле был сладковатым и пыльным, он пах (или это лишь казалось Алисе?) жареными семечками, нагретой землей и чем-то еще — возможно, древней силой.

Золотистый свет, пробиваясь сквозь заросли, дробился на тысячи лучей. Множество пылинок, поначалу замерших в неподвижном воздухе, бросалось в пляс от движений бабушки и внучки. Стояла оглушительная тишина, нарушаемая только их шагами и громким стуком собственного сердца в ушах Алисы.

Довольно быстро она заметила, что приходится приложить немало усилий к тому, чтобы мельтешение света не сводило с ума. Возможно, это одна из форм защиты? Причина, по которой враждебно настроенным существам не удается преодолеть поле? Но она-то не враждебно настроена! Зачем ее-то мучить?!

Алиса сообразила, что намного легче идти, если не сводить глаз с бабушкиной спины. Лишь иногда осмеливалась она метнуть взгляд вперед по направлению движения или оглянуться. За спиной подсолнухи моментально смыкались и тропа исчезала.

То и дело ей казалось, что впереди, вдалеке, по ходу движения, что-то мелькает. Какой-то силуэт, темный и невысокий. Она напрягала зрение, пытаясь разглядеть, но тщетно — видение ускользало, как мираж. Это встревожило Алису. Она даже хотела предупредить Любу, но решила,

что уж та-то сама видит, что перед нею. А, может быть, там и нет ничего? Играет светотень с ее уставшими глазами и разумом?

А они все шли и шли, шли и шли. Алиса, не привыкшая к походам, давно перестала отмечать время. Оно слилось в один бесконечно длящийся промежуток, состоящий из однообразных шагов: левой и правой, левой и правой…

Поле, которое при взгляде со стороны деревни казалось большим, но все же обозримым, изнутри ощущалось необъятным. То ли время здесь текло иначе, растягивалось, как горячая ириска, то ли пространство делилось каждым шагом надвое, не позволяя путникам достичь края поля (как Ахиллесу никогда не суждено догнать черепаху).

Ноги начали ныть, а сознание затуманилось от монотонности и мельтешения света. Алиса уже подумывала, что они заблудились в этом волшебном лабиринте солнечных лучей, потерялись на единственной прямолинейной тропе, как вдруг впереди завиднелось что-то голубое. Выход из бесконечного тоннеля, небо!

Когда они, наконец, выбрались к лесу, Алиса обернулась. Поле подсолнухов стояло сомкнутой стеной, непроницаемой и безмолвной. Будто бабушка и внучка только что не прошли его

насквозь.

И тут ее взгляд упал на опушку. Там, стуча хвостом по земле и преданно смотря на них умными карими глазами, сидел Филимон. Лохматый пес-дворняга, частый гость Любавы.

— Так вот кто впереди нас все время крался! — воскликнула Алиса, и сердце ее радостно екнуло при виде знакомой морды. Любава улыбнулась.

— Он нас сторожит. Проводил вот. Филенька, где же твоя палочка?

Пес, словно поняв ее, фыркнул, шмыгнул в кусты. Через мгновение он вынырнул обратно, гордо неся в зубах основательно обгрызенную палку. Алиса не была уверена, что это та самая, с которой он играл в саду, но вид у нее был самый что ни на есть любимый и заслуженный.

Люба потрепала пса за ушами, и он, виляя хвостом, припустил вперед, явно намереваясь сопровождать их и дальше. Но усталые ноги людей просили отдыха. Путешественницы присели на травку чтобы немного перекусить и восстановить силы. Эта идея пришлась Филимону по вкусу и, конечно, ему перепало несколько кусков — никто не в силах отказать просьбе в собачьих глазах.

Мед решили пока поберечь. До особых случаев. Надеясь, что их не представится.

31

Начало путешествия по Дальнему лесу совершенно неожиданно оказалось приятной прогулкой. Светлая просторная дубрава, наполненная солнцем — восхитительное творение естественной архитектуры. Внучка и бабушка шли, наслаждаясь этим храмом природы, и занимали себя неспешной беседой.

Любава продолжила рассказ о подсолнухах:

— Поле это выросло сразу после великой засухи. Мы с ним одногодки. Его породил волшебный дождь, что пришел по просьбе моей матушки, твоей прабабки. Видать потому оно меня и слушает внимательней, чем других.

— А меня оно тоже послушается? — Тут же предположила Алиса. — Ведь я твоя внучка, во мне кровь Алены…

Люба скользнула по ней удивленным взглядом.

«Ой, черт! — сообразила Алиса. — Запалилась… Она ж не говорила, как зовут ее мать!»

Но бабушка как ни в чем не бывало ответила:

— Может, и послушает. Но ни за что не послу-

шается. Говорю тебе, повторяю, а ты все никак не усвоишь — мы тут не хозяева, а просители. Поуговаривать можем, обмен предложить, умолять, а приказывать — так у нас не заведено. Да и поди-ка ты им прикажи…

Любава неодобрительно покачала головой.

— Вон залесские доприказывались. Возомнили себя владыками. И что у них вышло? Хранителей обидели, стражей своих древних оскорбили, да потом вместо того, чтобы прощение вымаливать да за дурь свою расплачиваться, взяли да порубили дерева!

Любава сделала жест, который Алиса, если бы все еще жила в городе, назвала «рука-лицо».

— А поле-то наше золотое, — вернулась бабушка к прежней теме, и в голосе прозвучала искренняя благодарность и гордость, — оно ведь не только красота да урожай. Оно нам и как живой щит. Могучий щит. Деревня-то наша, почитай, островок надежности в мире непостоянства и метания сил. В ней и вблизи ее природные формы устойчивы, звери и растения не агрессивны, злые намерения отталкиваются или угасают…

Она вдруг прервалась на полуслове и, схватив Алису за запястье, увлекла ее за собой к толстенному дубовому стволу. Филя выскочил откуда-то,

приник к их ногам и тихонько заскулил, поджав хвост.

Люба быстро порылась в своей котомке и достала горшочек с медом. Глянула на знак и вскрыла, размотав крышку.

— На-ка, вкуси, — громким шепотом приказала она внучке, и сунула той в руку деревянную ложку, — да поскорее! Две ложки.

— А с чем он? — Алиса растерялась.

— Ешь давай! И замри.

Алиса подчинилась. Вкус у этого меда был, мягко говоря, не сахар, а говоря прямо — горькая полынь. Насилу проглотила.

— Запить бы чем, — прошептала она, возвращая бабушке горшок и ложку.

— Замри, сказала! — цыкнула на нее Люба и сама проглотила две ложки меда. — И молчи!

Пес смотрел на них снизу-вверх. Тоже, что ли, хочет медку Трофимова отведать?

— Твое время, Филя. Выручай нас! — Люба погладила пса по голове.

А он словно того ждал. С рычанием и громким лаем, задрав хвост, ринулся куда-то, отбежал метров на полста, взвизгнул, и уже совсем с другим, перепуганным лаем понесся мимо них в обратную сторону. Будто хотел предупредить кого-то,

кто идет далеко позади, о страшной опасности. Поднять тревогу. Неужто медведь?!

Алиса невольно вздрогнула. И тут же мысленно обругала себя за это: ведь нужно затаиться. Она замерла и старалась дышать как можно тише и ровнее. Но мысли-то не остановишь… А что, если это тот самый медведь? Слуга колдуна или сам колдун, обернувшийся медведем, или медведолак, то есть медвежий оборотень по своей природе? Вдруг он теперь ее выслеживает?

Алиса ощутила приступ паники и отчаянно пыталась ей не поддаться. Она беспомощно посмотрела на Любаву, и та медленно, словно опасаясь лишний раз колыхнуть воздух, взяла руку внучки в свою. Тут же горячая волна пробежала по телу Алисы, сжигая страх и неуверенность. Кем бы ни был этот зверь, он их не найдет. А если найдет, они ему покажут!

Что конкретно они могут показать огромному медведю, да еще и колдуну, она не думала. Да и не надо об этом думать в такие моменты. Ведь нужна уверенность, чтобы не поддаться страху, только-то и всего. Чтобы отсидеться незамеченными.

И тут земля под их ногами мелко задрожала. С дуба сорвался желудь и довольно ощутимо стукнул Алису в плечо.

А еще через несколько секунд мимо них на приличной скорости, подпрыгивая на ходу, пронеслись четыре огромных колючих шара — каждый диаметром с человека. Быстро прокатились и покатили дальше… Но только три из них! Четвертый резко остановился, вонзив шипы в податливую землю.

Больше всего он напоминал каштановый ежик-переросток, только цветом был иссиня-черный, с индиговыми пятнами. Каждый шип завершался бледно-лимонным наконечником, и как-то совсем не хотелось знакомиться с ним поближе — наверняка какой-нибудь яд. Хотя такой махине и яд не нужен — наедет, и поминай как звали.

Он остановился, а затем одним внезапным движением вывернулся наизнанку! Шипы на миг сошлись где-то внутри него, сверкнув чем-то подозрительно напоминающим электрический разряд. А снаружи показалась пенная субстанция лилового цвета. Она пульсировала. Или дышала. Или дышала и пульсировала — кто ж ее разберет?!

Алисе почудилось, что она снова в кошмарном сне. Пожалуй, только врожденная сила воли, трезвомыслие будущего юриста и, возможно, в наибольшей мере — бабушкина рука, все еще

сжимавщая ее запястье, удержали ее на месте и не позволили броситься бежать или лезть на дерево.

32

Место оказалось на редкость удачным. Лощина, прикрытая кустами, по дну которой протекает громко журчащий ручеек с прозрачной водой. На плоском камне удобно сидеть, а рядом можно и развести огонь. Любава махнула рукой на опасения Алисы, что дым их выдаст. Заявила, что «уж с этим-то я справлюсь».

Они покормили Филимона и обустроили нехитрый лагерь. Бабушка обставила на пятьдесят метров вокруг сторожки из веточек, чтобы предупреждали тех, кто внутри, и путали тех, кто снаружи. А прямо вокруг камня, в радиусе десяти шагов, повтыкала палочек с хитро повязанными на них нитками — чтобы скрывали все, что внутри круга, выдавая вид из прошлого вчера за настоящее сегодня.

— Коли погода не спортится, сгодится и такая маскировка, а спортится — приложу другую, — пожала плечами Любава.

Сам плоский камень она устелила тряпочками и заговорила так, что он раздвинулся вширь втрое и стал мягким как перина. Когда придет

время ночевать, устроятся на нем все втроем.

Огонь она развела и закрутила дым так, что он уходил прямо в землю, заодно скрывая свет костра. И никакого запаха от этого дыма!

«Вот бы такой магии в наш мир, экологи с руками оторвут», — усмехнулась про себя Алиса.

Поели, наконец, и сами. Поделились, конечно, и с вечно голодным, хоть и только что кормленным псом. И Любава продолжила свой рассказ, прерванный столь грубым и бесцеремонным появлением колючих шаров.

— Про поле я тебе говорила. Река вот нас прикрывает с одной стороны, а полюшко — с другой. Век им благодарность обоим. Мир-то наш дикий, старый, и не все в нем нам рады. А поле… оно ловит зло, чует инакое, остановит чужого. Не пропустит.

Алиса удивилась:

— Я думала, только за рекой дикость эта… Ну древность, силы всякие там… На том берегу. А наш-то берег безопасный. Да я ж по нему и приехала!

Любава вздохнула.

— Ты откуда приехала — туда той же дорогой не уехать. Если пойдешь по ней, не к тракту своему выйдешь, а в места совсем иные. Я тебе даже

сейчас и не скажу, какие, там все переменчиво. Да не только там. Здесь-то тоже. Но здесь крепят… Хоть и старые, да держат корни пока что. Мы вот идем по таким… островкам закрепленным. Как по топи, по кочкам прыгаем. Или почему, думаешь, морок мой работает? Вчерашний день вокруг нас показывает всякому, кто посмотрит издалека? Зыбкие здесь места.

Алиса поняла, что не догоняет. Но решила отложить «на потом». Бабушка явно хотела рассказать что-то еще.

— Только два разрыва есть меж полем и рекой, — продолжила рассказ Любава. — Один — там, где дорога, по которой ты с бабкой-манком пошла и в реку угодила. Второй — пошире, там, где Ближний лес подступает к самым домам. Но там дом Василины стоит, так что едва ли беда сунется с той стороны. Да и Борис-лес, Ближний-то наш, всегда был спокоен и крепок на корни. Своих слушает, о чужих рассказывает.

Алиса вспомнила, как Владислав лечил дерево, на котором выступила какая-то странная гниль, и рассказала об этом бабушке. Любава нахмурилась.

— Дурная это штука. Кто-то пробраться хочет. Просачивается… это как бы пот от его усилий. Но

случается иногда. Владислав такое примечает и залечивает.

— Но кто?

— Да кто ж его знает? Кто-то оттуда, где теряется форма, рассекаются тени, тлеют души.

Любава замолчала. Молчала и Алиса, не зная, как понимать эти слова.

— Боюсь, туда Владика и затянуло, — выдала, наконец, бабушка. — По твоему сну ежели судить.

Алиса обомлела. Вот тебе раз. Как же из подобного места его вытаскивать?!

— Но мы его вытянем… — уверенно сказала Любава, угадав сомнения внучки. — Обязательно вытащим.

«Ага, все под контролем, гражданских просят освободить периметр, повторяю, все под контролем…» — выскочило воспоминание из какого-то фильма. Кажется, там все кончилось плохо. Но… А что делать? Если не мы, то кто?!

И, совершенно неожиданно для себя, Алиса наполнилась непреклонной решимостью. Ей даже показалось, что кончики пальцев слегка замерцали.

— А ну-ка, внученька, ручки-то вытяни… — послышался удивленный голос Любавы. — Во-он в

ту сторонку, видишь, сухостой там…

Алиса послушно вытянула руки в сторону засохшей сосны.

— Умница ты моя… — бабушка ободряюще улыбнулась. — А теперь отпускай!

Алиса только хотела спросить, что отпускать-то, как поняла, что сияние, пульсацией нараставшее на кончиках ее пальцев, больше не держится — оно сорвалось и стремительно прыгнуло, обволакивая сухой ствол дерева от корня и до обломанной верхушки. Раздался треск и во все стороны полетела щепа.

Алиса инстинктивно спрятала лицо за ладонями. А когда посмотрела, оказалось, что ствола больше нет. На его месте оседала древесная пыль. Вокруг, в большом радиусе, валялись разбросанные щепки и палки, но их было слишком мало для такого объема древесины. Сухое дерево, как это говорят в фантастике, «дезинтегрировалось».

В глубоком потрясении Алиса разглядывала свои руки. Руки как руки. Немножко грязные. И ногти бы… Да о чем она думает! Она только что сделала невероятное! Сама!

— Ну вот, горлица ты моя, — проворковала Любава, — ты и оперилась. Только не спеши из гнезда-то выпрыгивать, летать-то тебе пока рано-

вато. Поубиваешь еще всех нас, да, Филимон?

33

После еды они решили проверить оберег. Алиса вынула из кармана деревянный сучок, положила его на раскрытую ладонь и сосредоточилась, мысленно взывая к Владиславу. Но оберег лежал безжизненно, как простой кусок теплого, отполированного дерева. Ни малейшей дрожи, ни намека на движение.

— Не готов еще, — покачала головой Любава. — Или далеко. Сила связи зависит от многого.

Вскоре окончательно стемнело. Они улеглись на мягкое ложе, ранее сотворенное бабушкой-колдуньей из камня и тряпицы. Пес запрыгнул к ним и расположился в ногах.

Время до утра прошло на удивление спокойно. Словно они не в Дальнем лесу спали, а в своем доме в деревне. Звуки и запахи ночного леса их не тревожили, а убаюкивали, проходя через двойную завесу иллюзий и преломлений, созданную Любавой вокруг лагеря.

Утром они позавтракали и двинулись в прежнем направлении, углубляясь в Дальний лес. Дубравы сменились темными, сумрачными ель-

никами, где земля устлана хвойным ковром, а воздух пахнет смолой и сыростью. Еловый лес, в свою очередь, чередовался светлыми сосновыми борами с красновато-коричневой подстилкой из опавших игл. Встречались и березовые рощицы, и смешанные леса.

Время от времени путь преграждали каменистые ложбины, в которых журчали ручьи. Через них приходилось перебираться по упавшим стволам или перепрыгивать с камня на камень, всякий раз рискуя поскользнуться. Филимон неизменно первым оказывался на том берегу, с нетерпением поджидая отстающих.

«Как же далеко ты забрался, Владик… — думала Алиса. — Вот тебе и закваска. Эвона куда занесло… И неведомо, сколько еще топать, чтобы тебя найти. На ковре-самолете ты летел или царь-волк унес тебя на своей спине? Может, похитила тебя, прекрасного, голодная до молодцев драконiха?»

Местами они натыкались на следы давно ушедшей человеческой жизни. То среди чащи внезапно проступали контуры гнилого сруба, почти полностью вросшего в землю и покрытого мхом. То угадывались очертания бывшего очага, камни которого скрывались за растительностью. Один раз они вышли к деревянному идолу,

вырубленному из огромного ствола — почерневшему от времени, с прорезями вместо глаз и рта. Из сомкнутых на груди рук его рос молодой папоротник.

Любава схватила Алису за плечо, не дав ей приблизиться к идолу.

— Не ходи. Там духи старые, чужие. Не наши. Ты их не тревожь. Когда-то здесь другие люди жили, молились своим богам. Лес их дома и капища поглотил, боги забыты, но тень памяти осталась. Она может быть… цепкой. И мстительной. Или сумасбродной. Ни к чему нам с ними тягаться.

Алиса напряглась и поспешила мимо, чувствуя на спине тяжелый, незрячий взгляд идола.

Несколько раз за день Любава внезапно замирала, поднимая руку в предупреждающем жесте.

Она прислушивалась к лесу, и тогда ее взгляд становился рассеянным, словно впитывающим пространство.

Она приглядывалась к лесу, и тогда ее взгляд становился острым, словно вспарывающим сокрытое.

Однажды они все, включая Филимона, затаились за густыми зарослями лещины, пока мимо, в паре десятков шагов, не прошел огромный, покрытый бурой шерстью лесной великан — лось.

Он шел неторопливо, гордо неся на голове рога, но от его могучей спины и спокойствия веяло такой первобытной мощью, что Алиса боялась пошевелиться. Она-то думала, что лоси — как лошади, только ну… рогатые. А этот был метра два в холке, не меньше.

В другой раз Любава резко сдернула ее с тропы, и они наблюдали, как по стволу старой осины, словно живая ртуть, заструилось нечто серебристо-прозрачное, переливаясь на свету. Это существо, не имевшее четкой формы, исчезло в дупле, не оставив и следа.

— Не знаю, что это, — покачала головой Любава. — Может, лесной дух. Не все они злые, есть просто любопытные. Лучше не встречаться. Привяжется такой невовремя…

Новый день уже близился к вечеру, когда лес поредел, уступив место холмистой, пересеченной местности. Солнце висело низко, отбрасывая длинные, косые тени. Появились глубокие овраги, поросшие ольхой и орешником, а повыше — сосной. Их склоны были изрыты промоинами. Местами открывались выходы камня — будто кто-то исполинским мечом рубанул по склонам, обнажив древние желтоватые пласты песчаника и известняка. Воздух стал еще прохладнее, в ни-

зинах сгустились синие сумерки.

Путешественницы задержались на пригорке, чтобы перевести дух и в очередной раз опробовать оберег. Алиса, уже почти не надеясь, вынула деревянный сучок. Он лег на ее ладонь, такой же неподвижный, как раньше. Она закрыла глаза, снова попыталась представить Владислава — его улыбку, насмешливый взгляд, теплые, сильные руки.

И вдруг оберег дернулся. Словно рыба, выброшенная на берег, он резко, судорожно подпрыгнул на ее ладони, явно потянувшись вправо, в сторону обрыва. Движение было коротким, резким, и после него деревяшка обессилела, замерла в ее руке, но уже не мертвой, а как уставшее, но живое существо.

Любава ахнула. Ее глаза вспыхнули.

— Работает! Чует! Вон туда!

Она указала в направлении, куда дернулся оберег — в зловещую темень ущелья, откуда уже поднимался ночной холодок и пахло сырым камнем и гниющими листьями.

Не говоря ни слова, они, подхлестываемые надеждой, поспешили вниз с крутого склона, навстречу сгущавшимся сумеркам и тайне, что ждала их в каменных объятиях холма.

34

Спуск в ущелье напоминал погружение в темную бездну. Воздух с каждым шагом становился все тяжелее и холоднее, все более насыщался влагой. Камни скользили под ногами, только бы не упасть!

Любава и Алиса хватались за все, что можно, лишь бы удержать равновесие, и помогали друг дружке. Филимон не пошел за ними — еще не хватало собаке играть в альпиниста, он в своем уме. Наверное, побежал в обход.

Да уж, оврагом это не назовешь — слишком широко, слишком глубоко. Противоположная стена — почти отвесна, лишь на самом верху виднеются сосны, из последних сил цепляющиеся за жизнь.

Но вот бабушка и внучка наконец ступили на дно. Их окутал плотный, молочно-белый туман, в полумраке струящийся меж скал подобно живым щупальцам. Он поглощал звуки, делая шаги приглушенными, а голоса — далекими и чужими. Стены ущелья множили их, отбрасывая эхо, которое возвращалось искаженным шепотом.

Алисе повсюду чудилось движение. На периферии зрения скользили воображаемые тени, которые растворялись, стоило ей повернуть голову. Или не воображаемые? Ее пробил озноб.

Ущелье лежало перед ними, подобное распахнутым воротам во тьму. Оберег указал путь — прямо туда, наверх, между стенами, к вершине холма. Но подъем в темноте и тумане — немыслим.

— Не простая тут темнота, — тихо произнесла Любава, останавливаясь и оглядываясь. Голос несколько раз отразился едва слышным эхом, будто кто-то невидимый передразнивал ее. — Вроде ночная, а не естественная. Чувствуешь, как давит?

Она засунула руку в котомку и вынула оттуда куриное яйцо. Стоило тому оказаться на ладони, как сквозь скорлупу пробился мягкий и теплый, живой огонь. Он разлился вокруг и создал пузырь света, оттесняя липкий туман и заставляя отступить подозрительные тени, которые тут же теряли очертания и таяли, словно дым.

«Вот тебе у Любавы и курочки! Вот тебе и яички! — с восторгом подумала Алиса, вспомнив, как сама помогала собирать их. — Интересно, чье яйцо? Пеструхи? Скромницы? Цацы? Эх, кто-то за

ними сейчас следит... Неужели Трофим? Больше некому, тетя Груня-то подалась к потусторонним. Выходит, и Зорька тоже на нем…»

Под защитой живого света они двинулись дальше. В стенах ущелья зияли черные провалы — то ли гроты, то ли входы в пещеры, скрытые завесами из ползучих растений и папоротника. Местами прямо из стен выступали остатки древней каменной кладки. А выше, на ровном плоском участке, Алиса разглядела накренившиеся изваяния, уставившиеся на них сверху вниз пустыми глазницами.

Ощущение близкой опасности не покидало ее, но никто не нападал. Будто сама тьма выжидала, затаившись по краям их светового круга. Выжидала и шептала: «Погасни! Погасни!» Но куда этой первобытной тьме тягаться с куриным яйцом?! Свет не гас.

А где же пес?! Бабушка и внучка остановились, принялись оглядываться, звать его. Безрезультатно. Они вспомнили, что в последний раз видели Филимона перед спуском в ущелье.

— Не пропадет, — уверенно заявила Любава. — Он по уму-то сто очков вперед даст некоторым людям. — И выразительно посмотрела на Алису. — Будет нас ждать или в обход побежит, а

может и домой вернется. Как рассудит. Нам же путь предначертан наверх.

Они поднимались медленно, метр за метром, все выше и выше. Амулет Владислава в руке Алисы стал вести себя иначе. Он уже не дергался рывками, а тянул вперед с постоянным, настойчивым усилием, как собака на поводке, почуявшая дичь.

Он стал горячим, почти обжигающим, и от него исходил слабый, красноватый, дрожащий свет. Это пульсирующее свечение напоминало трепетное биение ослабевшего сердца, и Алисе с ужасом пришло в голову, что, возможно, так оно и есть. Что эта угасающая пульсация и отмеряет остаток жизни, остаток сил Владислава.

Наконец, они выбрались почти на вершину холма. Тумана здесь не было.

Им открылся вид на звездное небо, по которому плыли редкие, рваные облака. В свете убывающей луны перед ними лежали руины. Очертания низких, сложенных из грубого камня стен едва угадывались под слоем растительности. Когда-то здесь жили люди, но теперь от них остались лишь воспоминания, вросшие в землю. И над всем этим, на самом высоком месте, возвышалось исполинское дерево.

Оно было невероятно огромным, древним и, похоже, мертвым. Его скрюченные, словно сведенные судорогой ветви, устремлялись к небу в последнем отчаянном вопле. Кора была покрыта глубокими трещинами, кое-где поблескивающими в лунном свете. Возможно, это была смола, но проверять как-то не хотелось.

Неужели это чудовище и есть Древняк?! Амулет рванулся вперед, к самому подножию дерева. И там, в сплетении гигантских корней, похожих на каменных змей, они увидели Владислава.

Мастер сидел, прислонившись спиной к массивному стволу. Он наполовину погрузился в дерево. Его голова была запрокинута, глаза закрыты. В ярком свете луны его лицо походило на восковую маску. Тонкие белесые корни или лианы опутывали его, впиваясь в одежду и кожу. Будто дерево медленно втягивает его в себя.

Алиса рванулась к нему, но Любава резко схватила ее за плечо.

— Стой! — ее голос прозвучал как удар хлыста. — Это ловушка.

Она набрала горсть сушеных трав из разных мешочков и, что-то бормоча, бросила их перед собой на землю. Это бормотание сначала было тихим, почти неслышным, но постепенно ее

голос окреп, наполнился силой. Слова слились в единый могучий поток. Она закончила криком, от которого по коже Алисы побежали мурашки. Эхо в ущелье проснулось и понесло отзвук вниз, пока не затихло вдали.

35

Падение казалось бесконечным. Алиса опускалась медленно, перышком в неподвижном воздухе. Шла ко дну, словно ягодка в густом сиропе. Мимо проплывали гладкие каменные стены, уходящие вниз в непроглядную тьму. Ее тело было окутано холодным голубым сиянием — не приходилось даже удерживать энергию, взятую с собой с поверхности, она сама не отпускала Алису.

«Каким же должен быть кролик, чтобы вырыть эту нору... — пронеслась в ее голове абсурдная, почти истеричная мысль. — Наверное, это дракон! Кроликодракон! Буду звать его милым зайкой...»

Алиса нервно хихикнула и принялась оглядываться — нет ли в стенах шкафчиков с вареньем или еще чего-нибудь полезного. Но на этом аналогия со Страной Чудес закончилась. Каменные стены продолжали скользить и скользить мимо, и лишь редкие неровности на них позволяли вообще отметить движение.

Наконец, она приземлилась. Мягко, словно на пропитанную водой подушку из мха и хвощей. И

тут же поняла, что попала в мир своего кошмарного сна. Вокруг был тот же черный, скрюченный лес, то же ощущение мертвой, давящей тишины, тот же запах тления. Но теперь она видела все намного четче. А оберег не давал сбиться с пути.

Влад сидел там же, у корней дерева, но здесь, в этом мире, дерево казалось живым. А вокруг него, словно рой голодных насекомых, копошилось и мельтешило серое, бесформенное облако. От него исходило ощущение жестокого, безучастного любопытства. Оно не пыталось съесть мастера. Оно пыталось его... разобрать. Извлечь его жизненную силу, его душу, и присвоить, переиначить, сделать полноценной частью этого мира. Превратить в нежить.

Так вот что означало «извлечь к мертвому»? Нет, она не позволит!

А щупальца-лезвия уже почти коснулись его груди…

— Нет! — закричала Алиса, и это было похоже на крик, которым она отпугнула саркса. Она не направляла силу, не пыталась ее контролировать. Она просто отпустила ее, выплеснула всю, до последней капли, в это мерзкое, мельтешащее облако.

Голубой огонь, что окутывал ее, сорвался с

места и ринулся вперед как шаровая молния. Он врезался в серую массу беззвучно, но сокрушительно. Энергия забилась внутри облака, разрывая его на части, испепеляя.

Алиса, совершенно обессиленная, осела на землю. Ее тело стало ватным, в ушах зазвенело.

Лезвия, почти коснувшиеся Влада, остановились, дрогнули и рассыпались в прах. Серое облако, пронзенное и разорванное, с болезненным шипением рассеялось.

Опали и путы, удерживавшие Влада. И сам он сполз на липкий мох, прямо в жидкую грязь.

Алиса хотела ему помочь, но не могла пошевелить и пальцем. И тут до нее дошла ужасная правда. Она не победила. Она лишь сорвала маскировку. Облако было щитом, накидкой, за которой пряталось нечто иное.

Из распавшейся серой пелены выступила человекоподобная фигура. Она была невысокой, но от нее веяло убийственно-холодным, безразличным злом, от которого кровь стынет в жилах. Его кожа напоминала кору старого дерева, а вместо волос с головы свисали тонкие, похожие на корни, щупальца. Лицо было лишено глаз, а рот представлял собой вертикальную щель, из которой сочился черный дым. Оно двинулось на Алису

неторопливо, уверенно, зная, что сопротивления уже не встретит.

И тут рядом возникла Любава. Алиса никогда не видела бабушку такой... молодой! В глазах сверкали зеленые искры, словно там вспыхнул десяток изумрудов. Она была преисполнена силы.

Люба что-то бросила под ноги чудищу и замерла, сосредоточенно глядя перед собой. И случилось невероятное. Прямо перед приближающимся монстром возникла его точная копия. И они бросились друг на друга.

Это была странная, беззвучная битва. Они не наносили ударов, а словно пытались поглотить врага, слиться и растворить его в себе. Щупальца сплетались, черный дым сталкивался с таким же черным дымом, древняя кора лопалась и восстанавливалась.

Любава, не отрывая взгляда от схватки, сунула внучке в рот ложку целебного меда из горшочка. Алиса почувствовала, как по ее жилам снова побежала кровь. Она все еще была слаба, но уже могла подняться на ноги.

В этот момент настоящее чудище сумело одолеть подделку.

Тогда Любава, не мешкая, швырнула в него два маленьких горшочка. Один разбился у самых

ног существа, и из него выплеснулось жидкое белое пламя, которое растеклось по земле, образуя небольшое, но невероятно горячее озерцо. Второй горшочек разорвался в воздухе над головой монстра, выпустив липкий, едкий дождь из темно-зеленой жидкости.

Хорошо, что чудище отошло далеко от Влада, иначе тому пришлось бы худо.

Там, где едкие капли сталкивались с белым огнем, возникали клубы ядовито-желтого пара. Он обжигал все, к чему прикасался, с шипением разъедая камень и почву. Чудовище, охваченное огнем и омытое кислотным дождем, забилось в конвульсиях. Его корявое тело загорелось, черный дым вырывался наружу, и наконец, с последним судорожным вздохом, оно затихло, превратившись в дымящуюся груду обугленных останков.

Бабушка с внучкой сидели, обнявшись, тяжело дыша, не веря, что все позади. Огонь постепенно утихал, остатки кислоты пузырили камень.

Они уже собрались подняться, чтобы обойти ядовитое озерцо по краю и добраться до Влада, как Алиса увидела… льва. Он стоял чуть поодаль, на вершине утеса. Неправдоподобно большой, почти белый, с густой, светящейся в темноте гри-

вой. Похоже, он наблюдал за ними уже некоторое время. Его голубые глаза, холодные, мудрые и безжалостные, были устремлены на них.

36

И тогда все вокруг невероятно ярко осветилось. На миг бабушка и внучка ослепли.

Когда же зрение вернулось, они увидели, что на месте нежити стоит лев. Это его стремительный прыжок полыхнул в потустороннем сумраке как настоящее солнце.

На несколько секунд лев замер, его могучая грудь вздымалась. Затем он снова прыгнул, но не на них, а в сторону, в скалы. Там громыхнуло, и по пространству разнесся нечеловеческий вой, полный боли и ужаса, тоски и ненависти. Черные деревья вокруг и позади Алисы задрожали и осыпались. Скалы осели. Мир стал совершенно плоским, серым и пустым, словно невидимая рука смахнула все лишнее.

Только один гигантский корявый корень уходил куда-то вверх, в неразличимые небеса. Влад сидел, привалившись к нему спиной. Корень Древняка? Но почему он выглядит живым?

Из-за этого корня вышел лев. Хоть теперь он и казался в три раза меньше, но все равно был ростом почти с Алису.

Лев замер. Чего он ждет? Словно бы смотрит прямо на нее!

С минуту они так постояли, а потом он развернулся и одним бесшумным, мощным прыжком исчез в серой пустоте. Что ему было надо?

Любава взяла оцепеневшую Алису за руку, и они подошли к Владиславу. Бабушка быстро смазала его раны, а затем, разжав челюсти, влила в рот несколько ложек целебного меда. Эффект оказался почти мгновенным. Цвет вернулся к его лицу, дыхание стало глубже и ровнее. Он слабо закашлялся, застонал и медленно открыл глаза.

Сначала в них были только ужас и боль. Он дернулся, пытаясь подняться. Но, увидев Любаву и Алису, замер, не веря.

— Лисонька... Люба... — его голос был хриплым, будто сорванным. — Это... вы? Наяву?

— Наяву, — улыбнулась Любава и погладила его по голове. — Точнее, почти. По ту сторону мы. Держись.

Он попытался встать, но силы еще не вернулись полностью. С третьего раза, с помощью Любавы и Алисы, мастеру это удалось.

— Дерево... — он с непонятным выражением посмотрел на корень. — Поймало. Надо же. Меня поймало. Дерево. Затянуло вот так же, как я их

форму вытягиваю. Я словно был... в двух местах сразу. Там, наверху, и здесь. А сейчас, смотри-ка, весь тут!

Влад негромко рассмеялся, похлопал себя по бедрам, подергал за нос, запустил пятерню в волосы. И неожиданно обнял обеих спасительниц. Горячая волна снова прокатилась по телу Алисы, но уже совсем не такая, как от волшебства бабушки. Насколько бы древним ни было то волшебство, этот огонь — древнее.

А Владислав, отпустив их, подошел к корню и осторожно приложил к нему ладонь. Корень вздрогнул и тут же успокоился.

— Давай его сожжем! — воскликнула Алиса.

— Да ты что?! — возмутился Влад. — Древняк... он же страж! Могучий и невероятно древний. Старше наших. Они ему как правнуки. Но он одичал. Давно уже тут не живут люди. Вот и разучился… быть с ними. Постарел. И его обманули, натравили на меня. Как реку на тебя, Алиса. Кто-то... очень сильный.

Он с состраданием погладил огромный корень.

— Понял Древняк, что ошибся, но было поздно, его и самого-то уже почти не осталось. Только вот, почитай, этот корешок. Да и тот вишь… потусторонний. Думаешь, кто меня хранил от этой

твари? Сам-то я был без сил. Вот этот корень и хранил. И там, — Влад ткнул пальцем в невидимые небеса, — тоже он меня оберегал. Надо нам туда вернуться, и ему помочь прородиться снова.

Алиса попыталась угадать:

— Извлечь к живому?

Владислав с улыбкой отрицательно покачал головой:

— Он же и так живой. Просто помочь прорости. Из этого вот корня.

Любава раздала им припасы, они подкрепились уже обычной едой. Настала пора выбираться.

— Кстати, кто это был? — спросила Алиса Любаву.

— Кто? — не поняла та, думая о чем-то своем.

— Лев.

— А. Какой-то могучий колдун, — пожала плечами Любава.

— Он хотел нас убить? Почему не убил?

Бабушка посмотрела на внучку с недоумением, типа «ну ты и спросила».

— Он же спас нас! Не знаю, почему. Не все древние полны зла, некоторые просто себе на уме, их пути неисповедимы.

Выбравшись с плоского участка, опустошенного силой льва, они оказались в том же самом

черном лесу. Долго брели по извилистым тропам, минуя зловещие, пузырящиеся топи, где в черной воде мелькали бледные, слепые тени. Проходили каменные лабиринты, где ветер выл, как потерянная душа.

Алиса чувствовала, что они блуждают по большому кругу, примерно так же, как она сама когда-то не могла покинуть иллюзию возле камня-путевода.

Только тут местность все время меняется и меняется, даже ориентир не отметить!

Отчаяние снова начало наполнять ее. И тут она вспомнила. Карта! Лоскут, подаренный Василисой! Раньше это был просто клочок ткани с абстрактным узором. Но сейчас, в этом мире духов, узор ожил. Серые нити стали тропинками, зеленые — участками леса, коричневые — топями... Она поняла, что не ошиблась! Это вовсе не абстракция. Это действительно карта. Карта потустороннего леса! Василиса дала ей ключ к выходу еще тогда, заранее.

— Смотрите! — воскликнула она, показывая лоскут Любаве. — Мы тут! И выход... вот он!

37

Сон был глубоким и спокойным. Алиса провалилась в него сразу, а просыпалась медленно, постепенно приходя в себя. Ее наполняло чувство, что она — на островке стабильности и покоя. Ей было тепло и уютно.

Она попыталась осознать это тепло, понять его причину, и услышала ритмичное, ровное дыхание совсем рядом. Ее щека покоилась на чьем-то плече. Она медленно открыла глаза и увидела складки потертой ткани, а чуть выше — сильную шею и решительную линию подбородка Владислава.

Как так вышло!? Еще не до конца проснувшись, она резко дернулась, оттолкнулась от него и отодвинулась в сторону. Налетела спиной на свой рюкзак, и это окончательно ее разбудило.

Так. Она спит у Влада на плече. Но засыпали-то не так. Между ними вообще была Любава. Что же случилось ночью?! Неужели… По щекам разлился горячий, предательский румянец. Да нет, она же одета. И он одет. А где бабушка?!

И тут Алиса встретилась глазами с Владисла-

вом. Тот не спал и молча смотрел на нее.

Ну вот что уставился? Никогда не видел? Чего рассматриваешь?! Алиса вдруг вспомнила о своих веснушках, которые не замазывала с последнего дня в городе.

«Да к черту веснушки!» — мысленно прорычала она, и от этого покраснела еще сильнее.

А Владислав все смотрел и смотрел. Совершенно спокойно. Словно любовался. Его лицо было бледным и усталым, но глаза ожили. В них вернулось тепло и та самая, едва уловимая, насмешливая искорка, которую она помнила. Наконец, он широко улыбнулся, и от этой улыбки у Алисы перехватило дыхание.

— Не пугайся, — его голос прозвучал тихо и хрипло, но твердо. — Место тут теперь безопасное. Мы справились. Вы справились. Без вас бы я погиб. Даже хуже того. И кто знает, что сталось бы с деревней, извлеки меня к мертвому тот волшебник.

— Я… я не знаю, как… — начала она, смущенно отводя взгляд и чувствуя, как горит все лицо. Угораздило же родиться рыжей! И только потом сообразила, что он говорит не о том, как она оказалась на его плече, а о их путешествии, о недавней битве с этим… волшебником? Так он

сказал? О их победе.

Они победили крутого волшебника! Они спасли Владислава!

Внутри Алисы все смешалось — остатки страха, дикая радость от того, что он жив, и это дурацкое, неуместное, щемящее чувство смущения от их близости. Она видела его беспомощным и почти мертвым. А теперь он смотрит на нее так, словно знает какой-то секрет, дающий доступ к ее сердцу, и от этого взгляда по коже бегут приятные мурашки.

Ее смятение было столь явным, что Владислав тихо рассмеялся, но тут же застонал, схватившись за бок. Это вернуло Алису к реальности. Видно, не все травмы вылечивает целебный мед. Или не сразу.

Ну еще бы — как бедному Владику досталось… И заточили, и надвое разделили, и потом соединили, а он еще и сколько сил потратил, чтобы и дойти с ними сюда, и Древень этот воскресить… Чудом выжил…

И тут в их уютный, но очень смущающий Алису, мирок ворвался громкий, нетерпеливый лай. Филимон, свернувшийся у ног Алисы, проснулся и теперь выражал бурный восторг. Он вилял хвостом так, что тот хлестал по земле. Он тыкал-

ся мокрым носом то в руку Алисы, то в колено Владислава, и предлагал им свою вечную, обгрызенную палку — возможно, намекая на то, что пора уже и поиграть с собачкой.

«Как он ее не теряет… — в очередной раз мелькнуло в голове Алисы недоумение. — Или это разные палки? Каждый раз новая?»

— Ты где пропадал, а? — воскликнула она, с явным облегчением переключаясь на пса. Алиса обняла его лохматую шею, а он бросил палку и тут же принялся старательно вылизывать ей лицо. — Ой отстань же, Филя! Ну хватит уже! — Спасаясь, она вскочила на ноги. — А мы тебя потеряли! Где же ты был?

Филимон прыгал и лаял. Видимо, объяснял. Только вот Алиса ни одного гава не понимала по-собачьи.

Из-за старого ствола Древня появилась Любава с какими-то травами и цветами в руках.

— Проснулись, голубчики? — бодро поприветствовала она молодежь. — Никуда он не пропадал, — ответила Любава за пса. — Вернулся, как только мы заснули. Будил, будил, да видать, не добудился. Лег рядом подождать и тоже уснул. Верный наш страж, воин неутомимый, разведчик незаменимый.

Филимон, чувствуя, что говорят о нем, что его хвалят, снова залаял и полез к Любаве целоваться, едва не сбив ее с ног. Со смехом бабушка отбивалась от песьих ласк, пытаясь спасти свою добычу — травяной сбор.

Владислав позвал Филю, потянулся за палочкой и запустил ее куда подальше. Это не осталось незамеченным! Пес с восторгом бросился за ней и начал рыться носом в траве там, где она упала.

— Ох, спасибо тебе, Владик, спас от чудища волосатого… — Любава уселась рядом с ними. — Вот я тут собрала кой-чего и к завтраку, и с собой взять. Редкие здесь встречаются…

Ее прервал Филимон, вернувшийся со своей палкой. Еще немного Влад с ним поиграл прежде, чем они смогли хоть чем-то заняться.

А заняться им было чем. Чувство голода проснулось вместе с ними. Затраты сил оказались колоссальными, а одним целебным медом сыт не будешь.

Они с жадностью набросились на припасы — сухари, сало, сушеные ягоды. Запили все водой из фляги, в которой Любава развела что-то из утренней своей добычи, а затем, для верности, приняли по пол-ложки меда. Силы он возвращал быстро и травмы лечил надежно, но экономить стоило

каждую каплю — путь ведь предстоял неблизкий, и опасности могли подстерегать где угодно.

38

— А оберег твой действительно сработал. Стал проводником. Ты мне приснился… Там, в деревне, — она решила как-то переключить тему и перестать уже пылать щеками. — Это было ужасно.

— И что тебе про меня снилось? — Посерьезнел Владислав. — Расскажешь?

Алиса, не глядя на него, тихо рассказала о своем кошмаре. О черном лесе, о паутине и о том, как его дух был на волоске от гибели. Любава добавила деталей о словах ведуньи-Марии и об их путешествии через поле и Дальний лес. Только о внучкином визите к Василисе почему-то умолчала.

Выслушав, Владислав некоторое время задумчиво смотрел вдаль.

— Так вот как вы обо мне узнали. Всем бы таких верных друзей. Никакая беда нипочем.

Сказав это, он подошел к мертвому Древняку и положил ладони на его кору. На сей раз это было не то легкое, почти ласковое прикосновение, каким он общался с деревьями в Ближнем лесу. Это

был жест, полный явного усилия, напряжения воли. И, пожалуй, с оттенком скорби. Печали по погибшему дереву. Которое только что чуть не погубило его самого.

Он закрыл глаза, и по его лицу потекли капли пота, а, может, и слез. Казалось, он вступил в борьбу, в спор с самой смертью. Воздух вокруг давно погибшего дерева задрожал, зазвенел. По стволу поползли тонкие, почти невидимые трещинки света.

А у самого его основания, там, где уходили в землю мощные, но много лет назад засохшие корни, вдруг проклюнулся росток! Сначала он был просто зеленой почкой, но затем стал быстро, на глазах, вытягиваться, разворачивая два первых нежных листочка. Они казались хрупкими, но от них веяло такой свежестью и такой яростной жаждой жизни, что Алиса невольно улыбнулась.

— Порча снята, — выдохнул Владислав, отступая и вытирая лоб. Он был снова бледен и снова весел. — Йо, систер, объект оживлен! Миссия выполнена! Мы сделали это! Старое дерево отдаст себя новому. Накормит его собой. Уже скоро здесь будет стоять новый Древняк. Молодой и сильный.

И тут его взгляд упал на землю у самых ног

Алисы. Его брови поползли вверх от удивления.

— А это еще что?!

Алиса тоже посмотрела вниз. Рядом с ее ногой, в расщелине между камнями, едва присыпанной землей, виднелся второй росток. Он был намного меньше первого, но такой же ярко-зеленый и живой.

Она, движимая любопытством, наклонилась и осторожно коснулась его пальцем. И росток вдруг обломился у самого основания и оказался у нее в руке. При этом в земле не осталось ни корешка, ни ямки, будто его там и не было. Алиса вскрикнула от неожиданности.

Она подумала, что сломала его, но быстро поняла, что это не так. В ее ладони лежало крошечное, но совершенное деревце — гибкий стебелек с парой листьев и зачатками воздушных корешков, свешивающихся с нижнего конца.

— Вот чудеса, — прошептала Любава.

Владислав, недолго думая, взял почти опустевший глиняный горшочек и аккуратно обмазал остатками меда корешки ростка. Насыпал туда земли с этого священного, пусть и некогда оскверненного, но теперь очищенного места, и слегка полил водой из фляги.

Алиса, словно хрустальный фужер, заботливо

завернула горшочек в мягкую тряпицу и пристроила его в своем рюкзаке, среди вещей. Так чтобы точно уцелел.

— Посадим где-нибудь, — сказала она, ощущая удивительную уверенность. — Где ему понравится.

Тут Любава перешла к делам насущным и рассказала Владиславу о визитере из Залесья и об их тревожных вестях. Лицо мастера помрачнело.

— Значит, оно и там… Помнишь, Лис, мы с тобой видели проявление? Черную слизь на березе? Вот это оно. Надо идти к ним. Срочно. Обратно в деревню не пойдем, только терять время. Отсюда до Залесья рукой подать, день, не больше.

На том и порешили. Любава достала куриное яйцо, сложила ладони лодочкой, поднесла их к губам и начала что-то нашептывать, вдувая воздух. Между ее пальцами пробился свет, и через мгновение оттуда выпорхнула голубка. Она слегка просвечивала на утреннем солнце, отливая перламутром. Птица сделала круг над их головами и стрелой полетела в сторону деревни — понесла весть Трофиму.

— Ну вот и все, — выдохнула Любава. — Можем идти.

Алиса подобрала свой рюкзак. Остальные тоже

взяли свои вещи.

Вдруг Любава всплеснула руками:

— Смотрите-ка, деревце-то наше в рост пошло! Вот оно, волшебство мастера и крепкий здоровый корень!

Молодой росток уже отмахал под два метра в высоту и стал в руку толщиной! Так он быстро сравняется со старым Древнем.

Алиса вспомнила. Владислав говорил, что новое дерево будет поглощать остатки старого. Очень разумно — не пропадать же добру. Тем более, что это тот же самый Древняк, раз из того же корня.

Хм. Или не тот же? Вот как понять, когда рассаживаешь отростки от одного корня, это одно и то же растение или нет? Она спросила об этом у Любавы.

— Вот у тебя две руки, это одна рука или разные? — улыбнулась бабушка ей в ответ.

— Ну разные… — не вполне понимая аналогии, вымолвила Алиса.

— А ты ведь при этом одна?

— Ну одна… — все еще не понимала внучка.

— А если бы у каждой руки была своя голова?

39

И они тронулись в путь. Спуск по ущелью Молчащих Сосен при свете дня оказался не таким уж сложным и совсем не страшным. Утренний туман развеялся, ночные тени отступили, и воздух стал свежее, подул легкий приятный ветерок. Филимон бежал впереди, с энтузиазмом обнюхивая каждый камень.

Так они спустились в Дальний лес. Дорога через него началась с неожиданности: сразу за прекрасным сосняком они влетели в огромное, зловонное болото, где с чавканьем лопались пузыри зеленоватого газа, а из трясины, если в нее вглядеться, смотрели желтые, безразличные глаза.

Любава предупредила внучку, что играть в гляделки с ними не стоит — заморочат, околдуют и утянут к себе. «Если слишком долго смотреть в бездну — она посмотрит на тебе в ответ», — вспомнила Алиса цитату из своей прошлой, городской жизни и, кажется, впервые поняла ее смысл вполне буквально.

Другой раз Филимон зашелся лаем, и из чащи, с громким треском ломая сучья, вывалился огром-

ный, покрытый шерстью кабан-секач. Настоящий вепрь! Он не был настроен агрессивно, но его вид и размеры заставили путешественников унять собаку, ретироваться в густые заросли и переждать, пока великан не скроется обратно в свою чащу. Пофыркав, он решил, что больше никто не угрожает его доминированию в этой части леса, и ушел.

Ближе к вечеру они вышли к небольшому, но невероятно чистому лесному озерцу. Вода в нем поначалу показалась Алисе темной, как черное стекло, но вблизи стало ясно, что она совершенно прозрачна. В зеркале озера отражалось заходящее солнце и облака, окрашенные в багрянец и золото.

Они решили остановиться здесь на ночь. Пока Любава раскладывала припасы, а Филимон с наслаждением лакал воду, Алиса и Владислав стояли на берегу, любуясь двойным закатом — на небе и в отражении. Тишина нарушалась лишь чавкающим псом и ударами их сердец.

Они стояли так близко, что руки почти соприкасались. Алиса чувствовала исходящее от Влада тепло. Она снова смутилась и украдкой посмотрела на него. Он наслаждался зрелищем заката. Его профиль в этом пламенеющем зареве казался

высеченным из камня.

Вот он повернул голову, и их взгляды встретились. Ни слова не было сказано, но что-то витало в воздухе — беззвучное, но оглушающе звенящее, невысказанное. Он медленно, будто давая ей возможность отступить, протянул руку и коснулся ее пальцев. Прикосновение получилось легким, как дуновение ветерка, однако от него по всему телу Алисы пробежал электрический разряд. Она отстранилась, но… не сразу.

Дым костерка стелился над поверхностью озера. Любава приготовила вкусную похлебку из грибов, корешков, трав и кто знает из чего еще — все, что требовалось, само шло к ней в руки точно так же, как зелень в огороде. Сегодня у них наконец-то была горячая еда.

К ночи похолодало. Любава расставила часовые колышки и попросила камни быть теплыми до самого утра. Они устроились у потухшего костра. Алиса, хоть и не мерзла, но уже сознательно нашла плечо Владислава и устроилась поудобнее, прикрыв глаза. Чувство защищенности, которое она испытывала рядом с ним, было невероятно осязаемым. Он пах лесом и чем-то своим, неуловимо знакомым и дорогим. А еще, почему-то, струганным деревом.

Алиса давно за собой замечала, что чувствует не только те запахи, что улавливает нос, но и какие-то иные. Это даже как-то называлось, она не могла вспомнить — когда одни ощущения передаются через другие. Как когда видишь помидор, а слышишь «Лунную сонату». Или каждый раз, когда вспоминаешь какого-то знакомого, мерещится запах чеснока. От Влада пахло обещанием дома и уюта. Запах, перед которым любой женщине трудно устоять.

Утром они двинулись дальше, и уже к полудню Владислав, шедший впереди, внезапно замер, подняв руку. Его поза выражала крайнюю настороженность.

— Тише, — прошептал он. — Там, кажется...

И тут из бурелома, с треском выдирая молодые деревца, на поляну выбралось настоящее чудище. Оно было огромным, в два человеческих роста. Его тело казалось слепленным из земли, мха и переплетенных корней, а вместо волос с головы свисали живые, шевелящиеся ветви. Ноги его были подобны корягам, впивающимся в землю, а глаза — двум горящим угольям в прорези под моховой шапкой.

— Матушки-светы… — пробормотала Любава. — Лесовик! Да какой старый…

Да, это был лесовик, но не маленький и безобидный, вроде того, что Алиса видела в саду у Любавы, а древний, могучий и явно разгневанный. Нет, он не будет следить за бабушкиными грибами и успокаивать их, чтобы они не ссорились. Он все растопчет и порвет, а потом еще раз порвет и растопчет!

— Леший! — Влад сделал широкий жест руками, закрывая женщин и показывая, что сейчас разберется.

Лесовик заревел, и его голос был похож на скрип тысяч древесных стволов одновременно. Он взмахнул своими корявыми лапами, и лес вокруг ожил. Ветви деревьев, дикий виноград, ползучий хмель, даже высокая трава — все потянулось к путешественникам, пытаясь опутать, схватить, разорвать.

Филимон бросил свою палочку и грозно залаял. Он хотел броситься в бой! Алиса едва удержала пса.

Владислав шагнул вперед. Его лицо было сурово. Он снова развел руки в стороны, и Алиса почувствовала, как от него пульсирующими волнами исходит сила. Тут же часть деревьев повернулась в сторону лесовика, их ветви вытянулись навстречу атакующим, пытаясь перехватить их.

Готовилась начаться настоящая битва деревьев, столкновение двух лесных воль.

40

Они шли по ячменному полю, и с каждым шагом чувство беды становилось все явственнее. То там, то здесь золотые колосья, издали казавшиеся здоровыми, оказывались покрыты черными пятнами. Кое-где стебли изламывались под неестественными углами, напоминая скрюченные пальцы.

Филимон отходил от них подальше и глухо ворчал.

Владислав останавливался у каждого такого места. Он не произносил заклинаний и не совершал сложных ритуалов, а просто садился на колени, закрывал глаза и прикладывал ладони к земле, словно прислушиваясь к ее пульсу.

Алиса видела, как от его пальцев по почве разбегались легкие, едва заметные волны тепла. Они были похожи на зыбь от упавшей капли, но не в воде, а в самой материи мира. Там, где волна проходила, черные пятна на колосьях бледнели и осыпались прахом, а скрученные стебли с тихим шелестом распрямлялись, принимая естественную форму.

Казалось, сама земля вздыхает с облегчением.

Это напоминало тихую, кропотливую работу садовника, выпалывающего сорняки. Неспешную и ненапряженную. Но после каждого такого исцеления Владислав бледнел, и на его лбу проступали капельки пота. Любава, идя следом, молча подставляла ему плечо для опоры, и Алисе казалось, что часть бабушкиной силы тонким ручейком перетекает к мастеру, подпитывая его.

После одного из таких исцелений они решили отдохнуть. Неспешно перекусили, а Владислав и Любава еще и заправились остатками целебного меда и повеселели.

— Надо ж, Залесье-то вон где, рукой подать… А мы еще тут… — невесело усмехнулся Влад.

— Да уж, близок локоток, а не укусишь, — в тон ему ответила бабушка.

Алиса на глаз прикинула, сколько они уже прошли по этому полю, сколько еще осталось, и вздохнула. Так они еще часа два проковыряются. И тут она вспомнила, о чем хотела спросить.

— Влад, а кто такой Кад Годдо?

Мастер в этот момент отхлебывал воду из фляги и чуть не поперхнулся.

— Ты знаешь больше, чем думаешь, — ответил он, прокашлявшись. Но Алису это не удовлетво-

рило.

— Ну правда, кто?

— Не кто, а что, — поправила ее Любава. — Старая история. Влад ее нам принес. Но и здесь о ней поминалось в сказках. Спой, Владик?

Вместо ответа он молча окинул взглядом поле. Потом закрыл глаза, подставив лицо горячему солнцу. И вдруг запел. Голос у него оказался ожидаемо приятным, низким, волнующим. В нем чувствовалась сдержанная мощь и глубина.

Песня полилась свободно и казалось, что она растекается по полю, довершая начатое исцеление. Он пел на каком-то другом языке, Алиса никогда такого не слышала. Она не понимала слов, но смысл удивительным образом проникал в нее напрямую:

Был я и каплей дождя, и звездным мечом, Пеной морской и звуком трубящего рога, Был головою отрубленной и палачом, И пузырящимся пивом, и пыльной дорогой.

Я простирался над лесом, стелился травой, Я прогрызал под землею глубокие норы — В Крепость Высоких Небес* устремлялись за мной Птицы ветров — и людей вознесенные взоры.

Я был струной, я был голосом водопада, Змейкой ручья, что вьется между камней. Так я сложил

для страны поднебесного града Лучшую песню из всех, что звучали над ней.

Видел, как морю подобные, хлынули рати, Как захлебнулись на стенах и прянули вновь, Видел волшебников, рыцарей, черни и знати, Равно одну проливавшие алую кровь.

И, в час последний, когда не осталось надежды, Видел, как волнами зашевелился лес — Больше не будет, и не было этого прежде — Встал он на корни, стволами наперевес.

Буки и грабы, осина и дуб коренастый, Тис и каштаны — против железа и перьев — Двинулись молча на рыцарей лавой** ужасной Так начиналась великая Битва Деревьев…***

--- *Крепость Высоких Небес — Каэр-Невенхир (вал.) **Лава — один из вариантов кавалерийской атаки, а также жидкая магма, изверженная вулканом. ***Битва Деревьев — Кад Годдо (вал.) —-

Он улыбнулся устало, но в глазах его горел огонек воодушевления.

— Битва Деревьев, — кивнул он. — Старая история. Вот мы с лешим ее немножко и обновили… Пока Любава всех не залюбила.

Бабушка зыркнула на него.

— А тебе бы всех задеревенить. Мало люди дров

наломали? Все силой да силой…

— Дров-то да, дров мы можем, — хмыкнул мастер деревянных дел. И тут же посерьезнел, — Скоро до залесских дойдем, будем там поленницы разбирать.

Еще немного посидели молча, наслаждаясь солнечным покоем. Алиса искоса посматривала на Владислава, любуясь его профилем. Он поймал ее взгляд, и она быстро выпалила внезапно выскочивший из памяти вопрос:

— А откуда у тебя коврик с айретаном?

— Какой еще коврик? — Бровь Влада поползла вверх.

— На стене, в твоем доме.

— Ты была в моем доме? Как ты смогла войти? — Вверх поползли уже обе брови.

— Ну… не одна… меня туда тетя Ася привела…

— Василиса привела тебя в мой дом?! — Владислав сел прямо и вытаращился на Алису. Она, смущаясь, продолжила:

— Да, и там на стене был этот коврик, а на нем был вышит этот айретан. Мы на него смотрели, а он показал трубой на северо-восток. Любава говорит, это была подсказка, где искать тебя…

41

Еще какое-то время они шли в задумчивом молчании. На горизонте уже показались первые дома деревни. По виду она была раза в три, а то и в четыре больше бабушкиной.

Чем ближе они подходили, тем тревожнее становилось на сердце у Алисы. Воздух здесь был тяжелым и душным. Попахивало гнилью. А еще несло дымом, но не из печки, а как от недавнего пожара.

Иногда налетало облако сладковатой, но при этом едкой пыльцы. Она раздражала нос и горло, заставляла чихать и кашлять.

А вот и деревня. Ближние к полю дома стояли криво, некоторые почти развалились, их стены покрылись мхом. Древесина глубоко растрескалась. А один из домов и вовсе сгорел, осталась только обугленная печка да круг из головешек и паленой земли.

Деревня с этой стороны выглядела так, будто ее оставили на произвол судьбы. Но дальше виднелись и жилые дома, и деревья, и пышные цветники. Бедствие, каким бы оно ни было, пока

прошло только краем. Или это продолжается уже давно, постепенно распространяясь от околицы к центру?

А вот появились и жители. Угрюмые и перепуганные, они вышли навстречу гостям. В сухопаром мужчине с обветренным лицом, что возглавлял их, Алиса узнала Владимира.

Филимон остановился, принюхиваясь. Он явно не доверял этой деревне и собирался быть настороже.

Разглядев пришлых, Владимир повеселел, приветственно махнул рукой. Что-то сказал своим людям, и они тоже замахали руками, донеслись радостные крики. Когда путешественники подошли поближе, сбежалась уже почти вся деревня.

Владимир низко поклонился званным гостям, а потом всех поочередно обнял. Алиса заметила, что в уголках глаз у него блеснули слезы.

— Дождались-таки. Уж думали, все, конец. Каждый день, почитай, по несколько из нас выбывает. Вон, у ручья, Настасья вечером упала, домой-то принесли, но так и слегла, лежит, не встает. И у Петрака дети... — он махнул рукой, не в силах договорить.

Влад кивнул и, не тратя слов, принялся за работу. Он обошел деревню по околице, прикасаясь к

земле, к стенам домов, к чахлым, полумертвым деревьям. Он шептал им на том же древнем языке, что звучал в песне, и из его пальцев струился мягкий, зеленоватый свет, оказывавший живительное воздействие.

Там, где он проходил, пятна на стенах бледнели и осыпались, трещины стягивались, будто зарубцовывались раны. Воздух становился чище.

Но это стоило ему немало усилий. Любава шла рядом, неотступно, положив руку на плечо мастера. Однако и ее ресурсы были не безграничны. Лицо побледнело, губы плотно сжались. Алиса видела, как на висках у бабушки проступила седина, которой еще утром не было.

Когда они, завершив круг, добрались до самого большого и пока еще крепкого дома на окраине, оба, как подкошенные, рухнули на землю. Их лица были пепельно-серыми, а одежда — мокрой от пота. Жадно глотали они колодезную воду из крынки, поднесенной заботливыми жителями.

— На время, — выдохнул Владислав, с трудом отрываясь от воды. — На месяц, от силы на два. Потом все вернется. Корень подгрызен не здесь, оно глубже. Мы сняли лишь симптомы, как промыли и обеззаразили гниющую рану, наложили повязку. Если б причина была снаружи, этого бы

хватило. Но она внутри, и она не устранена.

Он разделил с Любавой остатки целебного меда и откинулся на землю.

— Спасибо Трофиму, теперь не умрем, — грустно пошутил он.

Влад лежал в полном изнеможении, раскинув руки, стараясь восстановить хотя бы часть сил. Любава прилегла неподалеку на предложенную жителями циновку.

Алиса, не в силах сидеть сложа руки, решила пройтись по деревне. Она разглядывала пустующие, осквернённые напастью дома окраины, видела испуганных детей, прятавшихся за юбки матерей, и стариков, с надеждой глядящих на нее.

Она видела высокие кроны деревьев-стражей там, где разрушение не коснулось деревни. Видела она и пустоту голубого неба вместо листьев в тех местах, где деревьям-стражам следовало бы быть. И в ее сердце что-то стронулось, сложилось.

Озарение — внезапное, ясное и неоспоримое знание пришло к ней. Не из разума или памяти, а словно бы из каждой частички ее тела, из самой ее крови, из пробуждавшейся постепенно силы, что связывала ее с этим миром. Она просто знала,

что должна сделать.

Алиса достала из рюкзака сверток, бережно хранимый все это время. Три будущих дерева. Три «зачатка жизни», как сказала когда-то Любава. Вот — каштан-страж, подаренный ей в саду, теплый и живой. Вот — хрупкий росток от Древняка, спасенный у подножия мертвого исполина, — символ возрождения из праха. А вот и крепкий тяжелый желудь, подобранный ею в глубине Дальнего леса. Тоже сгодится, пусть это и обычный дуб, вырастет когда-нибудь в могучее дерево.

Она обошла деревню и выбрала три самых разрушенных, самых заброшенных дома. Похоже, они стояли на стратегических точках, образующих как бы треугольник. Или просто потому, что рядом не оказалось других деревьев-стражей? Вот и ударила порча по ним в первую очередь.

Рядом с каждым она опускалась на колени и рыла ямку. Прямо руками, чувствуя под пальцами холодную, липкую, больную землю. Она вкладывала в каждую лунку по саженцу, как мать вкладывает ребенка в колыбель, присыпала той же землей, словно укрывая одеялом, и поливала оставшейся воды из своей фляги, набранной в Диком Лесу и смешанной еще тогда с парой

капель целебного меда.

42

Владимир, весь сияя от радости, подошел к Алисе и, указав на каждый из возрожденных домов, торжественно объявил:

— Отныне это твои дома, хранительница. В них можешь останавливаться ты и твои спутники, когда путь будет лежать через наши земли. Для чужих правило строгое, сама понимаешь, но ты… ты им теперь своя, они тебя и твоих друзей не тронут. Кровью и даром своим это заслужила.

Дом, рядом с которым теперь рос потомок Древняка, оказался самым большим и прочным. Сейчас, после чудесного преображения, в нем появилось что-то неожиданно гостеприимное и уютное, будто он сам был бы рад принять путников.

— Этот дом, — объявила подошедшая Любава, — отныне будет гостиным, гостевым. Для всех, кто приходит с миром. Чтобы больше никто не ночевал под открытым небом. Дерево проследит за сим!

Сказала, как припечатала, и никто не осмелился возразить или усомниться в ее словах.

Подошел и Владислав. С восхищением смотрел он на Алису. Восстановленная деревня вернула силы всем, кто в ней был, в том числе — ему и Любаве. Теперь можно было праздновать победу. Победу полную и безоговорочную.

В лучах заходящего солнца резная тень колодца красиво падала на свежевыросшую траву, густую и пышную... Кажется, или она шевелится?

Да это же кот! «Эка невидаль в деревне», можно было бы сказать. Но сказать так нельзя, поскольку до сих пор в обеих деревнях Алиса видела только одного кота, и звали его…

— Котофей? Ты ли это? — изумилась она.

— Ба, Котофей Игнатьич пожаловали… — раздался позади насмешливый голос Любавы. — Рыбки изволишь или чего посущественнее? Так у нас того нету, попроси у хозяев наших, они как раз пир затевают, пригласят и нас, и тебя.

Однако огромный дымчатый кот на нее даже не посмотрел. Он сидел в траве, в тени колодца, уставившись на Алису круглыми зелеными глазами.

«Вроде, в прошлый раз были желтые? Или серые? Не поймешь этих кошек…» — подумала Алиса, прикидывая, как бы отойти от усатого подальше. Мало ли, что у котика на уме. И как он тут, вообще, оказался?!

А кот посмотрел-посмотрел, да и подошел ближе. Ткнулся лбом ей в колено, даже вроде бы что-то муркнул, потерся о ноги и гордо удалился в сторону околицы, задрав пушистый хвост. Только его и видели.

— Хм… И что это было? — только и смогла произнести Алиса ему вслед.

— Кот. — Рассмеялся Владислав. — Наш, деревенский.

— А… откуда он тут?

— Так он и их деревенский. — Снова рассмеялся Влад.

— Как это? — не поняла Алиса.

— Как у котов. Ты думаешь, он твой. Сосед думает, что его. А на самом деле это вы — его, а он — свой собственный.

Алиса немного обдумала эту мысль и нашла ситуацию, конечно, забавной, но все же непонятной. Далековато как-то.

— А не далековато ему туда-сюда-то бегать? — тут же спросила она.

Влад посмотрел на нее с улыбкой.

— Это ты спрашиваешь? Ты?! Госпожа древостражей, гранд-матерь Залесья, супер-вумэн всея Дальнего Леса и Темного Подлесья, госпожа Изнанки Бытия? Я вырежу о тебе комикс на сте-

нах твоего дома! Ха! Нет, пусть лучше Василиса соткет гобелен с повествованием об этом подвиге. Она может сделать такой, чтобы на нем все двигалось, как в кино…

Алиса ошарашенно посмотрела на него, а потом рассмеялась — и смеялась, смеялась — долго не могла остановиться. Аж заболели бока. Никогда в жизни она так не смеялась. Владислав с пониманием кивнул:

— Свежий воздух, здоровое питание. Целительные свойства деревни. Поэтому-то я сюда и переехал.

Алиса снова покатилась со смеху, но теперь уже вместе с Владиславом. Это сказывалось снятое напряжение. Все страшное — позади. Они победили.

Они неизменно побеждали. Сначала сделали, казалось, невозможное — спасли Влада. Потом совершили немыслимое — изгнали порчу из Залесья и насадили в нем новые деревья-стражи, да еще какие! Потомок самого Древняка…

Посадили их взамен порубленных когда-то жителями то ли со страху, то ли по глупости — Алиса еще попросит рассказать эту историю подробнее. А сейчас время радоваться и праздновать!

Стемнело, но в деревне было светло. На боль-

шой площади пылал огромный костер, в домах горели окна, по веткам деревьев и травам пробегали мерцающие огоньки. Светлячки и злотницы носились в воздухе, а в садах и на клумбах благоухали и источали сияние ночные цветы.

Сначала местные закатили большой пир: вынесли длинные столы, застелили их и уставили яствами. Парни вырядились скоморохами и потешали остальных.

Потом устроили пляски, и вот тут уже разгулялись по-настоящему. Веселье в эту ночь плескало через край — возможно, по верхушкам крон Дальнего леса докатывалось и до самых холмов. Кто знает, может, молодой Древняк, что вырос там на месте старого, тоже притоптывал да прихлопывал, а древние заросшие мхом лесовики недовольно ворчали в своих чащобах.

Алиса быстро освоила простые движения и плясала вместе со всеми. Вот чего бы от себя совсем не ожидала еще пару дней назад. Что-то в ней стремительно менялось — то ли из-за резкой смены обстановки, то ли от близости привлекательного мужчины, то ли под действием силы, прораставшей в ней (или даже сквозь нее).

43

Ночь они провели в уютных мягких кроватях в новом гостевом доме. Рядом со стремительно растущим юным деревом-стражем. Ночной воздух был приятен и свеж. Он пах молодой листвой и цветами.

Звезды сквозь чистое оконное стекло казались яркими и близкими. Алиса лежала, укрытая домотканым одеялом, смотрела на них и слушала, как сын Древняка за окном перешептывается с ночным ветром — листья тихонько позвякивали, словно стеклянные колокольчики.

Она чувствовала едва уловимую, но прочную связь с тремя своими деревьями, а через них — и с другими, пока отзывавшимися неохотно. Но они примут ее! Обязательно примут.

Они были живыми якорями, они держали здесь пространство, создавая невидимый круг, не давая внешней порче и внутреннему унынию вернуться.

В ней поселилось новое, странное и волнующее ощущение — быть частью чего-то большого и, одновременно, воспринимать это как часть себя.

Быть не просто нужной, а действительно необходимой. Хотя это, последнее, никак невозможно было ни объяснить, ни даже пытаться понять.

Но она все же пыталась. В самом деле, почему? В чем ее исключительность? Она ведь просто посадила деревья… Мог бы и Владик, если бы саженцы были у него. И Люба могла бы, уж Люба-то точно… Откуда же тогда это чувство, будто нашептываемое извне, но при этом идущее изнутри?

С этими мыслями она и уснула. И приснился ей дракон. Черной тенью покрыл он небо, затмевая звезды. Сотни айретанов, трубя и барабаня, сопровождали его. Он пролетел над деревней и сел прямо в Ближний лес. И дрогнул лес, и пал в один момент, не осталось от него и деревца.

А она, Алиса, стояла рядом с тем местом, но не могла даже пошевельнуться… Чтобы бежать? Да черта с два! Чтобы защитить! Чтобы напасть на него и уничтожить! Как он посмел?!

Но она стояла без движения, а голова монстра медленно поворачивалась к ней. Блеснули голубыми алмазами его глаза, и она их узнала. То были глаза потустороннего льва! Того, кто спас их… Но почему же теперь…

Алису выволокло из сна будто за шиворот и швырнуло в кровать. В ее мягкую удобную

и теплую кровать в надежном гостевом доме, защищенном сыном Древняка и силой двух величайших волшебников: Любавы и Владислава.

«Это только сон», — прошептала она и перевернулась на другой бок.

Утром жители, счастливые и полные надежд на светлое будущее, устроили им проводы. Они принесли дары — простые, но сделанные от всей души и заряженные благодарностью.

Владиславу торжественно вручили резной посох из прикорневой части дикой яблони, который, как они объяснили, должен помочь ему чувствовать болезни земли еще острее. А если земля здорова, то можно через этот посох черпать из нее силы для исцеления.

Любаве подарили большой платок, собственноручно вышитый Настасьей — той самой, что слегла незадолго перед их приходом в деревню, а теперь была здорова. Особые травы, вплетенные в нить, и волшебный узор должны были помочь сохранить ясность ума даже в самой гуще колдовских бурь и оберегать от дурных чар.

Алисе же старшая из женщин — сухонькая старушка, что больше всех плакала накануне, — вручила изящную деревянную заколку для волос. Она была вырезана из темного, почти черного

дерева, инкрустированного крошечными мерцающими самоцветами, похожими на застывшие капельки утренней росы.

— Это не просто украшение, свет очей ты наших, — объяснила старушка. — Она поможет тебе быть услышанной. Теми, с кем заговоришь. Слова твои, даже невысказанные, будут вернее ложиться на сердце слушающего, находить дорогу к самой душе.

Алиса с глубокой, искренней благодарностью приняла подарок и сразу же, не глядя в зеркало, ловким движением заколола им непослушную прядь волос. Она тут же почувствовала легкую прохладу, разлившуюся по коже головы, и ей показалось, будто ее собственные мысли стали чуть яснее и упорядоченнее.

— От всего Власого Дара вам низкий поклон и вечная слава. Всегда приходите и что угодно просите, не откажем, — на прощание сказал им Владимир и каждого крепко обнял. И еще человек десять из деревни обняли их поочередно. Видимо, то были самые почтенные из жителей.

Попрощавшись с окрепшей и воспрянувшей духом деревней, Влад, Любава и Алиса тронулись в обратный путь. Дорога домой лежала через то же самое ячменное поле, но уже очищенное и

сияющее здоровьем, а затем — через лес.

— Что за Власов Дар такой, а? — спросила Алиса, когда они отошли достаточно далеко.

Влад хмыкнул.

— Это они Залесье свое так называют. Для них наша деревня — Залесье. А их собственная — Власов Дар. Наш Дальний лес для них — ближний, но называют они его Охранным лесом. По крайней мере, ближнюю к себе часть. А наш Ближний лес для них Борис-лес. Но и у нас его тоже так, бывает, зовут.

Алиса кивнула. Про Борис-лес она от кого-то уже слышала.

Они шли по золотистому ячменному полю, которое теперь дышало жизнью. Ветер гулял по нему, нагоняя спелые, шуршащие волны. Алиса осторожно гладила колосья, а Филимон бежал впереди, весело помахивая хвостом и вспугивая полевых птиц. Однажды ему удалось даже поднять стаю куропаток, улетевших от него, заполошно махая крыльями.

Солнце поднималось все выше, обещая ясный, жаркий день. Вскоре они достигли опушки Охранного леса, манящего прохладной сенью деревьев. Они остановились на самом краю, присели в тенечке на границе солнечного света,

чтобы перевести дух и осмотреться перед входом в чащу. Бдительность — это последнее, что можно позволить себе потерять.

44

Дорога домой через Дальний лес получилась непрямой. Ведь прямых путей здесь не существует. Пространство только выглядит надежным, а на самом деле изменчиво. Вроде бы шагов пять всего до той березки — а попробуй доберись.

Вроде бы видишь перед собой овраг — а вблизи оказывается, что там крутой косогор. Вскарабкиваешься на него, оборачиваешься — а позади вовсе не ельник, из которого вышел, но высокий лиственный лес. Вроде бы даже буковый (хотя откуда тут буки?!).

И нет, не возвращайся, ни за что не возвращайся! Там будет уже другое, только заплутаешь. Если, конечно, не умеешь ориентироваться в этом лесу.

Ориентирование здесь, понятно, не такое, как в «нормальном мире». Компас и даже карта с GPS-навигатором не помогут. Они же не ведают, где что окажется через несколько минут. Они не знают даже, что окажется на том месте, где ты остановился — хотя обычно в присутствии человека пространство здесь фиксируется, пере-

стает изменяться. По крайней мере, пока человек не спит.

Оно текуче, как вода в ручье, это пространство. То засасывает подобно трясине, то вдруг выставляет стену прямо перед лицом.

В деревнях и в других «укорененных» местах, как их называл Влад, можно не волноваться. Отвернешься, повернешься, уйдешь, вернешься — все будет, как и было. Если, конечно, кто-то чего-нибудь не переделает за время твоего отсутствия. Все как в «нормальном» мире, из которого Алиса сюда попала.

Исключения тоже бывают — редкие искажения, что прорываются даже через корни. Или создаваемые людьми намеренно, вроде того камня-путевода, вокруг которого получился луг-ловушка, куда угодила Алиса в своем первом невольном походе по окрестностям деревни.

В Дальнем лесу искажения встречаются намного чаще. Самое коварное в них то, что они выглядят как совершенно нормальные участки леса. Они и есть нормальные. Это же просто временные фиксации сути леса…

У Алисы голова пошла кругом, когда Влад попытался ей это объяснить на одном из коротких привалов. В конце концов он предельно упро-

стил, и тогда она поняла.

— Представь себе мозаику. Именно мозаику, а не пазл с его вырезанными пазами, — говорил ей мастер. — Вот у тебя сколько-то кусочков, допустим, шестиугольных, как пчелиные соты. На одном нарисована береза, на другом — ольха, на третьем — ясень, и так далее. Ты складываешь из них лес. Вот у тебя карта леса, все отлично?

Влад усмехнулся, и продолжил.

— А теперь представь, что куски этой мозаики случайно перемещаются с места на место. Где-то пять шестиугольников вылетело, где-то один, а где-то аж двести. На пустое место перемещаются другие. Иногда соседние, но обычно — вылетевшие из других мест. Улавливаешь?

Алиса кивнула.

— Отлично! — Поддержал ее Владислав. — А теперь представь, что это не плоскость. Под мозаикой будто что-то кипит. Где-то сильнее, где-то слабее. А где-то, напротив, спокойно. Это спокойное место — корень или кочка. Корни держат пространство снизу. Кочки стягивают пространство сверху, под ними корней нет, но они тоже довольно надежны. Вместе они образуют острова и хребты.

Он огляделся и подобрал обломок сухой ветки.

Разгреб листву и нарисовал на земле что-то вроде схемы.

— Смотри! Вот острова вокруг корней. Вот хребты. Вот цепочки островков-кочек. Если идти только по ним, всегда придешь одинаково, куда надо.

Алиса глядела, как завороженная, на эту новую, совершенно непривычную ей картину мира. Но вроде бы все не так сложно, как сперва показалось. Нужно просто следовать маршруту. А сначала правильно его проложить.

— А как узнать-то, куда идти? — вырвалось в нее.

Владислав назидательно поднял вверх палец.

— А вот в этом и есть знание леса. Есть признаки, которые увидеть можно и обычным глазом. Услышать или даже унюхать. Чуткий зверь способен ориентироваться без всяких колдовских навыков. Он просто не пойдет туда, где мельтешит. Его остановит инстинкт.

— Так вот как Филя нас нашел?!

Влад отбросил обломок ветки и вытер руки.

— Ну да. А еще есть чутье. Наше, внутреннее. Его можно натренировать, но, конечно, способности очень важны. Ты как бы видишь внутри себя, хоть это и не зрение. Понимаешь, что там

дальше. Что будет, если пойдешь той дорогой или этой. То есть ты не знаешь, что там, но ты знаешь, насколько там пройдешь туда, куда тебе надо. И взвешиваешь, какой путь лучше выбрать. Это похоже на взвешивание на весах внутри себя. Не когда думаешь и просчитываешь, а когда прислушиваешься и приходит ответ. Поняла?

Алиса в принципе-то поняла, но вообще не поняла, как это делать. Видимо, у нее способностей нет. А Владислав явно тренированный мастер этого дела. Пусть каждый занимается своим. И кивнула, чтобы не прерывать, но он уже заканчивал.

— Ну вот так мы и идем, — улыбнулся Влад. — И теперь нам во-о-н туда. А вроде и незаметно, да? Вроде как просто гуляем по лесу?

— Ты один так умеешь? — с уважением в голосе спросила Алиса.

Владислав рассмеялся.

— Конечно нет. Иначе как бы вы с Любавой меня нашли? А как бы Владимир к вам пришел? Но я — лучший! — Он вытянулся по струнке и козырнул ей. Типа «к вашим услугам, мэм!»

— К пустой голове не прикладывают! — Рассмеялась Алиса, вспомнив, как папа говорил это племяшу. И Владислав тут же положил себе на

голову лист папоротника.

45

Ближе к вечеру, когда солнце уже клонилось к верхушкам деревьев, заливая лес косыми золотыми лучами, они остановились на большой поляне, где и решили разбить лагерь на ночь.

Дальний лес остался позади. Владислав расслабился. Не то, чтобы совсем, но напряжение, облаком витавшее вокруг него, стало намного менее заметным. Теперь они в Ближнем, а Борислес корни держат крепко.

Вдруг Любава призывно взмахнула рукой и показала наверх. Они подняли головы и замерли.

Высоко над поляной, медленно и величаво, проплывало знакомое Алисе существо. Его массивное тело, формой напоминавшее бочонок или даже барабан, отливало в закатном свете глубоким, почти черным пурпуром и темным малахитом. От этого «барабана» во все стороны отходили длинные, суставчатые, покрытые панцирем лапы. Ими существо неспешно, ритмично перебирало воздух, словно вязало невидимую сеть из самих сумерек. Голова, если она вообще была, оставалась неразличимой, что делало су-

щество еще более загадочным.

На спине у этого «барабанозверя», в углублении, похожем на седло, восседала фигура в коротком плаще темно-серого цвета. В руках у всадника был посох или, скорее, короткое копье — закатный свет кроваво блеснул на кончике лезвия, подтверждая это предположение.

Любава и Владислав смотрели, затаив дыхание. В их глазах читался благоговейный восторг и глубокая растерянность.

— Айретан… — прошептал Влад. — Надо же… Второй за неделю… На запад полетел…

— В жизни не видала… Но что он здесь делает? — озадаченно спросила Любава, не отрывая взгляда от плывущего в небе чуда. — Зачем ему эти глухие чащи?

— А зачем вообще? — Пожал плечами Влад. — Их же не было сколько… Тысячу лет? Две? О них почти уже забыли…

Они одновременно обернулись к Алисе.

— Тот же? — коротко спросил Влад.

Алиса, щурясь на свет заходящего солнца, покачала головой.

— Не думаю. Тот был… светлее, что ли. И всадник был другой. И одежда не та.

Существо, не обращая на них ни малейшего

внимания, продолжило свой путь и вскоре скрылось за деревьями.

— Надо с Василисой поговорить. — Влад с каким-то даже, пожалуй, вызовом посмотрел на Любу. Но та неожиданно согласилась.

— Видать пора. — Кивнула она и пошла расставлять свои палочки-сторожки.

Влад с Алисой расстелили плащи и пошли собирать хворост. Лес погрузился в привычные сумеречные шорохи. Ночь обещала быть тихой и звездной. Алиса уже начала украдкой мечтать, как уляжется на крепкое и теплое мужское плечо, и что может между ними произойти позже, когда они вернуться в деревню…

Но, едва успели разжечь огонь, как небо, еще недавно ясное, стало стремительно заволакиваться тяжелыми, свинцовыми тучами. Налетел шквалистый ветер, и хлынул ливень. Костер буквально смело.

О, это была не просто гроза! Это было нечто апокалиптическое. Молнии разрывали небо, целые реки ослепительного, белого огня рассекали его. Они били в землю с оглушительным треском, зажигая деревья. Гром гремел не прерываясь, сплошным, рвущим барабанные перепонки гулом, в котором тонули все остальные звуки.

Казалось, сам воздух дрожит и вибрирует. Почувствуйте себя муравьем внутри барабана во время концерта!

В свете сплошных вспышек мир становился резким, черно-белым и нереальным — застывшие в ужасе деревья, летящие горизонтально струи дождя… Вот неподалеку рухнуло одно дерево. А вот и второе…

Любава, крича что-то, что невозможно было разобрать, воткнула в землю и изо всех сил удерживала две сломанные бурей ветки. несмотря на попытки ветра вырвать их из рук. Над головами путешественников затрепетал, замерцал и натянулся легкий, полупрозрачный купол, похожий на мыльный пузырь.

Вода с яростью обрушивалась на него, но не пробивала, а скатывалась по бокам, образуя вокруг их укрытия настоящую водяную стену. Под этим куполом было чуть-чуть потише, и грохот грома уже не оглушал, а доносился как постоянный гул.

Третье дерево рухнуло прямо на них, но лишь спружинило и отскочило. Любава прошлась руками по одежде и по вещам, в воздух поднялось облако пара, а когда оно рассеялось, все стало сухим.

— Медку бы Трофимова… — пробормотала бабушка и прилегла. Немало сил ушло на это колдовское чудо, но оно того стоило. Влад вытащил заранее нарванную серебрянку, отжал, как когда-то показывал Алисе, и напоил Любаву. Та заметно повеселела.

А вокруг прозрачного пузыря бушевала гроза. Алиса сидела, обхватив колени, и смотрела на это безумие стихии. Она чувствовала, как земля под ней вздрагивает от каждого удара грома.

И вдруг… Она поняла, что один из этих толчков — другой. Словно и не удар вовсе, а какое-то шевеление снизу. Ощущение, будто почва проседает. Она вскрикнула, но ее голос потерялся в общем гуле.

Она посмотрела на Любаву и Влада — те сидели спиной к ней. Похоже, поддерживали своей силой защитный купол.

И в этот момент земля ушла у нее из-под ног. Не провалилась, а словно размякла, превращаясь в жидкую трясину. Холодная, липкая грязь сомкнулась на ногах Алисы. Она попыталась вырваться, закричать, но ее затягивало с невероятной силой. Почти как тогда, в реке.

Она увидела, как Любава оборачивается, как ее глаза расширяются от ужаса. Увидела, как Влад

бросается к ней, протягивая руку. Их пальцы почти соприкоснулись. Но было слишком поздно.

46

Очнулась Алиса в темноте. Рукой нащупала камень. Она лежала на холодном полу. Глаза постепенно привыкли и начали различать смутные очертания. Вроде бы это небольшая комната без дверей.

Она встала и обошла ее по периметру. Стены грубой кладки, кое-где покрытые мхом. Высоко под потолком видны узкие, как бойницы, окна. Сквозь них едва сочится тусклый, болезненный свет, не похожий ни на солнечный, ни на лунный — пепельный, мертвенный.

«Где я? Что случилось?» — пронеслось в голове. Все тело ломило, будто ее протащили через дробилку. Она вспомнила грозу, провал в земле, руки, тянущиеся к ней…

«Любава! Влад!» Сердце сжалось от страха за них. Но почему забрали только ее? Бабка-манок тогда, у реки, тоже охотилась именно на нее. Словно она была им зачем-то нужна. Но кому это «им»?

И, главное — зачем? «Извлечь к мертвому», как тогда Влада? Или для чего-то другого? Мысли

путались, подсовывая разные варианты, один страшнее другого. Накатывала новая волна паники.

Внезапно до нее донесся отдаленный шум. Глухой, нарастающий гул, в котором угадывались крики, металлический лязг и что-то еще — какой-то низкочастотный вибрирующий звук, от которого дрожал пол.

Это что? Стройка? На улице решили снять асфальт?

Да откуда здесь… Бой! Это шум сражения! И этот шум приближается!

Алиса вскочила, забыв про боль. Она подбежала к одной из стен, пытаясь найти хоть какую-то щель или выступ, чтобы добраться до окон. Но камни были плотно пригнаны друг к другу. Она посмотрела наверх — нет, не допрыгнуть.

«Зачем они такие? Чтобы пленник не сбежал и не увидел, что творится снаружи?» — догадалась Алиса.

А грохот становился все сильнее. Теперь она ясно различала взрывы — не громовые раскаты, а именно взрывы, как в боевиках. И еще — сухие, но сокрушительные хлопки, от которых содрогалась сама крепость (Алиса не сомневалась, что ее заперли в какой-то крепости, как же иначе?).

Камни под ногами заходили ходуном как во время землетрясения. Алисе еще ни разу не удавалось ощутить это в реальности, ее опыт ограничивался видосами из Турции и тому подобных мест — ну где качаются люстры, падают шкафы, подпрыгивают и визжат сигнализациями машины. Ох, пусть бы этим и ограничивался ее опыт!

И вот один из таких хлопков раздался совсем рядом. Стена перед ней не просто рухнула — она распалась изнутри, осыпавшись градом обломков. В проем хлынул поток холодного, влажного воздуха, пахнущего дымом, озоном и… свободой.

В облаке пыли и оседающих осколков возник силуэт человека. Он сделал всего один шаг, но это был не просто шаг. Пространство сжалось, и он внезапно оказался рядом с Алисой, словно его перенесли невидимые руки.

Это был молодой мужчина, лет двадцати пяти. Его лицо с резкими, волевыми чертами, было обрамлено темными, непослушными прядями волос. Больше всего Алису поразили его глаза — яркие, пронзительно-голубые, каким иногда бывает лед. Они горели в окружающем сумраке холодным огнем сосредоточенной ярости.

Вокруг его фигуры, от кончиков пальцев рук до

развевающихся пол плаща, вились, переливаясь, струи энергии. Они напоминали потоки раскаленного воздуха над огнем, но цвет их менялся от ослепительно-белого до густо-фиолетового. От мужчины исходила аура такой мощи, что у Алисы перехватило дыхание.

Он быстро огляделся, его взгляд на мгновение задержался на ней. Потом он протянул руку, но это была не рука помощи, а жест господина, не терпящего возражений.

— Пойдем!

Алиса, ошеломленная и напуганная, инстинктивно отшатнулась. Да кто он такой?! Друг? Или новый похититель? В его светящихся глазах она не видела ни капли тепла или сочувствия, только целеустремленность.

Похоже, у него не было времени на уговоры. Одним движением он схватил Алису, перекинул ее через плечо, как мешок с картошкой, и развернулся. Алиса взвизгнула от неожиданности и унижения.

Она принялась лупить его кулаками по спине, дрыгать ногами, но его мускулы были тверды, как сталь, и он словно не замечал ее сопротивления. Или, возможно, под плащом и скрывалась сталь? Какие-нибудь доспехи?

Повиснув вниз головой, она увидела, что творится в проломе. В перевернутом виде, естественно.

Там, в полумраке разрушенного коридора, из клубов пыли появилось нечто, состоящее из нагромождения бледных костяных щупалец, усеянных крючьями и украшенных гроздьями горящих красным глаз. По протяжению этих щупалец зияли пасти, полные игольчатых зубов. Это существо издавало странный, глухой присвист, от которого кровь стыла в жилах.

Или это не одно существо, а целая стая?!

Мужчина, державший Алису, на секунду обернулся к чудовищу. Она почувствовала, как энергия вокруг него сгустилась до предела. Он не произнес ни звука, лишь резко выбросил вперед свободную руку. И мир взорвался белизной.

Ослепительная вспышка. Алиса зажмурилась, но свет прожигал веки. А потом наступила пустота. Не плавное погружение, как тогда, когда она падала в свою кроликодраконовую нору в мире духов, а резкое, стремительное падение. Ее швырнуло вниз с такой силой, что в ушах засвистел ветер.

А потом все стихло. Осталось только ощущение полного отсутствия опоры и падения сквозь

ничто. Как в быстро спускающемся лифте, когда перестаешь чувствовать тяжесть.

47

Он бросил на Алису короткий, оценивающий взглядом, словно проверяя, цела ли она, не растеряла ли по дороге конечности. Его дыхание было ровным, но на лбу блестели капельки пота. И тогда случилось нечто, заставившее Алису забыть о дыхании вовсе.

Его фигура дрогнула и поплыла. Контуры расползлись, и он… изменился. Тело сжалось, руки превратились в крылья, плащ слился с проступающим сквозь него оперением. Через мгновение Алису держали уже не руки, а мощные, покрытые темными перьями лапы.

Огромная птица, размах крыльев которой поражал, понесла вверх. Несколько могучих взмахов — и они прошли насквозь полосу густого серого тумана. Перед входом в него внизу на секунду мелькнула земля, но Алиса не успела разглядеть ничего — ни деревьев, ни рек, ни домов… В памяти осталось какое-то мрачное, однообразное пространство. Она не смогла соотнести его ни с чем знакомым.

Птица, не снижая скорости, продолжала под-

ниматься. Они врезались в плотную пелену облаков. Влага окутала Алису, быстро промочив ее до костей. Она старалась не шевелиться, боясь сорваться вниз, но не могла унять дрожь — совсем не жарко лететь, знаете ли, будучи мокрой.

Затем они на секунду взмыли над облаками, и над ними вспыхнули настоящие, яркие звезды. Но птица, описав крутую дугу, снова нырнула в облачную пелену, словно стараясь запутать след.

Алисе показалось, что прошла вечность, но едва ли их головокружительный полет длился более получаса. Наконец, птица пошла на снижение.

Сквозь разрывы в тучах Алиса разглядела внизу темную, бурлящую массу. Это было море. Грозное ночное море, которое больше слышно, чем видно — глухой, непрерывный рокот прибоя, бьющегося о скалы.

И на одной из таких скал, на самом ее краю, виднелся темный контур замка. Птица плавно зашла на посадку, опустилась на каменный балкон, сбросила свою ношу и вцепилась когтями в парапет.

Алиса, наконец, смогла встать на ноги. Ее колени подкашивались, все тело ломило, а зубы выбивали дробь от холода и пережитого ужаса.

Птица соскочила с парапета на балкон, пре-

вращаясь в человека прямо во время прыжка. Перья схлопнулись, крылья сложились, и перед Алисой снова стоял тот же мужчина. На его лице читалась усталость.

Без лишних слов он взял ее за локоть и силой затащил с холодного, продуваемого всеми ветрами балкона внутрь здания. Никакая дверь не захлопывалась за ними, но словно бы опустился прозрачный полог, отсекая рев моря и оставляя Алису наедине с ее загадочным спасителем-похитителем в незнакомом зале, освещенном красноватым светом факелов.

Так же молча незнакомец повернул высокое деревянное кресло — одно из многих, расставленных вдоль длинного стола — и толчком усадил Алису в него. Сам уселся на соседнее.

— Какая же ты тупая! — Были его первые слова.

Алиса, еще секунду назад совершенно раздавленная происходящим, немедленно возмутилась.

— Ты кто такой, вообще?! Ты что себе позволяешь?!

Она вскочила, собираясь ринуться на выход из комнаты. И сообразила, что бежать-то некуда. Разве что бросаться с балкона. Но там, как

она помнит, море. Затравленным зверем Алиса огляделась — есть ли дверь? Ага, есть! Огромная деревянная дверь, обитая каким-то желтым металлом, с большой ручкой, почти как вход на какую-нибудь древнюю станцию метро.

Она повернулась к незнакомцу и буквально прожгла его взглядом. Вот прямо насквозь! О, ну почему сила не приходит, когда так нужна?! Сейчас бы живо его… дезинтегрировала, как ту сухую сосну в лесу!

И тут Алиса заметила выражение на лице своего похитителя. В том, что это именно похититель, сомнений уже не оставалось. Он смотрел… с легким интересом.

— Да ты присядь. — Он сделал приглашающий жест рукой.

Выдохнув, Алиса села обратно. Ладно. Вроде, не убивают. Поглядим, что к чему.

— Ты тупая. — Повторил он снова и сделал ей жест заткнуться, как только она попыталась снова открыть рот. — Сказано было не лезть в Симберук. Полезла.

— Никуда я не лезла. Какой еще Симберук? Эта дырка возле Древняка, что ли?! А зачем вы Влада украли?! Еще и мертвяка из него хотели сделать! Да вообще!.. — Алиса захлебнулась праведным

негодованием.

— Лес. Симберук — это лес. Ты тупая. Ничего не знаешь, везде лезешь. — Он вздохнул словно бы даже с некоторым сочувствием.

«Ого! Да он не каменный!» — проскочил в голове Алисы лучик надежды.

— Пересидела бы в доме. К дереву они бы не полезли. Тем более к такому. А за день сместилось бы… Или ушли бы к северу. Нет, надо было попереться… Медом тебе там намазано?

Алиса ничего не понимала. Вот буквально ничего. Не складывалось. Может, он ее с кем-то путает? Ответила рефлекторно.

— Мед у нас закончился…

Незнакомец закатил глаза. На его суровом лице это смотрелось бы даже немного потешно, если бы они не сверкали противоестественной голубизной.

— Тебя похитили. Уволокли под землей. Глубокие вырыли норы. Потом бросили через путевод. Ты… — Он покачал головой, словно в недоумении. — Как ты жива-то до сих пор, такая глупая.

Алиса посмотрела на него со всей строгостью и всем достоинством, на которые была способна, и медленно, очень отчетливо, пытаясь впечатать каждое слово ему лоб, произнесла:

48

Их разговор прервался так же внезапно, как и начался. Массивная дверь беззвучно отворилась, пропуская в зал статную женскую фигуру.

Она была строга и прекрасна, как Снежная Королева из сказки Андерсена. Ее платье из тяжелого мерцающего материала, похожего на шелковую парчу, было настолько длинно, что подол струился по полу. Волосы, убранные в сложную прическу, казались отлитыми из чистого серебра.

Лицо женщины было лишено морщин, но в глубине холодных, пронзительно-голубых глаз таилась тяжесть тысячелетий. Ее подчеркнутая надменность и бледность ее кожи усиливали впечатление, что она — ожившая скульптура, выточенная из глыбы льда и драпированная драгоценной тканью. Если бы не эта холодность, ее можно было бы назвать привлекательной, а так — только красивой.

За ней вошел слуга, так же больше напоминающий ожившую статую — высокий, с кожей цвета потускневшей бронзы и пустыми глазни-

цами, в которых мерцали бледные огоньки. Он закрыл дверь и застыл, склонив голову в немом ожидании.

Алиса поежилась. Этот-то совсем на живого не похож. Как таких называли в фэнтези… Голем?

«А у тетки в лице что-то знакомое, — подметила про себя Алиса, — черты какие-то…»

Взгляд женщины тем временем скользнул по Алисе, не задерживаясь, словно по ничтожной ветоши, и устремился к Ксандру.

— И вот из-за этого ты устроил войну? — ее голос был тихим, но каждый звук в нем напоминал отточенное лезвие. Он резал воздух, одновременно наполняя зал ледяным спокойствием, свойственным высшей власти.

Ксандр, до этого момента расслабленный, немедленно подобрался и встал с кресла. Он выпрямился, вроде бы как с почтением, но одновременно от него повеяло готовностью к бою, той же, что была в разрушенной им тюрьме, из которой он вызволил Алису.

— Я не устраивал войну, матушка. Я предотвратил похищение.

«Вор у вора дубинку украл… — мелькнул в голове Алисы язвительный комментарий, ее саму удививший и немножко даже развеселивший.

Несмотря на очевидную серьезность ситуации, она едва удержалась от смешка. — Матушка, значит. Сынок, значит. Вот на кого она похожа».

— Ты вскрыл оборонительные контуры! Ты применил проход через слои в запретной зоне! Из-за этой… деревенщины, — слово было произнесено с такой уничижительной интонацией, что Алиса должна была бы почувствовать себя грязью, но как-то не почувствовала. — Мы теперь на грани открытого конфликта с Глубинным Домом. Они потребовали ее назад. По праву первородства на земли Симберука.

— Их «право» закончилось, когда они начали охотиться на феосинтов и растлевать древних стражей, — голос Ксандра оставался ровным, но в нем зазвенела сталь. — Они превратили одного из древнейших в ловушку и чуть не обратили деревенского ведьмака в неживое, а с ним еще двух ведьм. Разве мы не договаривались туда не соваться? Те — сами по себе, мы — сами по себе, нет? А манков посылать... — Ксандр скривился, будто проглотил жабу.

Его мать промолчала, давая ему выговориться или… ожидая, когда он оступится, чтобы подловить? А Ксандр продолжал, кивнув в сторону Алисы.

— Они пытались обернуть ее силу, даже не понимая, что она собой представляет. Я не мог им позволить…

— Ты не мог?! — женщина не выдержала, и впервые в ее голос прорвалась эмоция. Вспышка гнева, впрочем, мгновенно погашенная. — Ты наследник Престола Теней! Твоя обязанность — думать о Нареллейне! А не бросаться в атаку, как какой-то безродный наемник!

Алиса стояла, завороженная этим столкновением двух стальных воль. Но слова матери Ксандра, произнесенные в самом начале их ссоры — «из-за этого» — до сих пор отзывались в ней странным эхом. Да понятно, что ее оскорбительно назвали вещью, даже не признавая в ней женщины, но…

И вдруг, словно молния, ее пронзило осознание. Ощущение, что она, наконец, ухватила нить! Вот что ее тянуло, звало еще там, в городе, и необъяснимо заставило не просто согласиться на поездку к бабушке, отказавшись от Италии, но и стремиться сюда…

Это была не только тяга к приключениям и не только зов крови Любавы. Была и иная точка притяжения, возможно — главная? Это он. Ксандр был той силой, что невольно и незримо направляла ее сюда, в этот мир, к этим опасностям. Он

был ее предопределением. И именно поэтому, подсознательно чувствуя незримую связь с ним, она отстранилась тогда от Владислава. Ее сердце уже была занято другим, хотя еще и не ведало об этом.

Это нельзя даже назвать любовью с первого взгляда, потому что чувство уже было раньше, до их знакомства. И потому, что взгляд был не первым. Просто этот — не первый, случайно очередной взгляд — словно пробил щит, за которым оно скрывалось.

Это открытие ошарашило ее настолько, что она оцепенела. Звуки голосов доносились до нее как из-за толстого стекла. Спор между матерью и сыном, конфликт, в котором, возможно, прямо сейчас решалась ее судьба, проходил «где-то там» и нисколько ее не трогал. Она стояла неподвижно, как кукла, не в силах пошевелиться, настолько ошеломила ее истина, вдруг открывшаяся в ее собственном сердце.

Мать Ксандра, закончив свою тираду, снова окинула Алису беглым взглядом. В нем не было ненависти. Было презрение — холодное и безразличное, каким смотрят на пустое место. Она не удостоила ее ни словом, ни жестом. Плавно развернулась и вышла из зала. Бронзовый слуга

бесшумно последовал за нею, и дверь так же беззвучно закрылась, оставив в зале гробовую тишину.

49

Вернувшись в зал, Алиса принялась ждать. Вскоре сирены затихли. И только теперь она поняла, насколько голодна.

Словно уловив ее мысль, дверь снова отворилась, пропуская другого слугу — на этот раз юношу-пажа в ливрее, с юным, но непроницаемым лицом. Он нес золотой поднос, уставленный яствами. Там были незнакомые фрукты, искрящиеся в свете факелов и словно кристаллические на вид, мясо в соусе цвета темного вина, пахнущего ароматными травами, еще горячий хлеб и кувшин с неизвестным ей напитком, от запаха которого щекотало в носу.

Ну и где тут написано «съешь меня» и «выпей меня»? Алиса хмыкнула. Разве можно принимать пищу в доме похитителей? А если отравлено? А если… И принялась есть и запивать. Ела с жадностью, чувствуя, как тепло и энергия возвращаются в ее тело.

Паж вернулся, когда она закончила, и молчаливым жестом предложил следовать за ним. Алиса помялась — ведь Ксандр велел оставаться.

Но отказаться невежливо, у ее любимого и так проблемы с маменькой. Да и любопытство гнало ее вперед.

Паж привел ее в другой зал, куда более величественный. Высокий, сводчатый потолок терялся в полумраке, вдоль стен плавали светлячки сгустков энергии. Сами стены были затянуты темно-бардовым бархатом, расшитым золотыми нитями в сложные, незнакомые узоры.

В центре на возвышении стоял трон из черного, отполированного до зеркального блеска камня, в котором отражались огни. Возле трона, неподвижная и величественная, стояла мать Ксандра.

Она обернулась, когда Алиса вошла. Ее лицо было абсолютно спокойным.

— Забудь о моем сыне, — произнесла она, и ее слова вовсе не прозвучали приказом. Они звучали как констатация неизбежного.

Она взмахнула рукой. Воздух перед Алисой сгустился, заструился. Алиса почувствовала, как невидимая, липкая паутина опутывает ее сознание, пытаясь проникнуть внутрь, найти определенные воспоминания — о голубых глазах, о чувстве предопределенности — и стереть их, как стирают рисунок с грифельной доски.

Она ощутила давление в висках, легкую тошноту. Но где-то в глубине, в самой сердцевине ее существа, что-то возмутилось, отклонило чужеродное вторжение. В ушах прозвенел тонкий, высокий звук. Колдовская атака споткнулась, забуксовала и отступила, не сумев выполнить свою задачу до конца.

Лицо женщины осталось невозмутимым, лишь брови чуть приподнялись в легком недоумении. «Наверное, заколка помешала», — мелькнуло у Алисы, и она едва не протянула руку, чтобы ее потрогать. Но сдержалась. Ведь отнимут! И тогда она забудет… Нет, только не это!

Когда она очнулась, то обнаружила, что стоит одна в том же тронном зале. Повернувшись, увидела пажа. Тот снова показал ей дорогу. На этот раз ее отвели в покои — просторную комнату с высоким окном, за которым бушевало невидимое в темноте море.

Там была огромная кровать с балдахином, купель, уже наполненная горячей водой с ароматными маслами, и чистая одежда, разложенная на стуле. Несмотря на все унижения и угрозы, ей оказывали поразительное почтение, достойное, должно быть, коронованных особ.

Алиса понятия не имела, какое почтение кому

должны оказывать, но определенно ее ничтожеством не считали, иначе выкинули бы прямо в море. В крутом нраве местных жителей она не сомневалась.

Она помылась, надела мягкую рубашку и легла в постель, но сон не шел. Мысли вихрем проносились в голове. Все, что случилось за этот день — похищение, спасение, встреча с Ксандром, ошеломляющее откровение о его истинной сущности, конфликт с матерью…

И самое главное — странное, непреодолимое чувство, что она не просто влюбилась с первого взгляда, а нашла часть себя, потерянную так давно, что и не помнила, когда ее теряла. Она любила его. Всегда. И теперь знала это.

И почему магия такой могущественной волшебницы не подействовала на нее? Только ли из-за заколки? А из-за заколки ли вообще? Та, кто ее подарила, ничего не говорила о защитных свойствах. «Неужели я это… сама?» — мысль показалась Алисе невероятной, но многое объясняла.

В этот момент она поняла, что не одна. В глубине комнаты что-то шевельнулось! Но дверь и окно закрыты. Она испуганно приподнялась на локте, но тут же узнала его.

В полутьме, приложив палец к губам, стоял

Ксандр. Видимо, призывая ее к тишине. Она кивнула. Он провел рукой по воздуху, и Алиса почти физически ощутила, как вокруг них опустилась невидимая звуконепроницаемая завеса. Фоновой гул замка, доносившийся сквозь стены, исчез. Исчезли и едва слышные звуки прибоя.

— Теперь можно, — громко произнес он. — Разве я не сказал тебе оставаться на месте?

Алиса, слегка запинаясь (но не от страха, а от нахлынувших чувств), рассказала ему о визите его матери и о попытке стереть память.

Он выслушал, его невеселое лицо помрачнело еще больше.

— Она не должна была этого делать. Но она действует так, как считает нужным для безопасности нашего дома. Эх, если бы отец…

И замолчал. Тогда Алиса, желая перевести тему, спросила:

— Ксандр… это Александр?

Он на мгновение показался озадаченным, потом в его глазах мелькнуло понимание.

— Да. Так у вас называют.

Алиса рассмеялась. Ей вдруг стало так легко и комфортно, словно они знали друг друга сто лет.

50

Алиса стояла на балконе своей городской квартиры. За окном лил дождь. Струи воды, словно прозрачные змеи, извивались по стеклу, искажая огни ночного города. В голове была пустота. Она помнила, что должна что-то сделать, что-то очень-очень важное, но никак не могла вспомнить что.

Потом вспомнила — конечно, позвонить маме. Она же вернулась от бабушки. Надо же, так устала, что сразу свалилась спать, а тут еще этот дождь… Гроза. Да, была гроза. Очень сильная. Гром гремел, словно небо раскалывается на куски, а молнии били где-то совсем рядом, заливая комнату ослепительным, пугающим светом. Почти как тогда… как тогда где? Мысль снова ускользнула.

Она набрала номер мамы. Трубку не взяли. Тогда она отправила сообщение: «Привет, мам, я приехала».

Потом пошла на кухню. На подоконнике — горшок с мятой. Совсем засохшей. Ей стало грустно. Она же просила поливать…

Алиса села на кухонный диванчик, чувствуя себя потерянной и опустошенной. Что-то было не так. Что-то важное отсутствовало, оставляя в душе зияющую дыру. Она не понимала, что с ней.

Просидела так довольно долго. Дождь за окном не прекращался.

Вдруг из коридора донесся звук. Тихий, но отчетливый. Там было темно, свет горел только на кухне. Алиса насторожилась, потом медленно пошла на звук. Войдя в коридор, она вгляделась в темноту и замерла. Из полумрака на нее смотрели два ярко-зеленых, светящихся глаза.

От неожиданности и страха она отпрыгнула назад, больно ударившись спиной о стену. Дрожащей рукой нащупала выключатель и щелкнула. Свет залил прихожую.

Напротив нее, у входа в гостиную, сидел кот. Огромный, дымчато-серый. Он сидел неподвижно, словно изваяние, и его пронзительный взгляд был устремлен прямо на Алису.

Ошеломленная, она прошептала:

— Ты откуда взялся, котик? Ты чей?

А в голове пронеслась нелепая мысль: «Мама что ли оставила? Кто-то подбросил? Ленка? Через окно влез?» Но окна были закрыты.

«Наверное, проскользнул в дверь, когда я захо-

дила, ведь так устала, могла не заметить», — нашла Алиса правдоподобное объяснение. Главное в правдоподобных объяснениях, что они удовлетворяют и успокаивают.

А кот тем временем медленно поднялся и, не отводя от нее взгляда, сделал несколько шагов в ее сторону. Он подошел почти вплотную, посмотрел на нее снизу вверх и отчетливо произнес:

— Ну ты тупая…

И тут в ее сознании что-то щелкнуло. Память хлынула через разрушенную плотину: Любава, Влад, деревня, поле подсолнухов, Древняк, Саша, его голубые глаза, его прикосновения, замок, бушующее море…

С криком, в котором смешались восторг, облегчение и безумие, она наклонилась, схватила кота и подняла его на руки. Он был тяжелым и мягким. Она начала кружиться с ним по тесной прихожей, прижимая к груди и смеясь сквозь слезы.

— Котофей Игнатьич! Ты ли это! Ты ли!

Кот потерпел приличное время, а потом вывернулся из ее объятий и с достоинством упал на пол.

— Отстань немедленно! — проворчал он, отряхиваясь.

— Что же ты раньше молчал? — захлебываясь,

спросила Алиса.

Он бросил на нее еще один свой кругло-зеленый взгляд:

— Раньше не надо было.

И, развернувшись, скрылся за углом в гостиную. Алиса бросилась следом, но там никого не оказалось. Пусто.

Так. Померещилось? Может, она и правда сошла с ума? Или все это был сон? Долгий, яркий, мучительный и прекрасный сон?

Она встала на колени и очень внимательно изучила пол. Ни шерстинки.

Алиса вернулась на кухню и подошла к засохшей мяте. Полила ее. Потом, почти на автомате, вспомнила то ощущение — как набирать силу. Она закрыла глаза, сосредоточилась. Осторожно, капля по капле, стала собирать внутри себя ту энергию, которая прогоняла чудищ и уничтожала сухие деревья, которая давала жизнь росткам древостражей.

И вот она то ли почувствовала отклик, то ли вообразила его себе — ощутила слабое, едва заметное присутствие силы. Выдохнув, Алиса выпустила эту каплю в безжизненное растение.

Ничего не произошло. Ни вспышки, ни даже шелеста.

Разочарованная, она уже хотела отойти, как вдруг заметила. У самого основания сухого стебля, в черной земле, проклюнулся крошечный, ярко-зеленый росток. Он был так мал, что почти незаметен. Но он там был. Живой.

Алиса улыбнулась. Чего-чего, а упрямства ей не занимать. Так или иначе, она вернется.

Алиса подошла к зеркалу. В нем отражалось загорелое лицо с пылающими глазами и лихорадочным румянцем. О, да, и все щеки в конопушках.

Она сдула волосы со лба и, совершенно спокойно и отчетливо чеканя каждое слово, поклялась прямо в зеркало:

— Я не забуду вашего сына и не оставлю его в покое… Маменька.

~~~~~~~~

* * *

~~~~~~~~

Спасибо всем, кто был с героями в радости и опасности!❤

Новая книга о приключениях рыжей лисы Алисы уже опубликована. Пойдемте приключаться дальше!

Продолжение: "Все лисы — рыжие!": https://

litnet.com/shrt/s3Y8